

Союз армян Украины
Крымское армянское общество
Центр арменистики

***Исследования
по арменистике в Украине
Выпуск 2***

***Armenian Studies
in Ukraine
Volume 2***

Симферополь
2010

ББК 86. 37 (4 Укр - 6)
С 20
УДК 94 (477.75)

Союз армян Украины
Крымское армянское общество
Центр арменистики

Редакционная коллегия:

Габриелян О. А.
Байбуртский А. М.
Герардини О. Н.
Тимиргазин А. Д.

Исследования по арменистике в Украине Выпуск 2. – С.: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx, 2010. – XXXXX с.

ISBN xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

В выпуск вошли материалы международной научно-практической конференции, посвященной 650-летию со дня основания монастыря Сурб Хач, проходившей 25–26 июля 2008 г. в монастыре Сурб Хач, Автономная Республика Крым.

Предисловие

*Председатель Крымского армянского общества,
доктор философских наук, профессор
О. А. Габриелян*

Материалы научной конференции

Раздел I. Армяне Украины в средние века

Типологічні особливості планувально-просторової організації вірменських храмових споруд на теренах України в період з X – початок XIX ст.

Особливість історії вірменського народу полягає в тому, що з давніх часів вона включає в себе також історію численних вірменських колоній¹ [11;12].

В зв'язку з історичними подіями, особливо внаслідок періодичних спустошувальних нашеств на території Вірменії, значна частина вірменського народу була змушена покинути свою батьківщину та шукати притулку в чужих країнах. Деякі з цих країн згодом стали другою батьківщиною для вірменських переселенців, саме такою стала для них українська земля, яка вірменським купцям буда відома ще з I ст. до Р.Х. [11;12]. Перші вірменські поселення були засновані в Криму приблизно в V-VI ст., через деякий час вони розселились і в інших кутках України, переважно на території Галицько-Волинського князівства.

Вірменські переселенці завжди намагались зберегти свої традиції, осередками яких були і є храмові комплекси.

Архітектура храмових споруд вірмен переселенців залишила значний слід в історії архітектури України. Цей аспект і досі залишається невисвітленим в повній мірі, особливо українськими дослідниками.

Висвітлення питання планувально-просторової організації вірменського храму на території України займались: Халпахч'ян О.Х. [2,3,7,8,10,15,16,17], Домбровський О.І. [5], Лопушинська Є.І. [6], Таманян Ю.А. [9,14], Петросян М.В. та Саргсян Т.Э. [13], Якобсон А.Л. [14], Колосок Б. В. [18] та інші. Проте всі праці висвітлюють окремі пам'ятки вірменської храмової архітектури, в кращому випадку певного регіону – Кримського півострова чи західноукраїнських земель. Немає жодної роботи, яка б цілісно висвітлила архітектуру вірмен на теренах України. Відсутня цілісна картина вірменського храмового будівництва.

На основі попередніх досліджень, публікацій [1-17], архівних матеріалів [18] та власних натурних досліджень встановлено, що планувально-просторова структура вірменського храму України поділяється на чотири основні типи: *однефні базилики*; *зальні купольні*; *трьохнефні купольні*; *хрестово-купольні церкви*. Всі перелічені типи мали два підтипи: *одноабсидний* та *триабсидний*. В хамах Вірменії планувально-просторова структура має більш складну типологічну структуру: *однефні* та *трьохнефні базилики*,

купольна базилика, *трьохконхова купольна базилика*, *купольний зал*², *хрестово-купольні церкви*, *центральні хрестово-купольні церкви* та їх підвиди [1, С.32].

На території України на даний час невиявлені приклади типу трьохнефних базилик.

Вірменські церкви за традицією абсидою орієнтовані на схід, проте існують і винятки, як і в Вірменії [2, С. 182, 458.] так і у вірменських колоніях. На орієнтування церкви впливало оточуюче середовище: рельєф місцевості, оточуюча забудова, шляхи підходів. Одним з прикладів є церква св. Саркіса в селі Топольовка, яка розташована паралельно р. Мокрий Ідол, в наслідок чого вітварна частина направлена на північний схід [3].

Головний вхід зазвичай розташовувався на поздовжній осі посередині західного фасаду. Проте він міг бути зміщеним причиною такого явища було оточення: через рельєф місцевості та зручність підходів – в церкві Параскевни П'ятниці в Топольовці вхід зміщений відносно центральної осі в правий бік, в Церкві Іллі в Сонячній Долині вхід знаходиться на східному фасаді з лівого боку, в церкві Сурб Григор (XIV ст.) в Феодосії основний вхід розташований на північному фасаді (з західного боку між храмом та пагорбом дуже мала відстань і зробити головний вхід з цього боку було не вигідно), церква Саркіса в Топольовці головний вхід на південно-західному фасаді, трохи лівіше від центра стіни (через те що церква розташована вздовж р. Мокрий Ідол), церква Сурб Геворк (XV ст.) в Феодосії вхід зміщений відносно центру до лівого краю; через оточуючу забудову – в церкві Св. Саркіса в Луцьку вхід розташований на південному фасаді, по центру стіни.

В деяких храмах, окрім головного входу, передбачені додаткові для священнослужителів. Вони розташовувались на бокових фасадах (церква Сурб Геворк в Феодосії, церква монастиря Спасителя в Богатом, церква Іоана Богослова в Феодосії, та ін.). В монастирях також були передбачені окремі входи для людей, які мали монаший сан та проживали в ньому. В церкві Сурб Ншан монастирь Сурб Хач біля м. Старий Крим та Вірменський собор у Львові окремі входи були збоку двору, при будівлі з келіями.

Серед церков, які збереглися та про які відомо

¹ Колонії – (лат. *Colonia* – поселення), населення іноземців, поселення вихідців, переселення з інших земель. Переселення вихідців з однієї країни або області в іншу.

² Зал – частина церкви де розміщувались прихожани, *однефна* або *трьохнефна*.

з письмових джерел, не виявлено жодної однакової церкви за розміром та деталями планування. Не дивлячись на те, що більшість церков, особливо ті, що збереглись, неодноразово перебудовувались, майже всі зберегли первинні форми та розміри.

Найбільш поширеним та найбільш древнім типом планувальної структури храму, як на території Вірменії так і в Україні, є однефні базилики, які на території Вірменії виникли в IV-V ст.

В Вірменії однефні базилики – невеликі за розміром та скромні за зовнішнім формам архітектури. Продовгуватий зал, має циркульне склепіння на підпружних арках під двоскатною покрівлею, з східного боку має завершення у вигляді півкруглої абсиди з конхою та приділом з одного боку [1, С.32]. Абсидна частина ззовні могла виступати за межі основного об'єму і мала переважно багатогранну форму. Окрім цього були церкви з не виступаючими абсидами.

В чистому класичному вигляді планувально-просторової структури, вірменські церкви збереглись лише на території Криму. В Україні, на відміну від Вірменії, зустрічаються триабсидні однефні храми, де бічні апсиди в плані менші за центральну, яка могла виступати за межі основного об'єму на відміну від бічних (церква Саркіса в Феодосії, церква монастиря Сурб Степанос поблизу Старого Криму [4, С. 79, 80; 5, С. 109-115..]). На місці бокових абсид як в Вірменії, так і в вірменських колоніях України могли розміщуватись додаткові приміщення: ризниця, паламарська (церква монастиря Спасителя у Богатому, церква св. Степана у Луцьку), приділ, там же могло розміщуватись місце для сповіді.

На території західної України, апсиди в плані окрім класичної півциркульної форми, як в Вірменії і в Криму, могли мати лучкову (церква св. Степана у Луцьку, церква в Жванці).

Ззовні основний об'єм церкви в плані – прямокутний. Східна частина в одноабсидних церквах мала декілька видів завершення: півциркульну, лучкову (церква Сурб Геворк Феодосії, церква Іллі в Сонячній Долині), п'ятигранну (церква 12 апостолів в Судаку, церква в Уютном, церква монастиря Сурб Степанос біля Старого Крима), прямокутну форма виступаючих абсид (церква в Луцьку). Зустрічаються храми, в яких апсиди не виступають за межі основного прямокутного об'єму (церква монастиря Спасителя в Богатом, церква в Зеленогіррі). В триабсидних храмах за межі основного об'єму виступає лише центральна апсида (церква Саркіса в Феодосії, церква монастиря Сурб Степанос біля Старого Крима).

Наступні типи вірменських церков купольні. На території Вірменії вони виникли майже в один час (з V ст.). Розвиток цих споруд мав два напрями. На основі базилик – *одноконхові купольні базилики, трьохконхові купольні базилики, купольний зал*, на території Украй-

ни це – *однефні та трьохнефні купольні базилики* [1, С.33]. Другий тип виник спираючись на приклад композиції традиційного народного житла будинку-гхатуну³ – це хрестово-купольні церкви Вірменії та вірменських колоній України.

В церквах цих типів купол стає об'ємно-просторовою домінантою композиції, як інтер'єру так і екстер'єру. Він підкреслює вертикальну вісь споруди. З часом навколо під купольного простору зосереджується майже весь внутрішній простір (церква Репсіме в Яльті).

Таким чином наступний тип – *зальні купольні церкви*. В Вірменії цей тип має назву купольний зал. Прикладів церков цього типу залишилось на даний час небагато.

За планувально-просторовою структурою вони нагадують однефні церкви, проте з'являється купол, який розміщується над залом.

Це були одноабсидні або триабсидні однефні церкви з куполом. Зали переважно прямокутні. Проте винятком є церква Архангелів Гаврила та Михайла в Феодосії (1408 р.), яка має в плані трапецеподібну форму залу. Чим саме була продиктована така форма, достовірно невідомо, проте, як стверджує *Е.И. Лопушинська* [6, С.69], церква побудована на місці більш древньої споруди, залишки якої, можливо, обумовили композицію плану. Ззовні в абсидній частині кути стін скошені, ймовірноше за все, це було викликано економією каміння.

В триабсидній церкві Георгія та Архангелів в Феодосії бокові апсиди за шириною були не набагато меншими за центральну. Як і в однефних базиликальних церквах, апсиди були циркульними. Ззовні апсиди одноабсидних церков могли мати циркульну форму в плані (як в церкві монастиря Ованеса в Феодосії) або не виступати за загальний об'єм (як в церквах Іоанна Хрестителя в Феодосії, Богородиці в Белгород-Дністровському). У церкві Сурб Геворк в Феодосії апсиди були побудовані в межах основного об'єму, але у XIX ст. до церкви була прибудована півциркульна лжеабсида. Таким чином ззовні виглядає ніби середня абсида виступає за межі основного об'єму, а дві бічні – ні. В церкві Архангелів в Феодосії середня абсида трохи виступає за межі основного об'єму, і має лучкову форму.

Наступний тип – *трьохнефні купольні базилики*. До цього типу відноситься церква Миколая в Євпаторії та Вірменський Кафедральний Собор Успіння Святої Богородиці у Львові [8, С. 64, 65.]. Це були чотирис-топні тринефні хрестово-купольні базилики. Вони могли бути одноабсидними та триабсидними. У першому випадку в церкві Миколая в Євпаторії центральна абсида виступає за межі основного об'єму. У другому – Кафедральний Собор у Львові, до XVIII ст. за межі основного об'єму виступала лише центральна абсида, проте у XVIII ст. на східному фасаді були добудовані лучкові виступи бічних абсид. Центральна абсида в обох випадках ззовні мала півциркульну форма, всі апсиди мають значно подовжені прямокутні частини.

³ Будинок-гхатун – це одноступінчаста будівля з куполом, який спирається на зовнішні стіни, та композиція з чотирма центральними під купольними стовпами.

Останнім типом – є *крестово-купольні церкви*. До цього типу відносяться церква Сурб-Ншан в монастирі Сурб Хач біля Старого Криму.

Церква Сурб-Ншан за планувально-просторовою композицією нагадує трьохнефні купольні церкви [9, С. 61]. Проте вона також за планувальною структурою подібна до хрестово-купольних церков Вірменії (IX ст. – церква Татев, Каркоп). На відміну від яких на місці східних приділів з абсидами в церкві Сурб Ншан – відкриті абсида, а на місці закритих західних приділів – відкриті. Таким чином церква Сурб Ншан – триабсидна з значно меншими бічними абсидами. Всі абсида мають значно подовжені прямокутні частини. В наслідок чого бічні абсида подібні до приділів церков Вірменії. Західні приділи утворюються за рахунок поєднання західних опор стіною з подовжніми стінами. В східній стіні цих відкритих приділів розміщені вівтарні ніші.

В вірменських церквах всіх типів в абсидній частині розміщені солеї з сходами з одного боку, з обох боків та посередині, також зустрічаються селеї, які мають висоту однієї сходинки (Жванці, Бережанах, Язлівці, Кутах). Проте є і винятки, зустрічаються храми і без солеї (церква Івано-Франківська). На солеї в головній абсиді розміщується відкритий вівтар з престолом.

Він, за традицією, відділявся від основної частини храму завісою, яка відкривалась та закривалась відповідно чину богослужіння. На відміну від візантійського обряду, де вівтар закритий іконостасом, вірменська літургія проходить відкрито. Тільки в Великий піст Літургія служить при закритих завісах. Імовірно за все такі завіси були і в вірменських храмах України, проте на даний час це достовірно невідомо.

В стінах церков були розміщені ніші. Деякі з них мали ємкість для святої води – це були хрещальні. В одній з ніш головної абсида, за традицією, розміщувались чаші з Дарами, які виносяться на престол підчас літургії. Біля ніш вівтарної частини могли проводитись частини богослужінь, такі як Проскомідія. Перед нішами залу також могли проводитись треби⁴.

В великих церквах, хрещальні чаші могли бути окремо стоячими і розміщуватись в самому залі або в спеціально призначеномі для цього приміщенні. Також в церквах з залом великої площі або в прибудованомі жаматуні могли розміщуватись скам'ї для прихожан (Львівський Вірменський Собор), так саме як в церквах Вірменії.

В Вірменії починаючи з IV – V ст. в східній частині молитовних залів будували одно – два, а іноді чотири допоміжних приміщень – два в східній та два в західній частині. Здебільше ці приміщення були двоповерховими (церкви Михаїла в Євпаторії, монастиря Спасителя в Богатом). З канонів⁵ відомо, що у IV-V ст. східні кімнати були літнім житловим приміщенням

старшого священника чи його помічника. В подальшому (VI-VII ст.) вони слугували також місцем зберігання церковної утвори, а пізніше перестали бути приміщеннями для життя, там також проводились різноманітні треби [19, С.65].

В вірменських церквах України так звані допоміжні приміщення розташовувались переважно в східній частині будівлі, здебільше на місці бічних абсид або біля вівтарної частини (церкви монастиря в Богатом, св. Миколая в Євпаторії, в Белгород-Дністровському, в Жванці). Також вони могли прибудовуватись до північних та південних фасадів церкви (церкви в Язлівці, Львівський Собор, монастиря Ованеса, Іоанна Крестителя, церкві Сурб Геворк та Архангелів в Феодосії). В західній частині будівлі допоміжні приміщення були менш поширені (церкви Сурб Ншан монастиря Сурб Хач). Вхід до них був з центральної абсида або з залу.

Склепіння церков усіх типів переважно мало півциліндричну конструкцію циркульної або стрічатої форми декількох видів на підпружних арках (переважно вірменські церкви Криму), без них та з распалубками (вірменські церкви Західної України). Проте зустрічаються і інші типи склепінь: хрестові (церкви Архангелів, Геворка в Феодосії, монастиря Спасителя в Богатом), дзеркальне (церква св. Миколая в Євпаторії).

Абсида переважно мали конхове склепіння. Проте зустрічаються винятки, як наприклад в Язлівецькій церкві склепіння приблизно має форму схожу на конху з трьома распалубками, в церкві Миколая в Кам'янець-Подільському склепіння апсида мають форму конхи, але з распалубкою по центральній осі, в церкві в Жванці півциліндричне склепіння з распалубками з північного та південного боків, в Луцькій церкві склепіння абсида півциркульне з плавним переходом від прямокутної частини до лучкової, з скруглінням.

Окремо потрібно виділити жаматун⁶ (гавіт), який розміщувався з боку головного входу (Язлівецька церква, церква монастиря Сурб Хач, Вірменський Собор у Львові та ін.). Він слугував додатковим приміщенням для прихожан і прибудовувався до храмів незалежно від типу планувально-просторової системи. Зазвичай прямокутної форми в плані, як в Вірменії, проте зустрічаються і винятки: в церкві Іоанна Богослова в Феодосії він має неправильну п'ятигранну форму в плані з кількома входами на північному та південному фасадах; в монастирі Ованеса в Феодосії на форму приміщення в плані вплинули оточуючі примикаючі споруди; в церквах Архангелів та Саркіса в Феодосії первинний жаматун не зберігся, проте відомі обриси, що вплинуло на планувальну структуру в цих випадках достовірно невідомо.

В деяких храмах для об'єднання двох просторів, церкви та жаматуна, головний вхід в церкву перебу-

⁴ Треба – це молитва чи обряд, який здійснювався священником за замовленням віруючих у зв'язку з подією в їх житті.

⁵ Канони католикоса Саака (387-439) та другого Двінського церковного собору (555).

⁶ Жаматун – з вірменської мови, притвор, гавіт, приміщення яке прибудовувалось з західного боку. Він слугував додатковим приміщенням для прихожан.

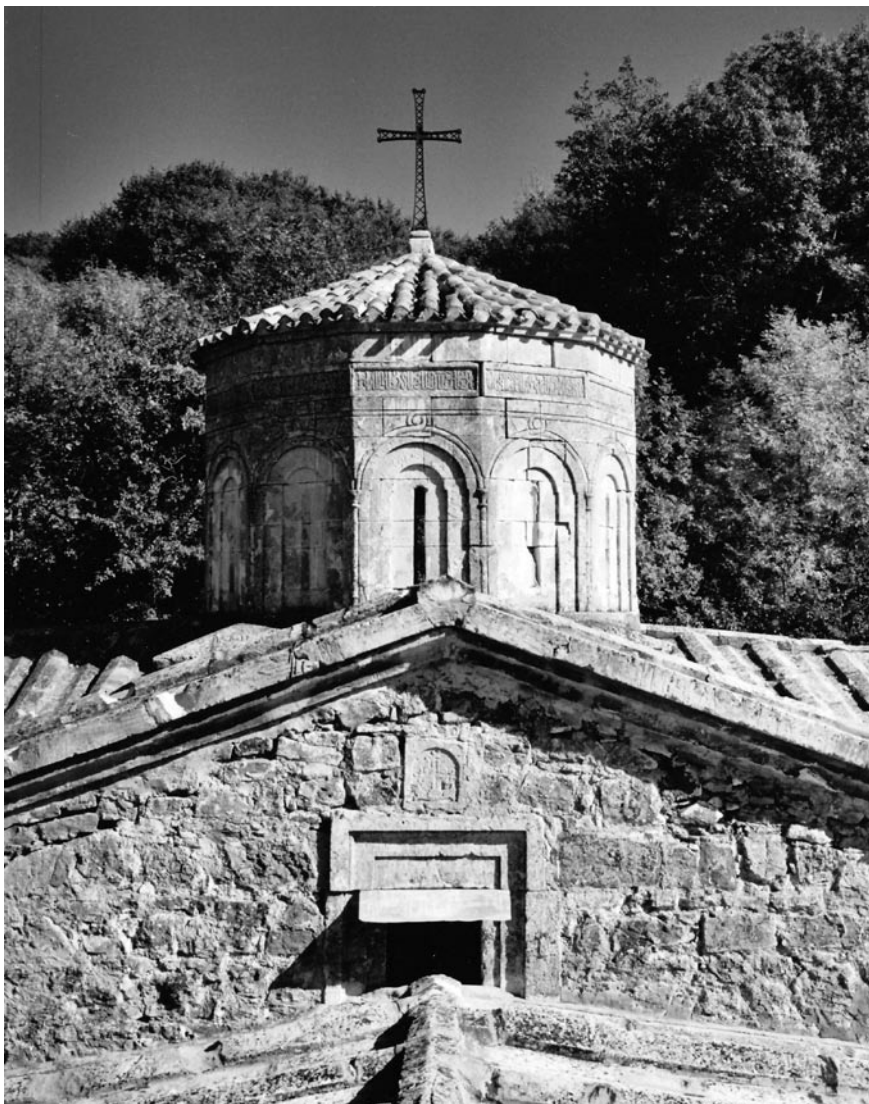

Фото 1. Феодосія. Купол храму Сурб Ншан монастиря Сурб Хач. Фото И. Липунова, 1997 г.

Фото 2. Феодосія. Храм Иоанна Крестителя. XIV век. Фото Игоря Липунова. 1997 г.

довували, на його місці робили великий арочний проріз (церква Саркіса в Феодосії та Львівський Вірменський собор).

В Криму зустрічаються двостопні, чотиристопні та безстовпні, в той час, як на Західній Україні відомі тільки безстовпні прямокутні жаматуни. Склепіння як і в храмах має циркульну та стрілчасту форму та півциліндричну конструкцію. В Язлівецькій церкві склепіння з распалубками, а в Вірменський Собор у Львові в конструкції склепіння використовуються підпружні арки та распалубки.

В Вірменії перші християнські церкви базилікального типу не мали віконних прорізів, а якщо вони і були, то дуже маленькі. З часом почали будувати великі віконні прорізи з арочним завершенням [19, С.66]. Віконні прорізи вірменських церков України були декількох типів, різної формою та різних розмірів. В переважній більшості церков головна асида мала від одного до трьох невеликих вікон. В великих церквах віконні прорізи розміщувались переважно в бічних стінах, а в маленьких (ширина 3-4м) однефних базиліках в західній стіні. В купольних церквах віконні прорізи також мав і барабон.

Покрівля залу церкви та жаматуна завжди було скатною (переважно двоскатною). Покрівля виступаючих абсид, як і в Вірменії, була нижче покрівлі залу та мала пів шатрове покриття. Купол міг мати шатрове (Вірменський Собор у Львові та ін.) та шоломоподібне (Церква Архангелів Гаврила та Михайла, Феодосія, 1408 р. та ін.) покриття. Ці два види могли в одному і тому ж храмі з часом замінити один одного.

Дзвіниці та башти в вірменських комплексах України зустрічаються окремо стоячими (Вірменський Собор у Львові та Собор в Кам'янець-Подільському), прибудованими до церкви (Язлівецька церква) та вбудовані – монастир Сурб Хач біля Старо-

Фото 3. Феодосія. Храм Сурб Геворк. XV век. Фото Игоря Липунова. 1997 г.

Фото 4: Феодосія. Храм Сурб Григор. XIV век. Фото Игоря Липунова. 1997 г.

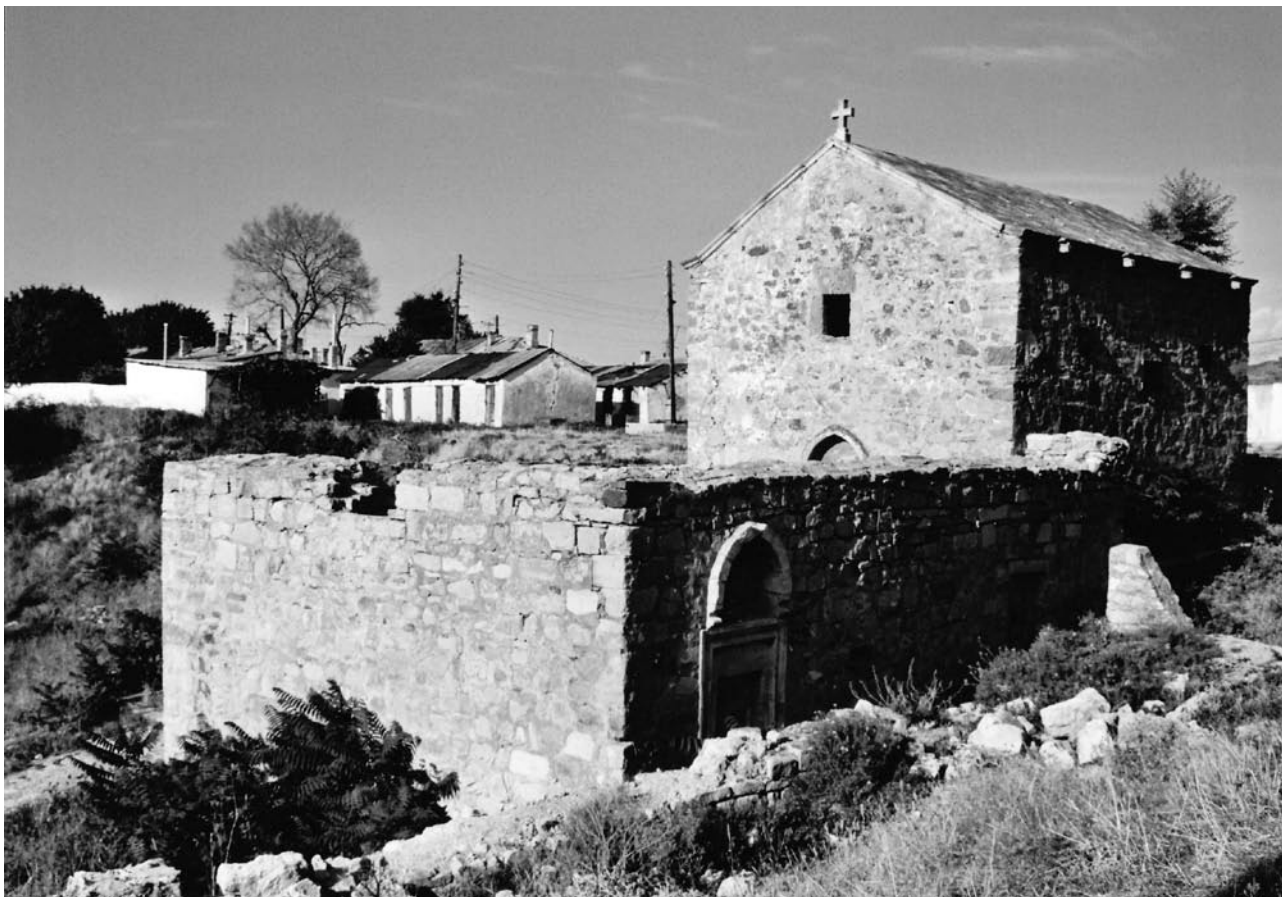

Фото 5. Феодосія. Храм Святого Іоанна Богослова. Фото І. Липунова, 1997 г.

го Криму, де дзвіниця вбудована в жаматун; церквах в Жванці, в Івано-Франківську на західному фасаді має дві вбудовані башти, одна з яких була дзвіницею, між ними розташовується тамбур. Таке рішення було продиктоване впливом католицької архітектури того часу. В церкві Саркіса в Феодосії дзвіниці розміщена перед головним входом в старий жаматун, вони складають єдину композицію з головним вхідним порталом церкви.

В Вірменії розміщення дзвіниці не було пов'язане з певним місцем. При виборі місця враховувалась оточуюча забудова, рельєф місцевості, шляхи підходів, об'ємно-просторова виразність ансамблю та самої дзвіниці. Частіше за все вона розміщувалась з західного боку церкви, проте це було необов'язно [10, С.103].

Окрім перелічених прибудов до церкви могли прибудовуватись відкриті галереї (Вірменський собор у Львові). Відкриті арочні галереї притаманні і храмам Вірменії, вони розміщувались вздовж одного або трьох сторін фасаду [1, С.30-31] за цим принципом будувались і вірменські церкви в Україні. Окремо потрібно виділити Вірменський Собор у Львові, де спершу галерея позміщувалась з трьох боків, проте з часом, після чисельних перебудов залишилась лише з південного боку.

Хори в вірменських церквах розміщувались в жаматуні (церкви Сурб Ншан монастиря Сурб Хач біля

Старого Крима, в Язлівці, собор у Львові) та в залі самої церкви (церкви Євпаторії) в західній частині.

В результаті проведених досліджень встановлено, що на території України знайшли поширення чотири об'ємно-планувальні типи: *однонефні базилики; зальні купольні; трьохнефні купольні; хрестово-купольні церкви*. Всі перелічені типи мали два підтипи: *одноабсидний та триабсидний*.

Однонефні базилики – продовгуватий зал, має циркульне, або стрілчасте склепіння на підпружних арках або з розпалубками під двоскатною покрівлею, з східного боку має завершення у вигляді півкруглої та лучковою абсиди, з конхою.

Зальні купольні церкви були побудовані переважно за тим самим принципом, що і попередній тип, але над залом з'являється купол.

Трьохнефні купольні церкви – будувались за схожим принципом, що і попередні дві, відмінним є наявність трьох нефів.

Хрестово-купольні церкви – поєднували в свій планувальній структурі дві типи класичного вірменського хрестово-купольного храму: *центральні хрестово-купольного та «базиликального» хрестово-купольного*.

Список літератури

1. Арутюнян В. Каменная летопись армянского народа. – Ереван: «Советакан Грох», 1985.
2. Халпахчян О. Архитектурные ансамбли Армении. — М., 1980.
3. Халпахчян О. Культовые постройки крымских армян // АН – М., 1992 – вып. 39. – С. 32-45.
4. Кеппен П. Крымский сборник (О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических). – СПб., 1837.
5. Домбровский О., Сидоренко В. Солхат и Сурб Хач. – Симферополь, 1978.
6. Лопушинская Е. Архитектура армянской церкви архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и ее реставрация.
7. Халпахчян О. Данные о неизвестном армянском монастыре в Кафе.
8. Халпахчян О. Сооружения армянской колонии во Львове в XII – начале XX в. // АН № 27. – М. 1979. – С. 58-79.
9. Таманян Ю. Монастырь Сурб Хач в Крыму // Эчмиадзин. 1969. № 7, 8. (на арм. яз.).
10. Халпахчян О. Национальные особенности архитектуры армянских колоколен // АН – М., 1973 – вып. 21 – С. 100-120.
11. Микаелян В. История крымских армян. Монография. Национальная академия наук Республики Армения, Институт истории, Крымское армянское общество – Киев, ООО «Энергия плюс», 2004.
12. Арсенян М. Розселення вірмен на теренах України // Українська Академія Мистецтв. Дослідницькі та науково-методичні праці. – К., 2007. – вип. 14 – С.372-379.
13. Петросян М., Саргсян Т. Сурб Хач – Симферополь: Амена, 1998.
14. Якобсон А., Таманян Ю. Армянская архитектура в Крыму – Ереван: Айастан, 1990.
15. Халпахчян О. Будівнича діяльність вірмен в Україні // Пам'ятки України. – 1993 – № 1-6 – С. 26-32.
16. Халпахчян О. Сооружения армян в Язловце // АН. – М. 1986 – вып. 34, С. 166-175.
17. Халпахчян О. Сооружения армянской колонии в Каменец-Подольском // АН – М., 1980 – вып. 28, С. 133-149.
18. Колосок Б. В. К истории армянского строительства в Луцке // АН – М., 1984 – вып. 32; Архів «Українського Науково Дослідного Інституту проектування та реставрації» в м. Києві Церква: Сергія XIV ст. в м. Феодосії/ під кер. арх. Лопушинської Е.І.; Церква Стефана XIV ст. в м. Феодосії/ під кер. арх. Лопушинської Е.І.; Церква Георгія XV ст. в м. Феодосії/ під кер. арх. Лопушинської Е.І.; Церква Іоанна Богослова XIV ст. в м. Феодосії/ під кер. арх. Лопушинської Е.І.; Церква Георгієвська XV- XVI ст. в м. Феодосії/ під кер. арх. Лопушинської Е.І.; Церква Архангелів 1409 р. в м. Феодосії/ під кер. арх. Лопушинської Е.І.; Церква 12 апостолів в Судаку/ під кер. арх. Лопушинської Е.І.; Монастир Сурб-Хач біля Старого Крому/ під кер. арх. Лопушинської Е.І.; Собор Миколая в Кам'янець-Подільському/ під кер. арх. Лопушинської Е.І., Іваненко В.Д.
19. Мнацаканян С.Х. Очерки по истории архитектуры древней и средневековой Армении / Мнацаканян С.Х., Оганесян К.Л., Саинян А.А. – Ереван, 1978.

Н. В. Днепровский
(Санкт-Петербург)

К вопросу о количестве армянских религиозных центров в г. Бахчисарае и их локализации

Ранее мы неоднократно подчёркивали необходимость изучения истории христианских поселений на территории Крымского Ханства [8,18; 6, 55; 7, 31]. В том числе, мало изученной остаётся религиозная деятельность крымских армян в г. Бахчисарае. Например, Т. Э. Саргсян на основе анализа письменных источников смогла «выявить три армянских духовных центра в Бахчисарае» [14,139]. Однако лишь один из них – пещерную церковь Святой Богородицы – исследовательница считает возможным отождествить с объектом, археологическое исследование которого проводилось В. А. Петровским с 1996 года [14,137]. Попыток локализации «относительно древней» церкви св. Григория Просветителя и новой церкви Богородицы она не делает. К тому же, она выявила в письменных источниках ряд неувязок.

Попытаемся внести ясность в эти вопросы.

В 2007-2008 годы нами были обнаружены и обследованы пещерный комплекс на улице Горького, 28а (рис.1) и скальный навес с подрубками на ул. Горького, 30 и сделан предварительный вывод о том, что они могли быть остатками небольшого армянского пещерного монастыря [6, 55]. Поскольку одним из основных источников в работе Т. Э. Саргсян является книга М. Бжкянца «Путешествие в Польшу и другие страны, обитаемые армянами, переселившимися из древнего столичного города Ани» [14,142], то с целью проверки нашего предположения мы обратились к сравнительному анализу особенностей помещений выявленного нами комплекса с пещерными сооружениями городища Ани. При этом нами был установлен ряд прямых аналогий (например, фото 3 и 4) [7, 28-31], причём почти все помещения-аналоги из Ани датируются XII-XIII вв. Поэтому мы предположили, что памятник существовал между этим временем и переносом столицы из Ашлама-дере в долину реки Чурук-су, т.е. началом XVI в., когда обитель прекратила своё существование. Своими соображениями мы поделились с главным архитектором Бахчисарайского историко-культурного заповедника В. Н. Борисовым. В ответ он предоставил в наше распоряжение имеющиеся у него материалы, за что мы приносим ему свою глубокую благодарность. Среди них особый интерес представляют копии старых планов г. Бахчисарая 1786 и 1811

годов из Российского Государственного архива древних актов (РГАДА).

На плане 1786 года [9] примерно в интересующем нас месте имеется крестообразный в плане объект, к сожалению, никак не промаркированный (рис. 3). Аналогичный объект в том же самом месте имеется и на плане 1811 года [10] (рис. 4). Однако здесь он промаркирован цифрой «3», а на экспликации к плану (точнее, на одной из двух экспликаций) под этой цифрой значится «Армянская церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы» (рис. 5). Одинаковое положение церкви на двух планах говорит о малой погрешности её топографической привязки, что позволяет выполнить аналогичную привязку к современному плану Бахчисарая. Сегодня эта точка расположена между домовладениями № 30 и № 32 по ул. Горького, т. е. как раз под скальным навесом с подрубками (см. обозначения на рис. 2 и на фото 1 и 2), которым заканчивается с востока выявленный нами пещерный комплекс [6, фото 26 и 28]. Таким образом, есть основания считать, что нами найдено место армянского храма во имя Успения Пресвятой Богородицы, причём, скорее всего, наземного, но связанного с пещерным комплексом. Тогда, вопреки нашему первоначальному предположению, данный армянский культовый центр продолжал функционировать на этом месте и во времена Крымского Ханства – вплоть до начала XIX столетия.

Более того. В 1933 году художник П. Туманский изобразил на своём рисунке реконструированную панораму Бахчисарая времён Крымского Ханства, длительное время экспонировавшуюся в Бахчисарайском дворце-музее. Мы не знаем, что именно П. Туманский реконструировал на основе неизвестных нам документов, а что является всего лишь плодом его фантазии⁷. Но на фрагменте фотокопии панорамы (фото 8) именно там, где на плане 1811 года указана армянская церковь, изображена небольшая базилика с двумя башенками, поэтому не исключено, что наземный армянский храм Успения выглядел именно так.

В этом свете иначе, нежели раньше, воспринимается приведённое в работе Т. Э. Саргсян [14,139] свидетельство источника о разрушении греками церкви Богородицы. Она считает, что «речь идёт о скальной церкви, а, значит, имевшее место разрушение её в первую очередь касалось интерьера» и удивляется «чрезмерной медлительности, проявленной духовенством крымских армян при возобновлении разрушенной церкви (с 1634 по 1654 год)». Поэтому она по-

⁷ Так, на этом рисунке Большая мечеть Ханского дворца перекрыта куполами, которых, насколько сегодня известно, она никогда не имела.

лагают, что в прочтение датировок вкралась ошибка, и церковь была разрушена не в 1634, а в 1654 году, и уже через год восстановлена. Однако дело выглядит совсем иначе, если разрушению подверглась не пещерная, а наземная церковь⁸, притом находящаяся буквально напротив Ханского дворца и прямо в окружении «обидчиков»-греков⁹. Ведь мы не знаем ни степени разрушения храма, ни глубины армяно-греческого конфликта,¹⁰ ни позиции ханской администрации. А поскольку намерение настоятеля храма, иерея Ованеса, отправиться в паломничество в Иерусалим, «оставив разрушенную церковь и приход на Божьем попечении», не осуществилось, и приход всё же вынужден был функционировать, то для этого было достаточно перенести богослужения в находящиеся рядом древние пещерные церкви. Поэтому в многолетней паузе в реставрации храма мы не видим ничего «странного»: острой необходимости в этом не было, а ситуация должна была нормализоваться. Поэтому указанные в первоисточнике даты разрушения и восстановления церкви вполне могут быть верными.

Выявление нами пещерного комплекса на ул. Горького позволяет прояснить и ещё одно «тёмное» место в письменных источниках, обнаруженное Т. Э. Саргсян.

Она отмечает, «что М. Бжкянц, упоминая бахчисарайскую пещерную церковь Святой Богородицы, пишет, что её «называли и Просветителем»... О. Тер-Абраамян также говорит, что абсида церкви Святой Богородицы называлась именем Григора Просветителя» [14, 140]. Но далее делает вывод, что «средневековые источники не позволяют отождествлять церкви Святой Богородицы и Святого Просветителя, как то сделали М. Бжкянц и О. Тер-Абраамян... Следовательно, мы имеем дело с двумя разными духовными постройками».

У нас также нет сомнения в существовании отдельного храма во имя св. Григория Просветителя в г.

Бахчисарае, но по иной причине. В нашей работе, посвящённой этому вопросу, мы пришли к выводу, что это – раскопанный В. А. Петровским на ул. Пушкина храм, причём анализ показывает, что он являлся наземным [8, 25]¹¹. Но о существовании наземного храма св. Григория достоверно известно лишь начиная с 1700 года, когда была сделана памятная запись иерея Маргара [14, 140]. Поэтому у нас пока что нет оснований считать его даже «относительно древним», хотя это и не исключено. Более того. К моменту посещения обоими исследователями этот храм был, скорее всего, уже до основания разобран на камень, и они уже просто не могли его видеть [8, 24].

Но ведь и М. Бжкянц, и О. Тер-Абраамян недвусмысленно и независимо друг от друга упоминают не о наземном, а о пещерном храме, а ещё точнее, об одной из его абсид, т.е., другими словами, о приделе пещерной церкви. Т. Э. Саргсян признаёт, что оба они «весьма добросовестно относились к составлению своих сообщений и не могли ошибиться» [14, 140-141]. Поэтому она делает компромиссный вывод, что «церковь Святой Богородицы стали называть и именем Святого Просветителя» после передачи туда реликвий из его храма [14, 141]. Но с этим согласиться невозможно. Чин освящения храма – очень серьёзная вещь, и передача реликвий сама по себе не может изменить посвящения церкви. И М. Бжкянц, и О. Тер-Абраамян были священниками и в таком вопросе ошибиться не могли. В свете этого мы должны вспомнить, что в пещерном комплексе на ул. Горького целых три помещения имеют определённые признаки культового сооружения – храма (помещение № 1 и № 4) или, по крайней мере, часовни (помещение № 3) [6, 55; 7, 29-31]. Вполне правдоподобно, что один из этих предполагаемых храмов (например, помещение № 1) был посвящен Богородице, а другой (например, помещение № 4) – святому Григорию. Таким образом, вопреки утверждению Т. Э. Саргсян, «отождествлять

8 Это предположение мы высказали ещё в своей работе [8, 24], но в то время местоположение этой наземной церкви нам не было известно.

9 Д. М. Струков писал о том, что пещерная церковь находится «выше дома Абаджи (или Адобаджи) Грека» [6, 49]. Более того. План Бахчисарая 1811 года [10] по неизвестной причине имеет не одну, а целых две экспликации, которые совпадают лишь частично. Одна из них имеет буквенную, а вторая – цифровую нумерацию. Армянский храм Успения Пресвятой Богородицы, как уже было сказано, упомянут под цифрой «3» в экспликации с цифровой нумерацией (рис. 5). Но на плане к востоку от него менее чем в 80 сажнях (т.е. примерно в 150 метрах) имеется некий объект под литерой «а». В экспликации с буквенным «изъяснением» под литерой «а» значится «греческая церковь» (рис. 6). Понятно, что при столь близком расположении церквей межконфессиональный конфликт мог возникнуть достаточно легко. К сожалению, литера «а» в буквенной экспликации зачёркнута, а рядом поставлена цифра «1», что нарушает всю логику обозначений, поскольку в цифровой экспликации единице соответствует Успенский монастырь, находящийся совсем в другом месте. На более раннем плане 1786 года (рис. 3) [9] объект «а» отсутствует вовсе, а армянская церковь отмечена крестом, но не имеет литеры. Возможно, после землетрясения 1751 года (или после вывода армян из Крыма в 1778 году) оба храма не функционировали, а, может быть, и были

разрушены: греческий – полностью, а армянский – частично, что и отразилось на плане. Поэтому без дополнительных исследований, которые не входят в задачу настоящей работы, достоверно говорить о присутствии напротив Ханского дворца, помимо армянской, ещё и греческой церкви было бы преждевременно. Но это не меняет характера наших основных выводов.

10 В этой связи нельзя не вернуться к высказанной нами гипотезе о «двухслойном» характере памятника, который, как мы указывали [6, 55], может помочь проследить этническую историю христианских поселений Горного Крыма. Если, как мы предполагаем, пещерное помещение № 1 (рис. 1) представляет собой церковь раннего периода – категории II.1 по классификации А. Ю. Виногорова, Н. Е. Гайдукова и М. С. Желтова [5, 75-76], т.е. было вырублено между VIII и XII вв., то это произошло, возможно, ещё до появления в Бахчисарае армянской общины. Греки могли сохранить об этом память на длительное время и относиться к армянам как к «захватчикам» или даже, учитывая конфессиональные разногласия, как к «осквернителям» святыни. Судя по тому, что в дальнейшем новое крестово-купольное здание церкви было построено уже на другом месте – ближе к армянской слободе (см. фото б), конфликтная ситуация, возможно, не была до конца исчерпана.

11 Об остатках пещерных сооружений на ул. Пушкина см. далее.

церкви Святой Богородицы и Святого Провосветителя, как то сделали М. Бжянц и О. Тер-Абраамян» вполне допустимо, если речь идёт о едином храмовом комплексе на ул. Горького, а не о пещерном храме на ул. Пушкина¹².

Тем самым снимаются также кажущиеся противоречия, которые послужили для Т. Э. Саргсян вторым аргументом в пользу пересмотра датировки восстановления церкви Пресвятой Богородицы после её разрушения греками. «Если дешифровка разрушения церкви (1634 год) верна, – пишет она, – то получится, что церковнослужители Святой Богородицы продолжали действовать «под сенью» разрушенной церкви. Об этом говорят приведённые выше записи 1639 и 1641 годов» [14, 139]. Но если, как мы считаем, была разрушена наземная церковь комплекса на ул. Горького, то армянское население могло после этого духовно окормляться как в расположенной на расстоянии всего лишь двадцати метров предполагаемой одноимённой пещерной церкви, так и в храме на ул. Пушкина. Там же могло продолжаться переписывание книг и составление памятных записей.

Что же касается более ранней записи 1630 года [14, 138], то, по нашему мнению, она действительно касается пещерной церкви на ул. Пушкина. При этом мы несколько иначе, чем Т. Э. Саргсян, интерпретируем содержащееся в этой записи выражение «она же суть церковь без основ». Оно не просто означает пещерный характер церкви, ибо скальное основание, напротив, как нельзя лучше соответствовало бы словам Христа: «на сем камне создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её». Наш анализ скатившихся сверху обломков на ул. Пушкина, содержащих элементы культовых пещер, позволил не только предположительно установить первоначальное местоположение [8, 23], но и предварительно реконструировать вид храма до катастрофы. Он находился (подобно скальной часовне Баклы, также рухнувшей в 90-е годы XX в) в нависавшем (т.е. лишённом опоры) скальном выступе, который и отломился, скорее всего, в результате шедшей поблизости разработки камня. Можно назвать и примерное время катастрофы: труд М. Бжянца вышел в свет в 1830 году, О. Тер-Абраамяна – в 1865 году. Следовательно, без больших натяжек можно считать, что храм обрушился во второй четверти XIX века. К сожалению, трактовка обломков этого храма как «полупещерной» церкви надолго сняла вопрос о том, откуда могли скатиться эти обломки. Так, на основе материалов В. А. Петровского Т. Э. Саргсян сделала вывод, что «согласно сведениям И. Журьяри, в кон-

це XIX века рядом с обломками церкви (курсив наш – Н. Д.) находился колодец, а также вырубленная в скале лестница, ведущая в некогда существовавшую церковь» [14, 138]. Это создаёт иллюзию того, что первоначальное местоположение «некогда существовавшей церкви» хорошо известно. Между тем И. С. Журьяри выделил колодец («яму») в отдельный объект, лежащий «левее на возвышенности» [9, 108-109].

Действительно, «яма», о которой писал И. Журьяри, и ступеньки в скале, ведущие к некоему подобию вырубленной в скале абсиды (по нашему мнению, естественного происхождения), находятся рядом друг с другом, но при этом расположены почти в 200 метрах от обломков церкви (см. фото 7). Поэтому обломки никоим образом не могли ни оторваться, ни скатиться оттуда на фундамент разобранного наземного храма св. Григория. Но где же, в таком случае, первоначально располагалась пещерная церковь Пресвятой Богородицы на улице Пушкина? На фото 8 ясно видно, что единственное место сглаженного скального выхода, сохранившее следы отлома камня, расположено северо-восточнее места раскопок, возле штольни (отмечено стрелкой). Кроме того, здесь на скале имеется характерный карниз, остатки которого хорошо прослеживаются и на обломках рухнувшего храма (фото 9, 10). Поэтому мы полагаем, что именно тут находился нависавший («лишённый основ») мыс или выступ, в котором и была вырублена «просторная и кругловатая» церковь Пресвятой Богородицы. Скорее всего, именно этот пещерный храм отмечен как «Армянская церковь» под литерой «И» на плане г. Бахчисарае 1775 года (рис. 7)¹³, в то время как наземный храм св. Григора Провосветителя к тому времени уже мог быть разрушен землетрясением 1751 года [8, 19]. На фото 11 представлен современный спутниковый снимок интересующей нас части улицы Пушкина с нанесёнными объектами.

Наконец, рассмотрим ещё один упомянутый Т. Э. Саргсян армянский духовный центр в Бахчисарае. Речь идёт о новом здании церкви Пресвятой Богородицы. «Известно, что это было прямоугольное крестово-купольное сооружение», – пишет Т. Э. Саргсян [14, 136-137]. На фото г. Бахчисарае начала XX века (фото 9) видна крестово-купольная церковь, расположенная гораздо западнее пещерного комплекса. По данным В. Н. Борисова, церковь была армянской. Естественно предположить, что это и есть новопостроенная церковь Святой Богородицы¹⁴. Как мы знаем, на плане 1811 года церковь находится ещё на старом месте. Следовательно, время постройки нового хра-

¹² В этой связи интересно ещё одно свидетельство Д. М. Струкова, недавно обнаруженное нами в архиве: «Город (Бахчисарай – Н. Д.) размещён в лошине между скал, к которым примыкают окрестные поселения, и некоторые дома пристроены прямо к скале, а у иных владельцев жителей есть под помещением древние пещеры и говорят в двух таких пещерах были древние храмы» (сохранён стиль оригинала – Н. Д.) [1, 24]. Не идёт ли тут речь о храмовом комплексе Святой Богородицы – св. Григория Провосветителя?

¹³ Этот план, судя по всему, является «русифицированной» экспозиционной копией другого плана (рис. 8), где тот же объект отмечен литерой «f».

¹⁴ По-видимому, достоверно установить как посвящение, так и точное местоположение храма можно по плану г. Бахчисарае начала XX столетия, экземпляр которого до передачи Крыма в состав УССР, по данным В. Н. Борисова, хранился в бахчисарайском городском архиве. К сожалению, местонахождение этого плана на сегодняшний день ни В. Н. Борисову, ни автору настоящей работы неизвестно.

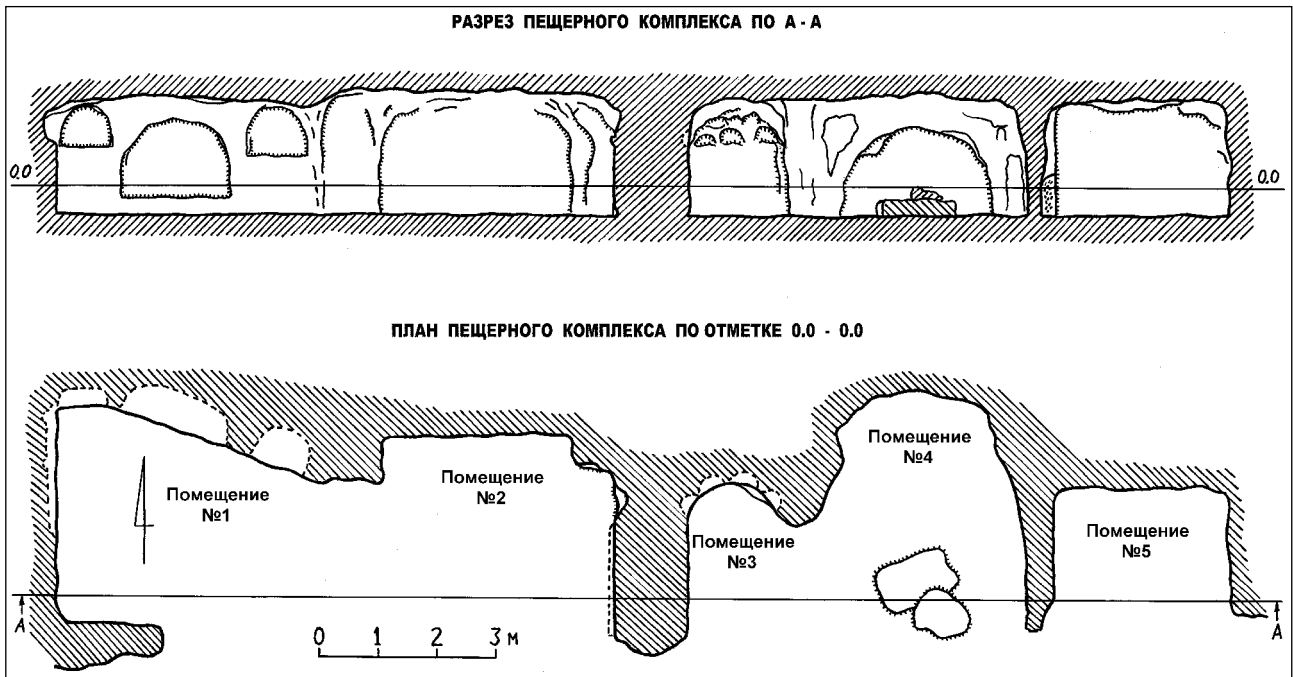

Рис. 1. План и разрез пещерного комплекса на ул. Горького (обмеры автора)

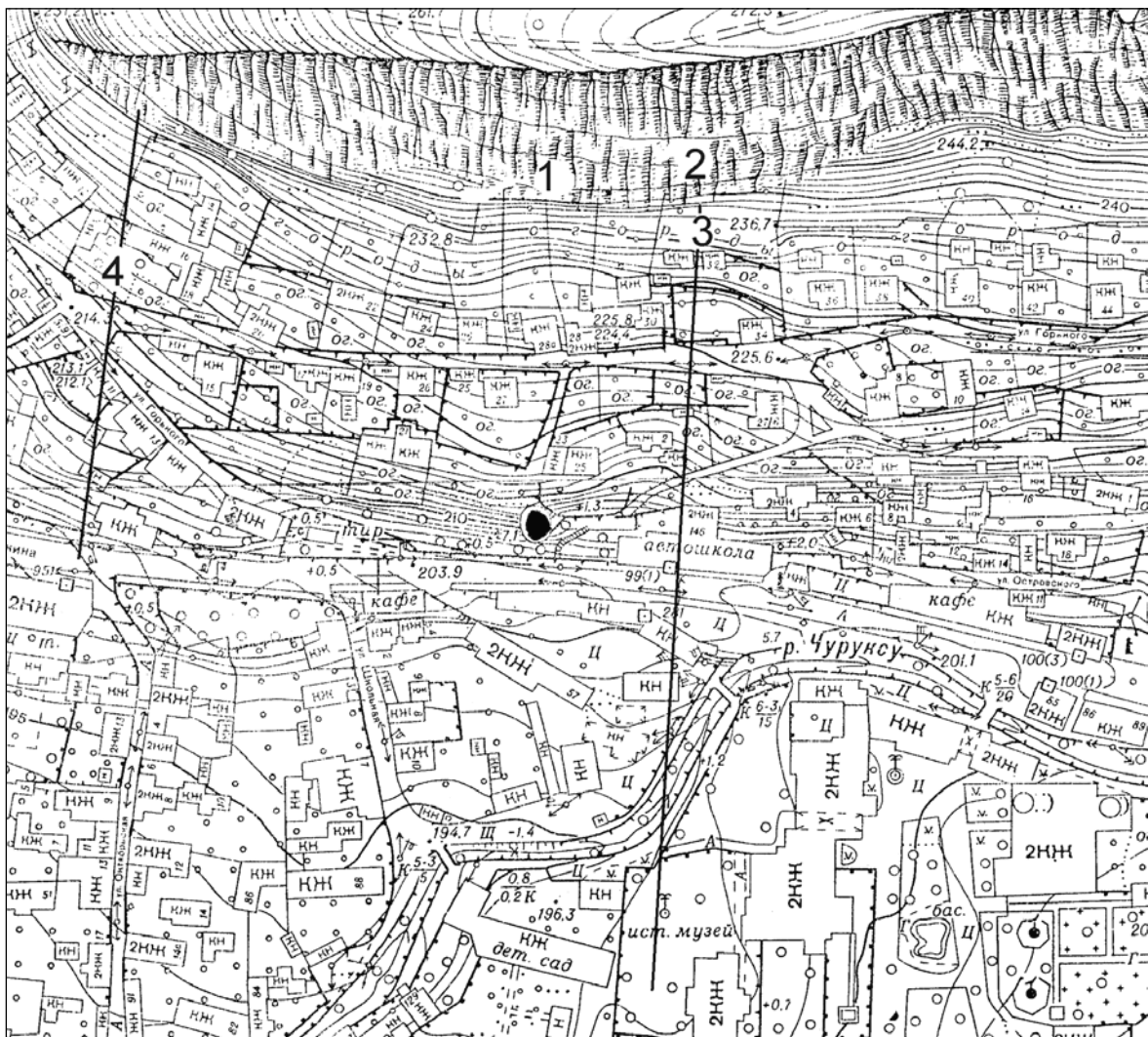

Рис. 2. Фрагмент современного плана г. Бахчисарая

Рис. 3. Фрагмент плана г. Бахчисарая 1786 г. [12]

Рис. 4. Фрагмент плана г. Бахчисарая 1811 г. [13]

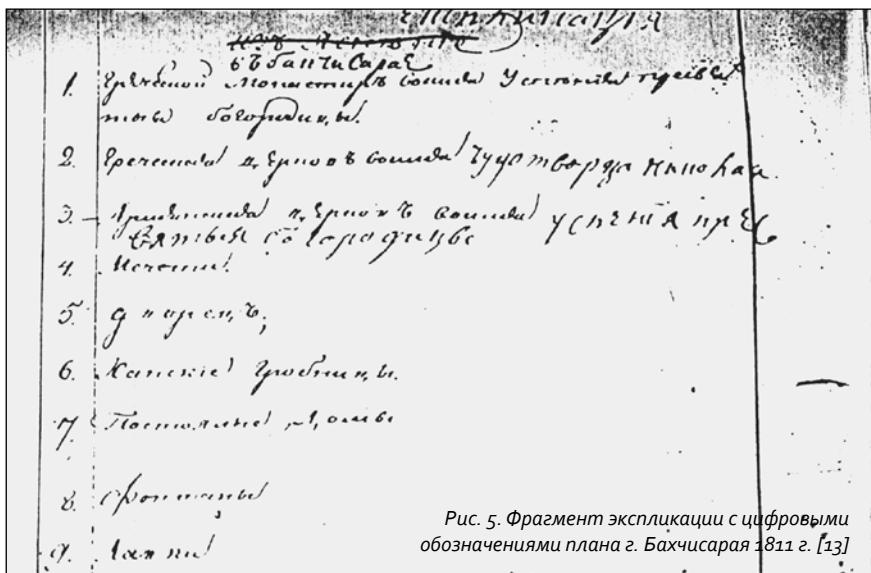

Рис. 5. Фрагмент экспликации с цифровыми обозначениями плана г. Бахчисарая 1811 г. [13]

ма находится между 1811 годом и двадцатыми годами XIX века. Мы можем также достаточно точно оценить его местоположение. Он располагался приблизительно на месте нынешнего дома № 18 по ул. Горького, (см. обозначения на рис. 9, а также на фото 1 и 2).

Таким образом, появились новые доводы в пользу армянского происхождения и культового характера выявленного нами в 2007 году пещерного комплекса, позволяющие к тому же предположить его посвящение Пресвятой Богородице и – возможно – св. Григорию Просветителю. Добавление его к перечисленным в работе Т. Э. Саргсян духовным армянским центрам в Бахчисаряе позволяет непротиворечиво локализовать все остальные упомянутые в ней центры, а также попытаться проследить их эволюцию, которая, возможно, была следующей.

1. Предположительно, между VIII и XII вв. была вырублена первая пещерная церковь («помещение № 1») в скале напротив нынешнего Ханского дворца, стилистически близкая пещерным храмам Закавказья. Подобные параллели отмечались и ранее [3, 4], но если удастся археологически подтвердить данное предположение (включая храмовый характер пещер), то это может указывать на более раннее, чем было принято считать, проникновение армян в Крым [см., например, 11, 46].

2. Не позднее, чем к моменту переноса столицы Крымского Ханства в долину реки Чуруксу, мог возникнуть армянский культовый центр, включавший пещерную церковь св. Богородицы с приделом св. Григория Просветителя и другие помещения (причём их помещения-аналоги из Ани датируются XII-XIII вв.).

3. В дальнейшем, очевидно, до завоевания Крыма турками здесь же появляется и наземный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы, разрушенный в

1634 году, но восстановленный в 1655 году и просуществовавший, как минимум, до 1811 года. Заметим, что прямо под выявленным нами объектом на ул. Горького имеется и ещё один пещерный комплекс – на ул. Ленина (фото 12). Установить, имеет ли он какое-то отношение к армянскому храмовому комплексу на ул. Горького, можно только в результате соответствующих исследований.

4. Не позднее XVII в. на территории нынешней ул. Пушкина была вырублена ещё одна церковь во имя св. Богородицы. До 1700 года ниже этого места построили наземный храм во имя св. Григория Просветителя, просуществовавший до землетрясения 1751 года или до вывода армян из Крыма, а затем разобранный на камень. Каменоломня была организована и поблизости от пещерного храма, что способствовало его обрушению в первой четверти XIX в. прямо на фундамент наземной церкви.

5. Во втором десятилетии XIX в. на новом месте был построен наземный крестово-купольный храм во имя Пресвятой Богородицы, уничтоженный уже в XX столетии (фото 13).

Вышеизложенное указывает на исключительную добросовестность армянских историков и достоверность сообщаемых ими сведений, а также на необходимость изучения данного памятника.

Список литературы

1. Архив ИИМК РАН, ф.1, 1872 г., № 35, л. 24.
2. Архив ИИМК, Ф. 1, д. 9.
3. Е. В. Веймарн. Ансамбли искусственных пещер Юго-Западного Крыма и их грузинские аналоги. М., 1980. Рукопись. Архив Т. М. Фадеевой.
4. Е. В. Веймарн, М. Я. Чореф. Пещерные монастыри Крыма и их грузинские аналоги. Рукопись, б/г. Архив М. М. Чорефа.
5. А. Ю. Виноградов, Н. Е. Гайдуков, М. С. Желтов. Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // Российская археология. 2005. №1.
6. Н. В. Днепровский. К истории хрис-

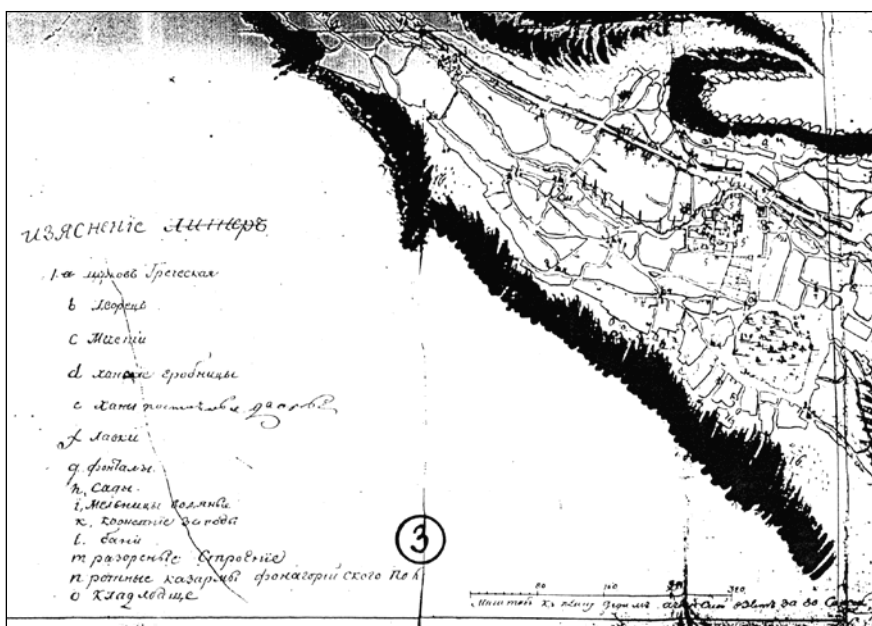

Рис.6. Фрагмент плана г. Бахчисарая 1811 г. Экспликация с буквенными обозначениями [13]

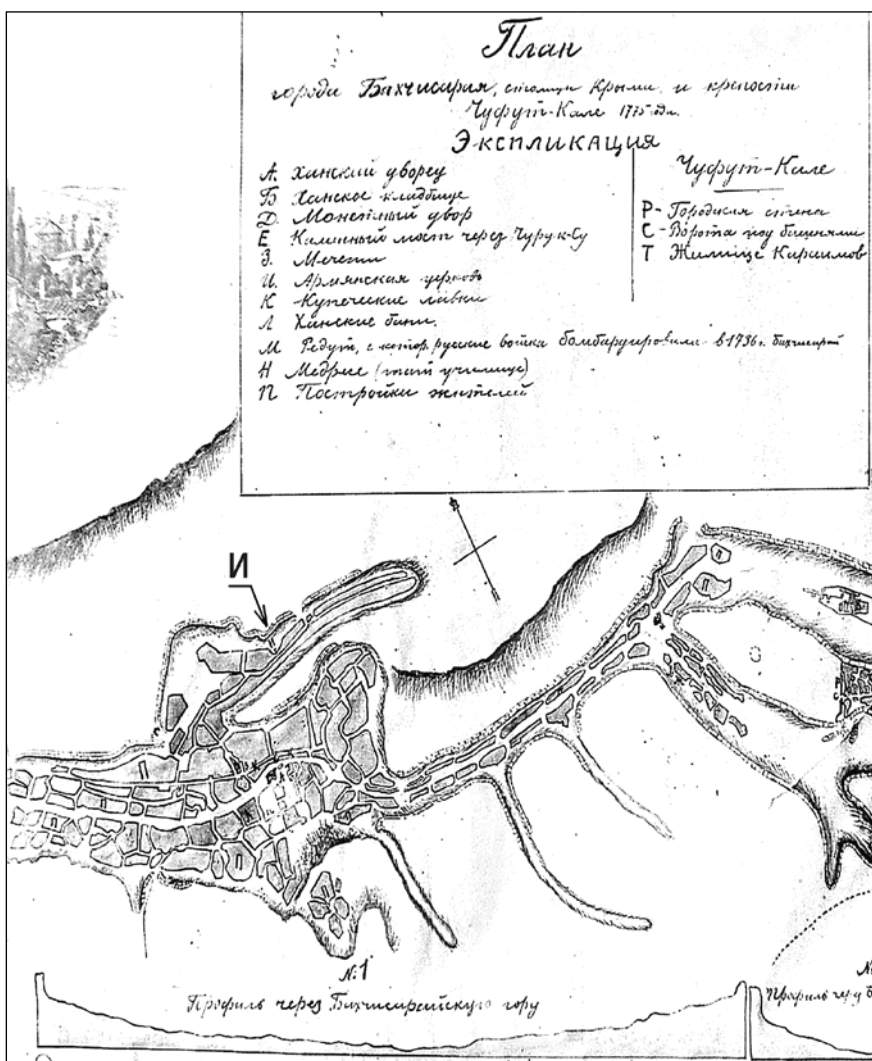

Рис.7. Фрагмент плана г. Бахчисарая 1775 г. в современной орфографии (фотокопия выполнена В.Н.Борисовым). Литерой «И» обозначена армянская церковь

тианского поселения на месте современного Бахчисарая. Вновь найденный пещерный скит в старой части города // МАИАСК. Вып. I. – Севастополь, 2008.

7. Н. В. Днепровский. Пещерный комплекс в историческом центре Бахчисарая и его возможная этноконфессиональная атрибуция // Исследования по арменистике в Украине. Вып.1. – Симферополь, 2008.
8. Н. В. Днепровский, М. М. Чорев. К вопросу о локализации и датировке армянского наземного храма в Бахчисарае // Историческое наследие Крыма, № 20. – Симферополь, 2007.
9. И. Журьяри. Поездка в ближайшие окрестности Бахчисарая // ИТУАК, № 9. – Симферополь, 1890.
10. Д. А. Кипшидзе. Пещеры Ани. Материалы XIV Анийской археологической кампании 1915-20 года. – Ереван, 1972.
11. Э. М. Корхмяян. О фреске Трёх всадников в Эски-Кермене // Исследования по арменистике в Украине. Вып.1. – Симферополь, 2008.
12. РГАДА, ф. 1356, оп.1, ед. хр. 5515.
13. РГАДА, ф. 1356, оп.1, ед. хр. 5518.
14. Т. Э. Саргсян. Об армянских духовно-культурных центрах Бахчисарая (XVI-XVII вв.) // VI Таврические научные чтения. – Симферополь, 2006.

Рис. 8. Тот же фрагмент плана г. Бахчисарая 1775 г. в оригинальном исполнении (фотокопия выполнена В.Н.Борисовым). Литерой «ф» обозначена армянская церковь

Фото 1. Современное фото центральной части Бахчисарая (фото Е.М.Ситниковой)

Фото 2. Спутниковое фото центральной части Бахчисарая (фото с сайта Google.com)

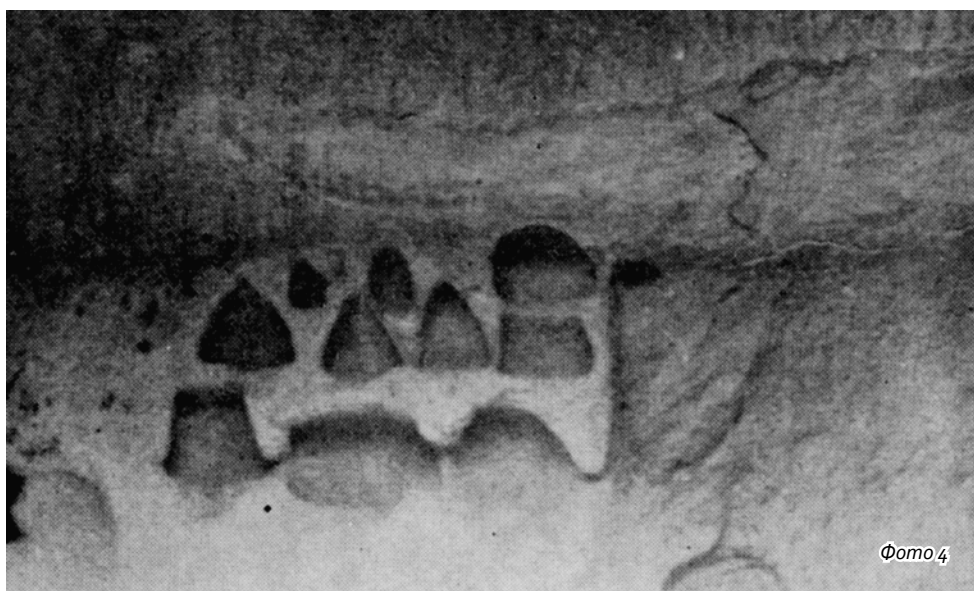

Фото 3. Помещение № 3 с нишами в пещерном комплексе на ул. Горького (фото автора)

Фото 4. Помещение с нишами в «пещерном Ани» [10, табл. 20]

Фото 5. Рисунок П. Туманского, реконструирующий панораму г. Бахчисарая времён Крымского Ханства. 1933 г. (Фотокопия выполнена В. Н. Борисовым)

Фото 6

Фото 6. Фотография центральной части Бахчисарая начала XX века

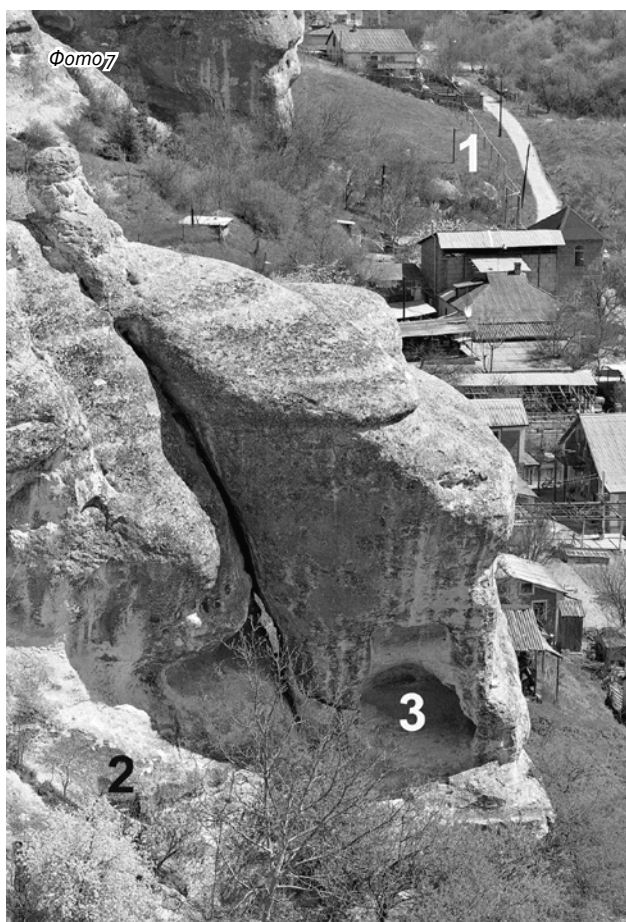

Фото 7

Фото 8

Фото 9

Фото 10

Фото 7. Взаимное расположение объектов на ул. Пушкина: 1 – обломки пещерного храма, 2 – описанная И. Жюрьяри «яма», 3 – подобие алтарной абсиды с нарубленными к ней ступеньками (фото автора)

Фото 8. Предполагаемое первоначальное местонахождение пещерного храма Пресвятой Богородицы на ул. Пушкина (отмечено стрелкой, фото автора).

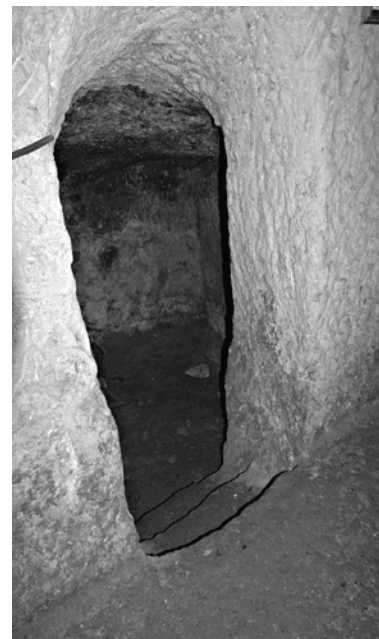

Фото 9. Вырубленный в скале карниз и следы обвала. Хорошо видно, что отломившийся скальный выступ нависал над землёй (фото автора)

Фото 10. Карниз на обломках пещерной церкви подобен вырубленному в скале у штольни (фото автора)

Фото 11. Спутниковое фото фрагмента улицы Пушкина с указанием объектов: 1– обломки пещерного храма Пресвятой Богородицы и фундамент наземного храма св. Григория

Просветителя, 2 – описанная И. Жюрьяри «яма», 3 – подобие алтарной абсиды с нарубленными к ней ступеньками, 4 – предполагаемое первоначальное местонахождение пещерного храма Пресвятой Богородицы (фото с сайта Google.com)

Фото 12. Пещерный комплекс на ул. Ленина (фото автора)

Фото 13. Армянская церковь в Бахчисарае (предположительно, «новая» церковь Пресвятой Богородицы). Фото из архива КРУБИКЗ (фотокопия В.Н.Борисова)

В. В. Майко
(Судак)

Армянская версия жития Стефана Сурожского как исторический источник

Согласно мнению исследователей [3, с. 311; 11, с. 282-298; 12, р. 95-107; 13, р. 118-163.], один из армянских переводов Жития Святого Стефана Сурожского был выполнен в 1316 г. писцом Симеоном из Айсма-вурка, хранившегося в монастыре Сурб-Хач. В настоящее время при анализе раннесредневековой истории Сугдеи и Таврики в целом, именно армянской версии отдается наибольшее предпочтение [10, с. 53-66]. Вместе с тем констатируется, что археологическая изученность этого средневекового города остается слабой, не позволяющей использовать археологические материалы для решения проблемы подлинности изложенных в источнике событий.

Тем не менее, за более чем 40-летний период стационарных раскопок в Судаке получен определенный материал. Принципиальное, на мой взгляд, значение имеет разделение археологического материала на два крупных блока. Первый – находки второй половины VIII в., т.е. времени синхронного примерным датам пребывания Святого Стефана в Сугдее. Второй – находки и археологическая ситуация второй половины X – начала XI вв., т.е. времени капитальной переработки Жития и превращения Святого в покровителя города.

Отличительной особенностью археологической ситуации в Сугдее в середине – второй половине VIII в. является христианизация местного населения, развившаяся в появлении христианского обряда погребения. Наиболее яркие материалы получены при исследовании некрополя Судак-VI, склепов на участке куртины XIV Судакской крепости и некрополя возле туристической гостиницы «Горизонт» (раскопки 2007-2008 гг.). Причем, анализ погребального обряда показал, что механизм проникновения нового обряда погребения был сложным и синкретичным. Рассмотрим подробнее археологическую ситуацию.

Некрополь Судак-VI, датирующийся в рамках второй половины VIII – первой половины IX, расположен в северо-западной части посада Сугдеи, прибли-зи-тельно в 500 м к северо-западу от крепостных стен, на плоской тер-ра-се одного из самых южных отрогов г. Перчем, ограничивающих Су-дакскую долину с севера [7, с. 152-182]. Общая площадь памятника около 2 га. За все годы раскопок исследовано 66 могил и 2 склепа. Среди них 9 погребений являются христианскими плитовыми захоронениями (№№ 1, 8, 10, 15, 18, 20, 21, 46).

В подавляющем большинстве плитовые погребе-

ния сложены из блоков песчаника, отмечена только одна могила № 21, сложенная из длинных тонких плит сланца. Из них четыре захоронения детей, остальные взрослых. Почти все могилы трапециевидной или прямоугольной формы, и только детское погребение 20 имеет ладьевидную форму погребального сооружения. Интересным фактом является то, что здесь был захоронен младенец, по размерам значительно меньший, чем погребальное сооружение. Исходя из плана некрополя, семь плитовых погребений располагались двумя довольно компактными группами (Рис. 1). Еще две могилы находились в разных частях некрополя. Интересной особенностью является и то, что в могилах в основном находилось по одному костяку и только в плитовом захоронении 46 было зачищено погребение взрослого и младенца, вероятно, матери и ребенка (Рис. 2).

Сложный эволюционный механизм проникновения христианской идеологии в языческую среду иллюстрирует детское погребение 8. Здесь с внутренней стороны камня, состав-ля-ющего восточную стенку погребального сооружения, прочерчена двузубая языческая тамга. На внутрен-ней стороне камня южной стенки, примыкающего под прямым углом к описанному, крест.

В этой связи интересны еще семь могил некрополя с эле-мен-та-ми плитовой и грунтовой могилы, т.е. сочетающие христианские и языческие черты. Выделяется и единственное грунтовое погребение № 42, перекрытое поперечными можжеве-ло-вы-ми плахами, положенными на заплечики. Кисти рук погребен-ного сложены на поясе. В районе пояса обнаружена бронзовая пряж-ка, ши-ток которой украшен прорезным крестом с расширяющимися лу-ча-ми (Рис. 3). Наличие подобной пряжки с ярко выраженной христианской символикой так же своеобразное свидетельство восприятия христианской идеологии.

Особый интерес представляет каменный христианский склеп, обнаруженный в 1994 г. на данном некрополе [7, с. 170-172] (Рис. 4). Сложен он из камней песчаника на известковом растворе в три ряда кладки. Внутренняя поверхность стенок оштукатурена. В верхней час-ти заполнения склепа было обнаружено более позднее грунтовое по-греб-ение, ориентированное головой на восток. Под этим погребением, в восточной части погребального сооружения зафиксированы следы де-ре-вянных балок от возможного

перекрытия и каких-то деревянных конструкций. По всей площади заполнение объекта на этом уровне содержало многочисленные фрагменты черепицы-керамиды и кал-лип-теров. Вероятно, это остатки двускатной черепичной крыши. В этом же слое был зафиксирован костяк, ориентированный головой на запад. От него сохранились только отдельные сильно перемешанные кости. На полу склепа располагалось основное захоронение. В этом горизонте обнаружен золотой византийский солид императоров Льва III и Константина V, не бывший, очевидно, в употреблении. Погребение парное. В ногах погребенных и вдоль всей восточной стенки склепа зафиксированы три черепа и разрозненные кости от предшествующих захоронений.

Разнообразные материалы второй половины VIII – первой половины IX вв. получены и при раскопках склепов на участке куртины XIV Судакской крепости. Все они опубликованы [1, с. 4-17; 2, с. 414-415], что избавляет от повторений.

Интересные материалы, свидетельствующие о христианизации населения Сугдеи во второй половине VIII в. получены при исследовании некрополя Судак-IX близ современной туристической гостиницы «Горизонт» на городском посаде. Здесь в 1976 г. М.А. Фронджуло исследован сильно разрушенный строительными работами каменный склеп с коробовым перекрытием [7, с. 190-191] (Рис. 5). По конструкции погребального сооружения и немногочисленному сопровождающему инвентарю, он аналогичен и синхронен каменным склепам на участке куртины XIV Судакской крепости. Последние находились в пределах видимости от данного объекта. Характерной особенностью склепа является его ориентация по оси север-юг с небольшим сезонным отклонением. Сложен из блоков капсельского ракушечника на извести. Вход в южной стене. К сожалению, склеп оказался сильно поврежденным современными строительными работами, что делает невозможным полную реконструкцию погребального обряда. Центральный костяк расположен по центру склепа и ориентирован по оси запад-восток. Под захоронением обнаружена песчаная подсыпка. Кроме основного погребения, непосредственно на полу зачищены обломки двух черепов и отдельные перемешанные кости, по всей погребальной камере. Склеп также использовался длительное время, о чем свидетельствуют многочисленные разрозненные кости, расположенные к югу от основного погребения. Однако, все черепа концентрируются в западной части погребальной камеры.

В 2007 г. при продолжении раскопок данного некрополя была обнаружена могила 55, расположенная на площади раскопа 2 [8, с. 267] (Рис. 6). Датировка погребения второй половиной VIII – первой половиной IX вв. подтверждается тем, что захоронение перекрыто слоем однородной плотной глины серого цвета, в которой встречены мелкие фрагменты керамики второй половины IX – первой половины X вв. (амфоры

причерноморского типа). Вероятно, перед нами разрушенная христианская плитовая могила, поскольку в 0,38 м к западу от черепа погребенного располагался крупный обработанный песчаниковый блок. Костяк в вытянутом положении, кости рук вытянуты вдоль тела, кисти рук, вероятно, располагались под тазом. Возле локтя правой руки обнаружена бронзовая серьга с подвеской крымского производства. Литейные формы для отливки совершенно аналогичных серег обнаружены при раскопках городища на плато Тепень [5, с. 240, рис.136, 7].

Такова на сегодняшний день в общих чертах археологическая ситуация, характерная для Сугдеи времени пребывания в городе Святого Стефана. Она свидетельствует, с одной стороны, о значительном влиянии христианства, с другой – о сложном и неоднозначном механизме его проникновения.

В юго-восточном Крыму в середине X в. происходит резкая смена материальной культуры. Во-первых, полностью сокращается численность огромного количества сельских поселений, расположенных до этого практически в каждой обводненной балке юго-восточного Крыма. Жизнь продолжается только в городах Сугдее и Боспоре, ни одного сельского поселения юго-восточного Крыма второй половины X в., включая Керченский полуостров, пока неизвестно.

Эта новая городская культура изучена достаточно полно [4, с. 201-244], что избавляет от повторений. Подчеркнем еще раз, что тенденции ее развития в Сугдее и на Боспоре совершенно идентичны [6, с. 93-96]. И в одном городе и в другом новые поселенцы используют жилые сооружения предшествующего времени. При этом некоторые дома и помещения в них остаются заброшенными. В Сугдее территория городища расширяется.

Отдельного исследования заслуживает погребальный обряд. Все изученные захоронения представляют собой христианские плитовые погребальные сооружения. Однако главное не это, а то, что в отличие от предшествующего периода, на городских и прихрамовых некрополях Сугдеи и Боспора появляется традиция коллективных погребений, где при совершении последнего захоронения возле его черепа располагались черепа от предшествующих. Часто встречаются и многоярусные погребения, где каждый ярус представлял собой одиночное наиболее позднее погребение, обложенное со всех сторон, но, прежде всего, в ногах и головах, отдельными костями и черепами от предшествующих. При этом, черепа встречаются как в головах, так и в ногах последующих погребенных. Значительно реже исследованы погребения, где кости более ранних погребенных в полном составе сдвинуты к одной из длинных стенок плитовой могилы. Вариантов данных основных типов нового христианского погребального обряда насчитывается не менее десяти. С середины X в. возникают и костницы, где не наблюдается анатомического порядка в расположении большинства костяков. При этом черепа и кости верхних конечностей все же

концентрируются в западной, а кости нижних конечностей – в восточной части погребального сооружения. Они продолжают активно использоваться и в XI в. С другой стороны, на протяжении второй половины X – XI вв. в костницы превращаются практически все каменные склепы предшествующего праболгарского ранневизантийского времени. С чем это было связано, сказать трудно. Все указанные элементы трудно рассматривать в качестве афонской монашеской практики. С другой стороны, объяснять данный факт простым увеличением численности жителей городов, означает упрощать проблему. Другой отличительной особенностью погребений этого периода является богатство и разнообразие погребального инвентаря, что так же непросто объяснить, исходя из христианской практики погребения.

Несомненно, культура жителей Сугдеи второй половины X-XI вв. является самостоятельной археологической культурой, не имеющей генетической подосновы в предшествующих древностях. Совершенствование технологий, развитие организации ремесла и торговли способствовали быстрому их проникновению на широкие территории и, прежде всего, в портовые приморские города. Это приводило к тому, что этнических маркеров в материальной культуре становится все меньше, чему, конечно, способствовала и христианизация. Культура приобретает единый облик, типичный для большинства причерноморских провинций Империи и приморских городов.

Для рассматриваемого периода, в отличие от предшествующего, есть некоторые источники, в основном сфрагистические, позволяющие частично реконструировать некоторые моменты политической истории.

После похода в Крым в 941 г. хазарского полководца Песаха, полностью исчезает праболгарская культура, а в юго-восточной части полуострова возникает новая городская, принесенная переселенцами с Северного Кавказа, частично, возможно с Тмутаракани. До падения Хазарии в 965 г. местное население номинально подчинялось ставленнику каганата, что и нашло отражение в ответном письме царя Иосифа и перечне хазарских городов. Занятая внутривосточными проблемами и событиями на Балканах, Византийская империя до поры и времени не вмешивалась в положение дел. Мешало этому и присутствие на полуострове части печенегов, занимавшихся активной посреднической деятельностью. При этом разгром Святославом хазарского войска, взятие ряда городов, поход «на ясы и косоги» мало коснулся крымского полуострова и лишь только оборвал и без того не особо прочные связи местного населения с верхушкой Хазарского каганата. При этом, присутствие русских дружин на Боспоре, захват и разгром ими города представляется маловероятным, во всяком случае, это не нашло отражения ни в Повести Временных Лет, ни в Византийских, ни в арабских источниках. Однако образование Тмутараканского княжества усилило центростремительные тенденции родственного

Рис. 1. План некрополя Судақ-VI с обозначением мест концентрации плитовых могил

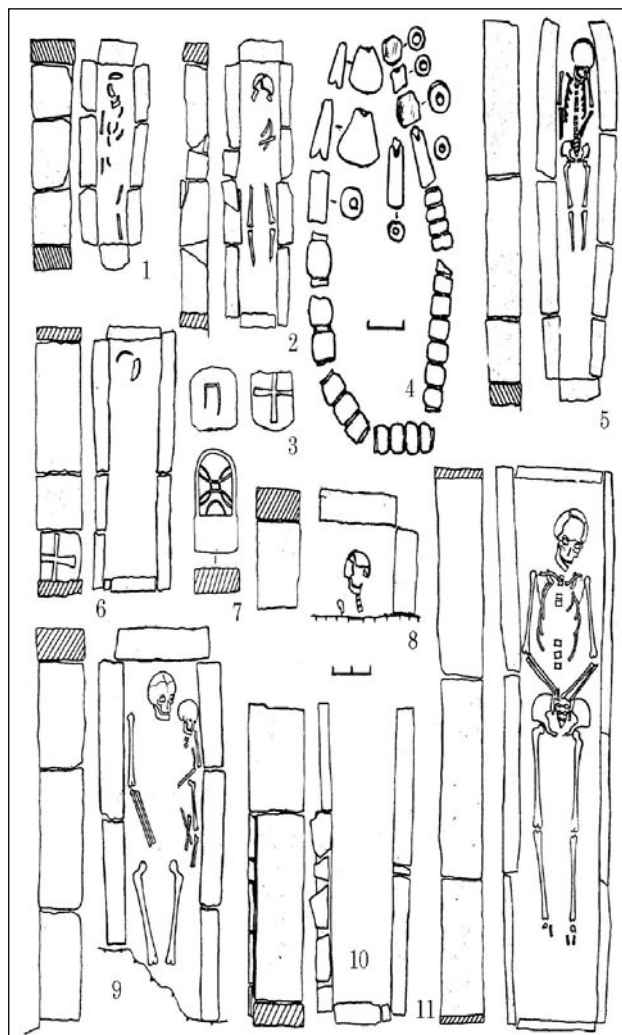

Рис. 2. Плитовые христианские погребения некрополя Судақ-VI

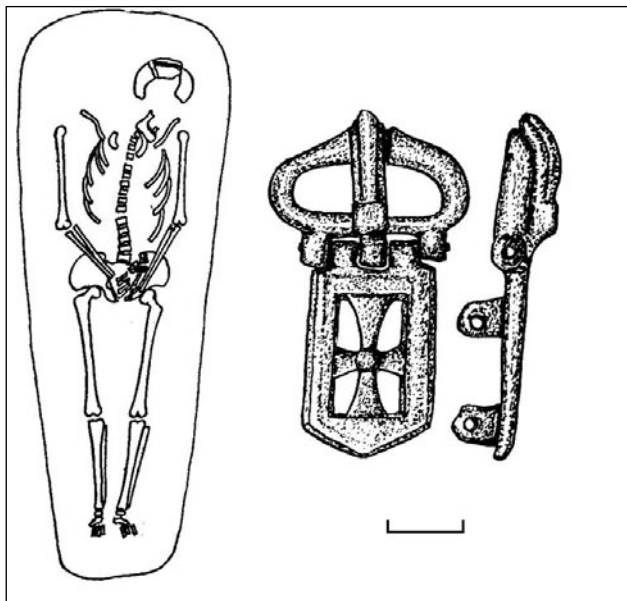

Рис. 3. План могилы 42 и бронзовая пряжка с прорезным крестом

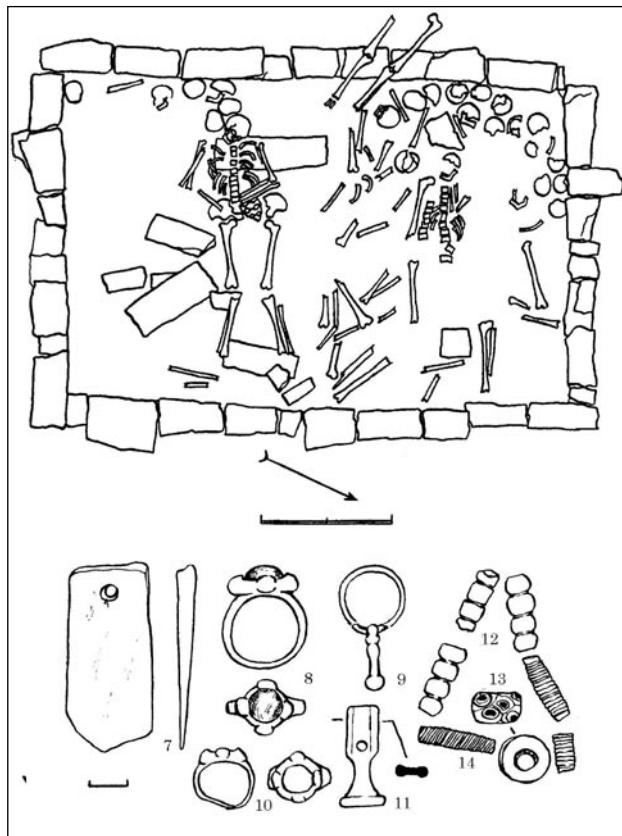

Рис. 5. План каменного склепа на участке некрополя Судак-IX

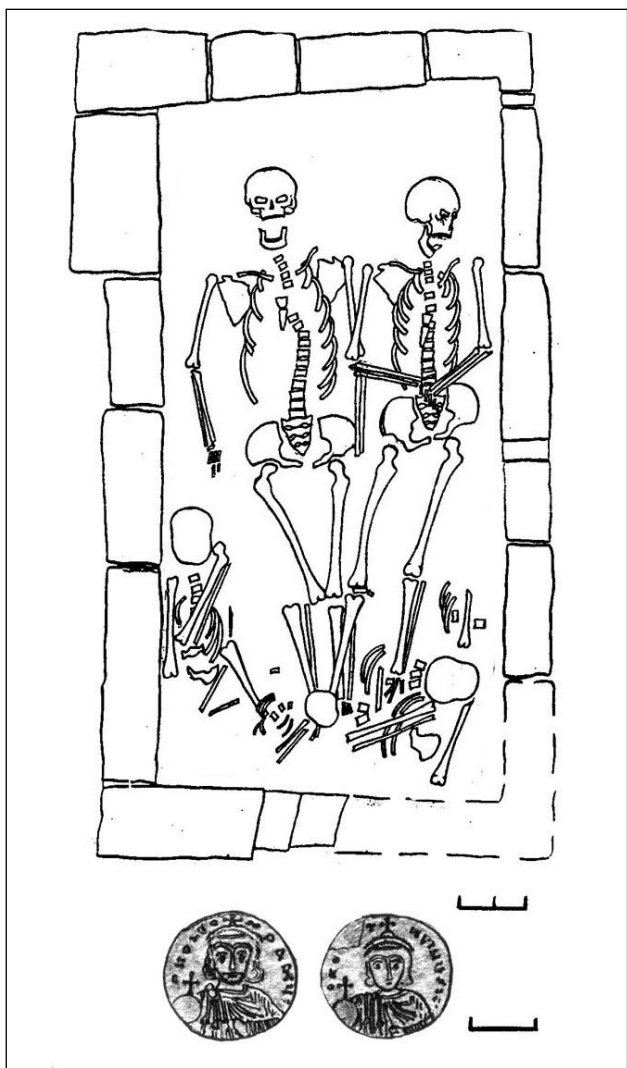

Рис. 4. План погребений каменного склепа некрополя Судак-VI

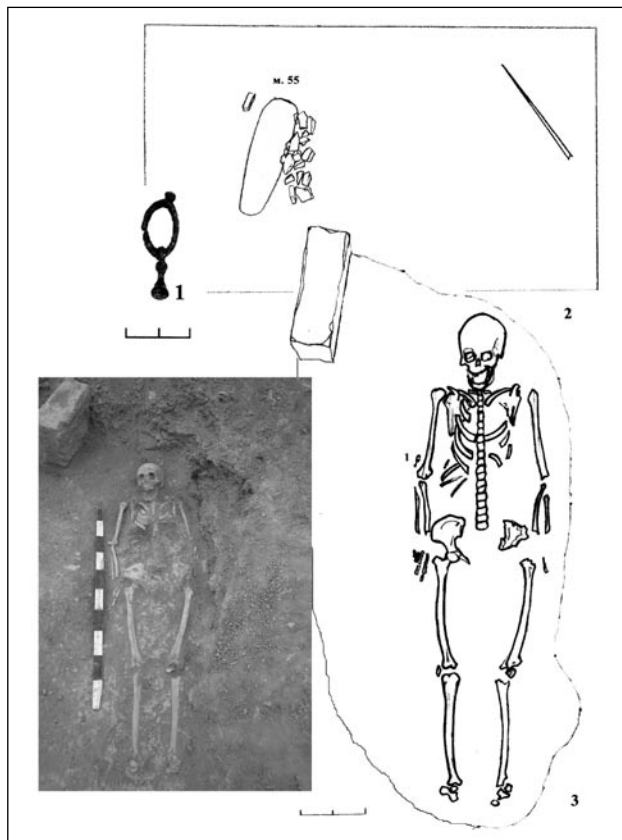

Рис. 6. План, общий вид и погребальный инвентарь погребения 55 некрополя Судак-IX (раскопки 2007 г.)

населения по обоим берегам Керченского пролива. Логика событий подсказывает, что в начале 70-х гг. X в. юго-восточная Таврика переходит под власть Византийской империи. Насколько прочно и в какой форме осуществлялась эта власть, сказать трудно, находился ли на Боспоре или в Сугдее византийский чиновник, была ли создана феода – неизвестно.

После похода Владимира «на козары» 986/87 гг., т.е. против Тмутараканского княжества, и последующего взятия Херсонеса, ситуация для юго-восточного Крыма, в отличие от Тмутаракани, меняется незначительно. Этнической смены населения, как и в предшествующее время, не происходит. Однако, естественно влияние Руси на юго-восточный Крым, номинально подчиненный Византии, особенно через Тмутараканское княжество второй половины X в., усиливается.

Вероятно, между Русью и Византией был заключен своеобразный кондоминиум. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния. Это, то активное, то пассивное противостояние двух крупнейших государств, занятых многочисленными внутренними и внешними проблемами и позволяло местному населению балансировать между двумя силами, поддерживая видимость существования своеобразного реликта каганата – Крымской Хазарии. В этой политике активную моральную и экономическую поддержку, не без ведома Руси, оказывало и этнически близкое Тмутараканское княжество.

Таким образом, археологическая ситуация в городе во второй половине X в., объясняя многие спорные моменты в тексте Жития, подтверждает сведения его армянского перевода. Это относится не только к эпизоду, связанному с походом князя Бравлина-Пролыса-Песаха [9, с. 181-191], но и к сюжету о Георгии (Юрии) Тархане. Если не отстаивать как аксиому факт присутствия этого эпизода в протографе и согласиться с относительной независимостью юго-восточного Крыма с Сугдеей и Боспором во второй половине X в. после похода Песаха, ситуация упрощается и понятно появление хазарского «царя» Вирхора и христианина тархана Георгия.

Таким образом, археологическая ситуация в Сугдеешний раз доказывает чрезвычайную ценность армянского перевода Жития Святого Стефана Сурожского как исторического источника.

Список литературы

1. Баранов В.И. Судакские склепы // Историческое наследие Крыма. – № 2 – Симферополь, 2003. – С. 4-17.
2. Виноградов А.Ю., Джанов А.В. Греческие надписи Сугдеи // Сугдейский сборник. – Вып. 1. – Киев-Судак, 2004. – С. 402-424.
3. Иванов С.А. Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазарі. – Т. 16. Евреи и славяне. – Иерусалим-Москва, 2005. – С. 311.
4. Майко В.В. Сугдея во второй половине X – начале XI вв. // Сугдейский сборник. – Киев-Судак, 2004. – С. 201-244.
5. Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. – К., 2004. – С. 240, рис. 136, 7.
6. Майко В.В. К вопросу о выделении средне-вековых горизонтов Боспора второй половины X – начала XI вв. // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь, 2001. – С. 93-96.
7. Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. – К., 2007. – 273 с.
8. Майко В.В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности 2009. – Харьков, 2009. – С. 259-268.
9. Могаричев Ю.М. Об одном из сюжетов Жития Стефана Сурожского (Бравлин из Новгорода или Песах из С-м-к-рая) // Хазарский альманах. – Т. 6. – Киев-Харьков, 2007. – С. 181-191.
10. Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. – Симферополь, 2009. – 334 с.
11. Саргсян Т.Э. Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Вып. 3. – Симферополь, 2008. – С. 282-298.
12. Vozoyan Arat La Vie Armenienne de Saint Etienne de Sougdaia // La Crimee entre Byzance et le Khaganat Khazar. – Paris, 2006. – P. 95-107.
13. Ivanov S. The Slavonic Life of Stefan of Surozh // La Crimee entre Byzance et le Khaganat Khazar. – Paris, 2006. – P. 118-163.

Материалы научной конференции

Раздел II. Крымские армяне в Новое время

История армянской церкви во имя Св. Анны в городе Севастополе. По архивным материалам

В 1989 году, наряду с другими городами Крыма, в Севастополе возродилась армянская община, которая была официально зарегистрирована в 1990 году. Основной задачей общины является сплочение армянского населения города, его духовное возрождение, преодоление кризиса национальной идентичности и всевозрастающей ассимиляции.

По данным Всеукраинской переписи населения в 2001 году в Севастополе проживало 1,3 тысяч армян, что составляет 0,1% [16]. Рост численности армянского населения в городе связан с очередной волной миграции, последовавшей после развала Союза, землетрясения в Армении, событий в Азербайджане, экономических проблем. Мигрировав из разных регионов, переселенцы какое-то время сохраняли язык и культурные традиции той группы армянского этноса, к которой принадлежали. Но постепенно культура мигрантов подверглась ассимиляции, чему способствовали дисперсность расселения, высокая доля смешанных браков, разрыв связи с исторической Родиной.

Важнейшим фактором сохранения армянской нации как этноса исторически являлась церковь, поэтому логическим продолжением в деле духовного возрождения севастопольской общины стал вопрос строительства церкви. Наряду с представителями других конфессий, севастопольская община поднимает вопрос о возвращении помещения армянской церкви, существовавшей до тридцатых годов XX в. на ул. Чесменская, 22 (ныне ул. Советская, 22) на городском холме, напротив Владимирского собора. Однако, на месте церкви сегодня находится жилой дом, и для возвращения данного помещения необходимо обеспечить расселение жильцов дома, что в нынешней экономической ситуации не представляется возможным.

В ходе обсуждения вопроса строительства церкви автором решено было изучить историю старой севастопольской армянской церкви.

В Государственном архиве г. Севастополя сохранились подлинные документы, раскрывающие деятельность религиозных общин города, материалы, характеризующие некоторые аспекты взаимодействия органов государственной власти с верующими Севастополя.

Однако по Армянской церкви в архиве обнаружено ограниченное количество материала. Возможно, это объясняется тем, что во время Оборона Севастопо-

поля 1941-1942 годов, кроме партийных документов, архив практически оказался уничтоженным.

Все документы, выявленные в архиве условно можно разделить на две группы: первая – дореволюционный период (до 1917 г.) – отражающая период строительства и становления церкви; вторая – советский – период борьбы с церковью с целью ее последующего закрытия.

До второй половины XIX в. в Севастополе не было армянской церкви, в связи с малой численностью армянского населения города. Так, по данным памятной книги Таврической губернии следует, что в 1867 году в Севастополе проживало 25 армян, из них 14 мужчин и 9 женщин. В 1886 году на 100 жителей Севастополя приходилось 0,5 армян (269 мужчин и 136 женщин). Столь малое их количество было связано с выселением в 1778 году христиан из Крыма (армян и греков). Указ от 28 октября 1790 года предоставлял крымским армянам особые льготы, в том числе освобождение от налогов и армии на 10 лет, беспроцентную продажу вина, возможность получения удобных земель, чем вызвал приток в Крым армян из России, Австрии, Германии, Швейцарии, Польши, Турции. Однако, Манифест русского правительства от 13 февраля 1798 года о праве поселения армян в любом месте, кроме Севастополя как военно-морской базы, не позволял армянам селиться в г. Севастополе.

Две крупные волны переселенцев-армян в Крым из Турции и Баку последовали в 1894-1895 годах в связи с развязанным там геноцидом и в 1915 году – по той же причине.

Как ни мала была армяно-григорианская община, но обходиться без храма она не могла. Для удовлетворения религиозных потребностей общины в Севастополе вплоть до 16 ноября 1908 года имелся лишь молитвенный дом на Чесменской улице. Алтаря в нем не было, поэтому нельзя было совершать божественную службу. Мысль о сооружении алтаря возникла уже давно. «Лица, стоявшие во главе общины и, в особенности ктитора молитвенного дома А. И. Каракаш, а также известный армяно-григорианский священник отец Саркиз энергично взялись за осуществление заветной мысли, и в результате трудов их явилось торжество 16 ноября 1908 года – освящение вполне готового алтаря во имя Св. Анны и превращение, таким образом, молитвенного дома в церковь. Торжество было обставлено очень пышно: чин освящения алтаря совершал глава Кишиневской армяно-григорианс-

кой консистории, архиепископ Нерсес Бархадуриян, прибывший специально для этой цели из Кишинева вместе с архимандритами Леоном и старокрымским викарием Егише Мурадьяном. Кроме того, было приглашено духовенство из окрестных городов: Симферополя и Мелитополя. Из Симферополя был выписан хор из 35 человек, великолепно пропевший всю литургию... К началу литургии в храм прибыли: чиновник особых поручений при генерал-губернаторе д. с. с. (действительный статский советник – прим. автора) Д. Д. Дриневич, полицеймейстер С. А. Петровский, представитель городского общественного управления, городской голова Н. Ф. Ергопуло, С. Х. Гавалов и многие другие. В церкви же молились и нижние чины местного гарнизона, отпущенные своим начальством» [13, 3].

Алтарь был сооружен на пожертвования госпожи А. К. Авдеевой. Подтверждением данного факта является заметка в «Крымском вестнике» «25.08.1909 г. в Престольный Праздник Святой Анны на пожертвования госпожи Авдеевой в Севастопольском молитвенном доме Св. Анны был сооружен алтарь» [13, 3]. (Прим. - автором отмечается несоответствие в указании года сооружения алтаря).

Упоминание об Авдеевой имеется в Крымском вестнике за 1910 год, где сообщается: «В молитвенном доме местного армяно-григорианского общества, в воскресенье 31 октября 1910 г., после совершения литургии, была отслужена панихида по жертвователнице А. К. Авдеевой, после чего совершено освящение вновь отремонтированного молитвенного дома и находящегося при нем училища севастопольского армяно-григорианского попечительства. Затем, по армяно-григорианскому обычаю, состоялся так называемый «Мадаг»¹⁵, т. е. тут же во дворе были зарезаны и пожарены три барана для угощения присутствующих. В тот же день состоялось общее собрание членов общества, званное для выяснения вопроса о произведенном ремонте в молитвенном доме и училище ктиторм г. Кеворковым» [2, 3]. Никаких данных о личности самой госпожи А. К. Авдеевой в архиве обнаружить не удалось.

В царской России подсчет численности населения производился по вероисповеданию. В Статистических сведениях о севастопольском градоначальстве на 1911 год находим, что «...армяно-григориан насчитывалось 567, а вот римско и армяно-католиков вместе – 3839. Там же указывалось, что Армяно-Григорианская церковь находится по ул. Чесменская, 22, настоятелем является священник Искандарьян Тер-Степанос. При церкви имеется Армяно-Григорианское церковное приходское училище с числом учащихся – 24. Заведующим является священник, учителем – Папаньян Амбакум Мкртич» [15].

«Крымский вестник» от 6 января 1912 года сообщает, что в местной армяно-григорианской церкви «состоялось торжественное освящение и поднятие нового колокола – 20 кг» [1, 3].

Территория градоначальства на начало 1913 года составляла 27.997 десятин, 525 квадратных сажень земли, на которой проживало 88.473 человека, из них 1415 армян [15].

Больше материалов о Севастопольском армяно-григорианском обществе при молитвенном доме Св. Анны дореволюционного периода в городском Государственном архиве, к сожалению, обнаружить не удалось.

После октябрьских событий 1917 года отношение новой государственной власти к церкви первоначально не было враждебным. Но развитие событий поставило страну на порог эпохи «тотального атеизма». Диктатура пролетариата, придя к власти, устранила соперничающую структуру – религиозную. От имени новой власти разрушались храмы, подвергались репрессиям священнослужители. Свидетельством этих событий являются сохранившиеся архивные документы. Период с 1917 по 1929 годы в Стране Советов учеными характеризуется как секулярное государство, при котором Церковь отделяется от него, ее собственность национализируется, школа отделяется от Церкви и граждане получают право свободы совести. Юридически это положение было оформлено Декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (20 января принят, 23 – напечатан) [1, 373]. Вокруг него строилась вся партийно-государственная политика, направленная на искоренение религии.

Поскольку в Севастополе советская власть была установлена только в ноябре 1920 года, то договоры с религиозными общинами на сдачу культовых храмов в аренду прихожанам начали заключаться с 1922 года. В начале 1920-х годов все религиозные культы, в том числе, армяно-григорианские, были поставлены на учет в церковном столе Севастопольского райисполкома и со стороны местных органов велся надзор за их деятельностью, была проведена регистрация культовых зданий и священнослужителей, осуществлен учет имущества, которым верующие пользовались, но не распоряжались [3, 45].

Культовые здания передавались группам верующих по договору. В ноябре 1922 года такой договор с управлением СевОКрайисполкома заключила армянская община: «Желая взять в пользование храм армяно-григорианский Св. Анны в г. Севастополе, находящийся по Советской-22 (бывшая Чесменская-22) совместно с имуществом этого храма, предназначенным специально для богоугодных и обрядовых целей, мы, нижеподписавшиеся просим товарищество-дел правления заключить с нами о том Договор во всем согласно с декретом СНК об отделении церкви от Государства (собрание законов 1918 года № 15 ст. 283 и постановлением СНК СССР от 31 декабря 1921 года (собрание законов КР.ССР 1923 года № 3)» [6, 4].

¹⁵ Имеется в виду обряд «матах» – жертвоприношение, в смысле – «пожертвование, принесение дара Богу и сотворение милости к бедным». Для матаха необходимо животное мужского пола (бычок, баран, петух) и освещенная по специальному церковному канону соль.

Особое внимание властей уделялось вопросу наличия печатей и штампов. Их опись в обязательном порядке представлялась в церковный стол. Все старые печати были изъяты, чтобы они не использовались для выдачи метрических записей, т. к. эти функции были переданы ЗАГСам. Да и ни к чему были печати религиозным обществам, которым было отказано в правах юридического лица. Сохранилась копия протокола собрания от 2.XII.1923 года, где в повестке дня стоял один вопрос: «Предупредить священника, все обряды как-то крещение, венчание, похороны ни в каком случае не могут быть им совершены без разрешения «п/а ЗАГС» и казначея Исполкома органа» [8, 27]. Это приводило к падению дохода и авторитета церкви. Печати, штампы, бланки властями разрешалось заказывать, но только исключительно для религиозных целей. Справки выдавать разрешалось, но они не имели юридической силы. В архивных документах сохранились оттиски некоторых печатей и штампов, например, «Круглая медная «Печать Армяно-Григорианской церкви», штамп четырехугольный каучуковый» [9, 8а].

Государство взяло на себя право надзора за деятельностью религиозных организаций, и каждый их шаг четко отслеживался. Общие собрания проводились только с особого разрешения управления Севастопольской райгормилиции. Сведения о предстоящем собрании должны были направляться в органы за 2 недели с указанием повестки дня и докладчиков.

Служители культа всегда были объектом пристального внимания исполнительной власти и силовых структур. Об этом свидетельствует четкая система регистрации и передвижения служителей культа, действовавшая на всей территории Крыма и Советского государства в целом. «Добровольно явившийся» в Церковный стол священнослужитель заполнял анкету в 2-х экземплярах, на основании которой выдавалась учетная карточка служителя культа, дававшая право религиозной деятельности. Один экземпляр анкеты хранился в специальном «регистраторе» в алфавитном порядке по видам культа, а второй экземпляр, не позднее 3-х дней с момента поступления данного лица на учет, отправлялся в Центральное Административное управление Крыма.

Для городских служителей культов одним из единственных законных источников существования были добровольные пожертвования прихожан. Инструкцией ЦАУ Кр.АССР от 4 апреля 1927 года «О порядке проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства...», верующим разрешалось «производить добровольные сборы-складчины» на содержание служителей культа. Их учет и взаимодействие с ними осуществлял Административный отдел Севастопольского Районного Исполнительного Комитета, а именно Церковный стол, переименованный в мае 1925 года в Стол религиозных культов.

Следует заметить, что вся информация, содержащая сведения о священнослужителях и религиозных общинах, имела особое государственное значение,

поэтому все документы о них формировались в секретные дела [10, 219]. В архивных документах имеется множество анкет, где указывается доход священнослужителей за совершение культовых обрядов. Статистика показывает, что в самых многочисленных общинах Севастополя, например, Покровской, Александроневской церквях священнослужители получали до 2, 5 тыс. рублей в год. Большинство же малочисленных общин, например лютеран, адвентистов, армяно-григорианской церкви не могли содержать своего священника. Один из них как-то выразился так: «Служить – и быть голодным, не служить – и быть голодным, так лучше путь избрать полуголодный». А это означало только одно – отречение от сана [10, 221].

Севастопольский Армяно-Григорианский Молитвенный Дом за неимением средств не мог иметь других священнослужителей, дьякона, псаломщика, даже церковного сторожа. Богослужения происходили редко – только в торжественные праздники при участии случайных певчих.

Проведение Декрета в жизнь было возложено на местную власть, исполняющим органом которого явились церковные столы. Началом их активной работы в Севастополе можно считать 1922 год, когда в соответствии с декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 года «Об изъятии церковных ценностей для нужд голодающих» одноименная комиссия приступила к их выявлению [12].

Вся дальнейшая информация указывает на последовательную политику государства по отлучению прихожан от церкви с целью последующего ее закрытия. Так, например, настоятель Севастопольской Армянской церкви протоирей В. Мамиконянц в своем донесении в отдел управления Сев.Окр.Исполкома и в церковный подотдел на основании предписания от 19.1X № 5742 указывал, что число прихожан на 22 сентября 1922 года Армянской церкви составляло 540 человек. В следующие годы численность прихожан сокращается, и в торжественных днях от 50 до 70 человек, в остальные дни – 3-5 человек [6, 17].

В отдел управления Севокриисполкома армяно-григорианская община представила ведомость «О движении ценностей богослужебного и другого церковного имущества из золота, серебра, драгоценных камней в период со времени прихода в Крым Советской власти до настоящего времени принадлежащего Армяно-Григорианской церкви, находящейся в г. Севастополе Севастопольского округа, с обязательным указанием в золотом и серебряном эквиваленте» [9, 7].

В тоже время составлялась опись недвижимого имущества, принадлежащего армяно-григорианской церкви: «Здание церкви каменное: одна глава с колоколами. Две двери. Под церковью имеется подвальное помещение. Во дворе церкви находится принадлежащий ей трехэтажный дом, имеющий три квартиры. В доме электрическое освещение. Кроме того, во дворе имеется один сарай и прачечная, сложенная из камня. Сады и земли не имеются» [9, 7а].

Комиссия, как и требовалось, заполнила учетную карточку на армяно-григорианскую церковь: «Постройка Молитвенного дома одноэтажна, обыкновенный дом без рисунков, имеется небольшая передняя. Внутри здания стены выкрашены масляной краской. Всего имеет 7 окон и 3-е дверей, пол покрашен красным, потолок побелен, имеет 1 купол и 1 колокол. Крыша покрыта цинковой железой. Здание прочное. Построено в 1908 году. Внутренняя длина 24 аршин, ширина 8,5 аршин, высота – 5, ширина – 11 аршин, передняя длина 6 аршин, ширина 3,5 аршин. Всего 185 кв. аршин [6, 39].

Община должна была представлять отчеты в НКВД и в Отдел культа о прихожанах. Учитывая эпоху 20-30-х гг. прошлого века, прихожане стали, вероятнее всего, опасаться проявления своих религиозных взглядов [8, 27].

Каждый год община должна была предоставлять в Административный отдел Севисполкома вот такую расписку: «Мы, члены исполкома Органа Севастопольской Армяно-Григорианской церкви даем сию подписку в том, что: производить деятельность учрежденного нами общества исключительно в рамках учреждаемого устава и всему подчиняемся постановлениям советской власти» [8, 27].

К расписке прикладывался список членов исполкома Севастопольской Армяно-Григорианской церкви Св. Анны, где указывались фамилия, имя, отчество, социальное положение, служебное положение до 1914 года, партийное и имущественное положение, время вступления в культ [6, 60].

Контроль за общиной был всеобъемлющий, что видно по финансовым отчетам. В документах архива за 1928 год сообщается, что «статья дохода была путем добровольных пожертвований, продажи свечей, кружечный сбор в церкви и другие разные за обряды, всего за 1927 г. были на сумму р. 474,30. Статья расхода за 1927 г. были как-то за уплату священнику страховка, свечи, ремонт, окраска церкви, уголь, мука и др. мелкие расходы всего на сумму р. 474,30. На питание священнику с 1-го января 1927 г. по 1 октября 1927 г. р. 117,25 и жалованье священнику с 1-го октября 1927 г. по 1-го января 1928 г. р. 120, а всего р. 237, 25» [6, 60].

В конце 1920-х годов начала осуществляться практика репрессий. Политическим актом, направленным на ограничение деятельности религиозных организаций, явилось постановление ВЦИК СНК СССР от 8 апреля 1929 года «О религиозных организациях».

Правительство Крыма откликнулось на это своим постановлением и инструкцией НКВД от 30 ноября 1929 года «О порядке проведения перерегистрации религиозных объединений в Крыму». Срок перерегистрации был ограничен: 1 декабря 1929 г. – 1 мая 1930 г. [5, 179]. Перерегистрация была неформальная. Это был сугубо политический акт, направленный на ограничение деятельности религиозных объединений жесткими рамками законодательства и в конечном результате на их закрытие.

В архивных материалах имеются документы о закрытии Армянской Церкви. По одному из них в НКВД Кр. АССР /по столу религиозных культов/ в июне 1929 года поступило заявление граждан, проживающих в Севастополе армян, в котором они просят ликвидировать армянскую церковь и передать таковую под детскую площадку. Начальник Административного Отдела Фокин в донесении указывал, «...что по учету стола религиозных культов дореволюционного времени верующих армян было более 200 человек, посещаемость храма была в будничные дни 30-50 чел., в воскресные дни 100-120 чел., в двенадцатые Праздники все 100% проживающих армян в г. Севастополе. Служба производилась весь круглый год.

В данное время в 1927, 1928, 1929 г. посещаемость упала на 95-97% – ибо богослужения в 1927 и 1928 гг. совершалась всего 4 раза, в 1929 г. богослужений совершенно не было. Часть верующих, в числе 17-20 человек еще пока держалась за свою церковь, кои все являются бывшие торговцы. Рабочая же масса от церкви совершенно отошла на все 100%. 3-го декабря 1929 г. поступило заявление в стол религиозно-культурного Административного Отдела от остальных 17-ти человек, в лице совета армянской церкви. В заявлении своем они отказываются от дальнейшей аренды и просят ликвидировать армянскую церковь, а имущество передать на культурные нужды» [6, 29]. К донесению прилагалось заявление армян г. Севастополя и церковного совета. С данной информацией начальник Админ. Отдела Фокин обратился в Президиум Горсовета, на основании чего приняли постановление. В архиве имеется выписка из данного постановления Президиума Горсовета о ликвидации армянской церкви: «Поскольку верующие сами отказались от дальнейшей аренды армяно-григорианской церкви, таковую ликвидировать и здание передать национальным меньшинствам использовать таковой для культурно-просветительских целей» [6, 29].

25 февраля 1930 года в Президиуме Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Военморских Депутатов Кр.АССР слушали доклад начальника НКВД г.Севастополя Сагирова «О ликвидации армяно-григорианской церкви в Севастополе». В архиве сохранилась выписка из протокола № 39 заседания данного Президиума, где постановили: «Армяно-Григорианскую церковь в Севастополе ликвидировать, вследствие ходатайства трудящихся армян и самих верующих» [6, 87].

Последний документ, в котором упоминается армянская церковь Св.Анны датируется 22 августа 1930 г. Это протокол заседания Пленума Советского актива при Армянском клубе, на котором присутствовало 39 членов. На повестке дня стоял вопрос «О помещении армянской церкви». Секретарь Армянского клуба Нагабетов в своем выступлении отметил, что «...действительно, Горсоветом было решено помещение Армянской церкви передать железнодорожному техникуму, но согласно постановления райкома опять

передано нам». На собрании постановили «поручить членам Армянского клуба тов. Нагобетову и тов. Каспарьяну заключить договор с Горсоветом на помещение Армянской церкви и принять его» [7, 73].

Подводя итоги всему вышеизложенному, можем отметить, что политика, проводимая советской властью, была направлена на искоренение религии и внедрение новой идеологии, защищавшей и обслуживавшей интересы советского государства и правящей в ней партии. При этом не учитывалось, что многовековые устои общества еще прочно держались на религиозной вере. Активная антирелигиозная политика длилась несколько десятилетий и проводилась параллельно со многими историческими процессами, происходящими в стране.

Список литературы

1. В местной армяно-григорианской церкви состоялось торжественное освещение и поднятие нового колокола // Крымский вестник за 5.01.1912 с.3
2. В Севастопольском армяно-григорианском обществе // Крымский вестник. – 1910. – 2 ноября. – с.3 [освещение вновь отремонтированного молеельного дома], м/п 684
3. Государственный архив города Севастополя (ГАГС), ф. Р-420, оп.1 (вспомогательная), д.6, 45 л.
4. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1 (вспомогательная) оп. 1, д. 28, л. 8.
5. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1 (вспомогательная), д. 139, лл. 179, 191.
6. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 22, 88 л.
7. ГАГС, ф. Р-79, оп. 1, д. 120, лл. 29-73.
8. ГАГС, ф. Р-420, оп. 1, д. 220, д. 544, л.27.
9. ГАГС, ф. Р-420, оп.1. д. 21, 87 л.
10. Давыдова Н. А. Отношение органов Советской власти к служителям религиозных культов в Севастополе в 1920-1930 годы // В поисках утраченного единства: Сборник статей. – Симферополь: Крымский архив, 2005. – С. 217-227.
11. Декреты Советской власти. Т. 12. – М., 1957. – с. 373-374.
12. Терещук Наталья. Отношения органов советской власти с еврейскими религиозными организациями г. Севастополя в 1920-е – начале 1930-х гг. Материалы конференции 6-28 августа 2003 г., Киев.
13. Торжество у армяно-григориан // Крымский вестник. – 18 ноября 1908. – с.3, м/п 647.
14. Фесенко А. А. Лишение избирательных прав мусульманских священнослужителей в первые годы Советской власти – как разновидность политических репрессий в Крыму. //Сборник научных трудов. – Севастополь: ЧП Арефьев, 2004. – С.212-216.
15. Статистические сведения о севастопольском градоначальстве, м/п 1123.
16. <http://www.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality>

Е. Барашьян
(Феодосия)

Исторический взгляд на судьбу халибовского армянского училища в Феодосии

В 2012 году крымская армянская общественность будет отмечать 200-летие со дня рождения архиепископа Габриела Константиновича Айвазовского – высокопросвещенного деятеля армянской церкви, поборника света и деятеля просвещения, ученого историка – востоковеда, лингвиста, духовного оратора и талантливого писателя.

В советское время деятельность этого ученого с мировым именем по известным причинам умалчивалась, а между тем он оставил огромное духовное наследие, слабо изученное. Только в постсоветский период, в уже независимой Республике Армения академик Вардгес Микаелян предпринял первые шаги по изучению богатого творческого наследия архиепископа Габриела Айвазовского. Кстати, академик В. Микаелян в 1997 году приезжал в Крым на юбилейные торжества, посвященные 160-летию со дня рождения И. К. Айвазовского и выступил с лекцией о жизни и деятельности архиепископа Габриела Айвазовского в картинной галерее.

В мою задачу не входит подробное изложение жизни и деятельности архиепископа Габриела, но, чтобы была понятна предыстория открытия Халибовского училища в Феодосии, нужно кратко остановиться на этапах его жизни. Родившись в 1812 году в Феодосии в семье Константина-Григориан Гайвазовского, армянина католического вероисповедания, он прошел четыре этапа жизни:

1. Остров святого Лазаря близ Венеции (1826-1848). После учебы в церковно-приходской школе при церкви св. Саркиса (Сергия) в Феодосии по настоянию отца был направлен на проживание и учебу на остров святого Лазаря – в армянский католический монастырь.

Имея природные склонности к языкам, унаследованные от отца (отец владел четырьмя языками), а также любовь к гуманитарным дисциплинам, за время пребывания в монастыре Габриел овладел 12 живыми и мертвыми языками Востока и Запада, получил сан архимандрита, преподавал богословские и исторические предметы, стал ученым секретарем конгрегации Мхитаристов.

Для учебных целей он написал и издал на армянском языке «Историю России» и «Историю Османской империи» в 2-х томах. Он был участником составления и издания двухтомного словаря армянского языка. Наконец, он первый редактор историко-литературного журнала «Базмавеп», основанного в 1843 году и

издающегося без перерывов до настоящего времени.

2. Парижский период (1848-1857). Учитывая склонности Габриела к педагогической деятельности, ему предложили возглавить армянское училище Мурад-Рафаелян в Париже. В течение 7 лет (1849-1855) Габриел Айвазовский преподавал в училище гуманитарные дисциплины. Одновременно с 1855 года он начал издавать журнал «Голубь Масиса» на армянском и французском языках. В первом номере, определяя цели и задачи журнала, он писал: «Наше единственное желание, наша единственная надежда заключается в том, чтобы свет науки озарял умы армянского народа, чтобы воспиталось сердце его и украсилось всеми добродетелями, чтобы земледелие, промышленность и торговля развивались среди него и обогащали бы его своими плодами, чтобы он отличался преданностью державам ему покровительствующим и успел бы заслужить симпатии тех народов, среди которых живет теперь».

Пребывая во Франции, Габриел Айвазовский продолжал литературную деятельность, сделав свод четырех евангелистов с примечаниями и издав его в Париже в 1854 году на армянском языке. Габриел Айвазовский тесно общался с французскими арменоведами Дюлорье и Ланглуа; в частности, он помог Дюлорье издать на французском языке «Библиотеку истории Армении». За заслуги в науке он стал членом-сотрудником Парижской Академии и членом Азиатского общества Парижа. Однако он испытывал постоянное давление католических кругов, обвинявших его за организацию в училище национального образования, а не католического, и за прием в училище без разбора религиозной принадлежности родителей. Это привело его к уходу в 1855 году из училища Мурад-Рафаелян во вновь организованное на средства богатых армян Константинополя армянское училище в квартале Гренель Парижа. В этом же году Габриел Айвазовский сделал решительный шаг в своей жизни, перейдя вместе с двумя архимандритами: Хорен Галфаяном и Саркис Теодорьяном из католичества в родную армяно-григорианскую веру.

Этот шаг очень обрадовал его брата Ивана Константиновича, который всегда выступал с резкой критикой деятельности католических священников в армянской среде, в том числе в Крыму. Обдумывая свои дальнейшие шаги о возможности переезда в Россию и организации училища на родине, в 1856 году архимандрит Габриел подал записку с прошением послу

России во Франции графу П. Д. Киселеву. Ответ был положительный, подтвержденный российским императором Александром II и переданный через министра иностранных дел России А. М. Горчакова.

Только что закончившаяся Крымская война 1853-56 годов способствовала изменению восточной политики царского правительства. По словам министра внутренних дел С. С. Ланского: «Наше правительство побудило архимандрита Айвазовского переселиться в Россию, приняв предложение его учредить у нас армянское училище, которое могло бы со временем соперничать с парижским заведением и привлекать к нам армянское юношество из Константинополя и других стран Востока».

Находясь в начале 1857 года в Париже в связи с организацией выставки, Иван Константинович одновременно занимался и делами брата. Он хотел с братом Габриелом отправиться сначала в святой Эчмиадзин для принятия сана епископом Габриелом. С этой целью он письменно обратился за содействием в Москву к влиятельным князьям Лазаревым. В письме он писал: «Мне как русскому армянину, признаюсь, прискорбно видеть его служащим на пользу чужого государства и всегда думал каким-либо способом навсегда оставить его в России». Одновременно Иван Константинович просил брата написать краткую историю венецианских мхитаристов. Габриел принял это предложение и за короткое время написал и издал в Париже в 1857 году на армянском языке книгу «История Ордена Мхитаристов на острове святого Лазаря». Так завершилось 30-летнее пребывание в Европе Габриела Айвазовского, и он с радужными надеждами возвращался на родину. Ему было 45 лет, он находился в расцвете творческих сил.

3. Феодосийский период (1857-1865) стал самым ярким и важным периодом в жизни Габриела Айвазовского. Он связан с открытием на родине, в Феодосии армянского училища.

В мае 1857 года братья Айвазовские через Константинополь возвращаются в Феодосию, а осенью они едут в Москву для изучения опыта работы Лазаревского института восточных языков.

Пробыв в Москве 4 дня, они отправляются в Петербург для утверждения устава и программы, которые вручили министру внутренних дел. После изучения документов в правительственных органах и утверждения их Габриел Айвазовский 11 ноября 1857 года был удостоен чести аудиенции Его Величества Императора Александра II. Услышав вдохновляющие слова императора по одобрению открытия особого армянского училища на юге России, Габриел Айвазовский с еще большей энергией принялся за осуществление своих планов. Одновременно он был назначен предводителем Нахичевано-Бессарабской армянской епархии с согласия католикоса всех армян Нерсеса Аштаракци.

Почему особого армянского училища? Дело в том, что Габриелу Айвазовскому было дано право учредить в Феодосии училище для молодых людей из

армян «без различия места и родины и происхождения». При этом ему было предоставлено право употреблять на устройство и содержание училища часть капиталов и доходов церкви вверенной его управлению епархии. Вопрос о материальных средствах для осуществления его предначертаний сильно беспокоил Габриела Айвазовского, так как часть церковных денег, разрешенных использовать для этой цели, была крайне недостаточной.

Осуществляя инспекционную поездку по населенным пунктам епархии, в мае 1758 года Габриел Айвазовский прибыл в город Нор-Нахичевань. Этот город был основан в 1779-1880-х годах армянами – переселенцами из Феодосии (переселенцев было 5511 человек, а к 1858 году население Нор-Нахичевана выросло до 15231 человек). К моменту приезда Габриела Айвазовского город около десяти лет лихорадила вражда между двумя группировками общественной жизни. С одной стороны Арутюн Халибян (Артемий Халибов) и его приверженцы – богатая прослойка города, а с другой стороны новый городской голова Карапет Айрапетян, поддержанный бедными слоями населения и прогрессивной интеллигенцией во главе с писателем-революционером Микаелом Налбандяном. А. Халибяна обвиняли в злоупотреблениях церковными деньгами.

Арутюн Халибян был властолюбивым человеком. В период с 1833 по 1853 годы он пять раз исполнял обязанности городского головы Нор-Нахичевана. Одновременно с согласия католикоса всех армян Нерсеса Аштаракци он заведовал церковными деньгами Нор-Нахичевана. Габриел Айвазовский, тщательно изучив причины застарелого конфликта, написал записку министру внутренних дел, где изложил свои предложения о способах и методах разрешения конфликта. После одобрения министра между враждующими сторонами было заключено перемирие. А. Халибян, узнав о намерении Габриела Айвазовского открыть в Феодосии армянское училище, предложил ему пожертвовать для этой цели 50 тысяч рублей серебром, но с тем условием, чтобы училище было названо его именем – Халибовским. Габриел Айвазовский считал себя не вправе отказаться от предложенного пожертвования; он принял предложение А. Халибяна и по ходатайствовал у правительства разрешения о наименовании училища «Халибовским».

По окончании инспекционной поездки по епархии и возвращения в Феодосию, не теряя времени, не щадя своих сил и здоровья, Габриел Айвазовский приступил к организации учебного процесса. Одновременно он перевел консисторию епархии из Кишинева в Феодосию и разместил ее в церкви Архангелов Михаила и Гавриила.

12 октября 1858 года училище было открыто с 50 воспитанниками в помещении особняка братьев Алтунджян (Алтунджи). Открытие было столь торжественным, что об этом событии писали правительственные органы печати в Петербурге. По своему характеру училище было национально-светским учреждением,

предусматривающим гимназический курс обучения с шестилетним сроком. Изучались четыре языка (армянский, русский, турецкий и французский). Кроме предметов гимназического курса и Закона Божьего, преподавались также основы правоведения в сфере экономики и торговли, бухгалтерский учет. Окончившие училище имели возможность поступать в университеты, быть преподавателями в самом училище или в церковно-приходских школах, а также работать в предприятиях сферы экономики и торговли.

Для успешного решения этой задачи необходимо было иметь квалифицированные кадры преподавателей. Подбором и приглашением преподавателей занимался лично Габриел Айвазовский. Из десяти преподавателей двое были священниками (в том числе сам Габриел Айвазовский), остальные восемь – светскими лицами, причем шесть из них с университетским образованием. Мне удалось выяснить несколько фамилий преподавателей:

1. Саркис Тигранян (1812-1877), уроженец Нор-Нахичевани. Закончил Лазаревский институт восточных языков и медицинский факультет Московского университета. В годы учебы в университете дружил с В. Г. Белинским и М. Ю. Лермонтовым. Поэт, переводчик и критик. С 1858 по 1870 годы заведовал учебной частью Халибовского училища. Имел планы создания в Феодосии журнала типа «Отечественные записки».

2. Караулов Григорий Эммануилович (1824-1883), уроженец Симферополя. Окончил Ришельевский лицей в Одессе. Историк, краевед, литературовед. Был учителем словесности в Халибовском училище. Принимал деятельное участие в издании журнала «Голубь Масиса» Габриела Айвазовского, который с 1860-го года издавался уже в Феодосии на армянском и русском языках. В типографии Халибовского училища издал историко-краеведческий сборник «Несколько статей о Крыме», а также книгу «Феодора – властительница древней Сугдеи». Кстати, он первый феодосийский писатель. В 1868 году издал в Феодосии «Очерки истории русской литературы».

3. Галфаян Хорен (Нар-бей) (1832-1892). Поэт, драматург, общественный и церковный деятель. Работал в конгрегации Мхитаристов. Вместе с Габриелем Айвазовским отказался от католической веры

и перешел в лоно армянской апостольской церкви. С 1861 года преподаватель Халибовского училища. После русско-турецкой войны 1877-78 годов направлен на дипломатическую службу в делегацию католика всех армян Мкртича Хримяна для участия в Берлинском конгрессе в качестве переводчика по армянскому вопросу. Переводил французского поэта Ламартина, а в 1863 году в типографии Халибовского училища издал его поэму «Розарий» на армянском языке.

В начале Габриел Айвазовский испытывал большие затруднения из-за отсутствия учебников и учебных пособий. Однако он и здесь нашел выход. 19 мая 1859 года при училище открылась первая армянская типография в Крыму. Усовершенствованный, роскошный шрифт армянского алфавита был приобретен в Париже у книгоиздателя Джаника Арамяна. За 13 лет существования типографии (1859-1871) было издано 59 наименований книг исторического и церковного содержания, а также учебники и календари. Только за 5 лет (1860-1865) было выпущено 46 книг, из них на армянском языке 35, на русском и французском 11. Из общего количества изданных книг 15 принадлежало перу Габриела Айвазовского.

Типография с библиотекой вначале размещались на первом этаже особняка князя Кочубея. Типографией руководил Ованес Тер-Абрамян, который в 1865 году сам подготовил и издал на армянском языке книгу «История Крыма», которая ныне является библиографической редкостью. Посетивший в 1859 году Феодосию писатель и этнограф А. С. Афанасьев-Чужбинский так отозвался об этой типографии: «Но взамен пыльных остатков древности я видел вещи более утешительные, именно прекрасную типографию при армянском училище. Не примите этого прилагательного за легкое украшение: феодосийская типография по своему устройству, по изобилию и изяществу шрифтов может поспорить с любой одесской. [...] При феодосийской типографии устроен кабинет для чтения, который по богатству периодических изданий может послужить предметом зависти и для более обширных кабинетов: здесь получается до двадцати русских, столько же французских и десять армянских газет и журналов. [...] Следует благодарить ученого отца архимандрита, устроившего этот приют для умс-

Таблица 1

№	Место жительства	Кол-во	%
1	Города Крыма (Феодосия – 18, Симферополь – 9, Карасубазар – 10, Старый Крым – 2)	43	28,7
2	Нахичевань на Дону	40	26,6
3	Грузия (Тифлис – 9, Агулис – 6)	20	13,3
4	Армения (Ереван – 5, Шуша – 2)	12	8,0
5	Молдавия (Григориополь – 6, Кишинев – 2, Измаил – 2)	12	8,0
6	Азербайджан (Гандзак – 5)	9	6,0
7	Турция (Константинополь – 5, Трапезунд – 2)	10	6,6
8	Одесса	4	2,8
	Всего:	150	100,0

твенной пищи не только своим соплеменникам, но и каждому гражданину с ограниченными средствами».

8 сентября 1862 года училище перешло во вновь построенное для него 3-х этажное здание в западной части города, у подножия Лысой Горы. Училище состояло из ста комнат, предусматривалось пансионное обслуживание учащихся (размещение и питание), имелись также свой актовый зал и лазарет. Строительство и ввод в эксплуатацию училища обошлись А. Халибову в 150 тысяч рублей серебром вместо первоначально пожертвованных 50 тысяч. При переводе в новое здание количество учащихся достигло 150 человек. В том же году был открыт 6-й класс, а в 1863 году восемь человек окончили установленный срок обучения. По опубликованному в книге Габриела Айвазовского «История Халибовского училища армянской нации» (издана в Тифлисе на армянском языке в 1880 году) списка учащихся в количестве 150 человек их можно распределить по месту жительства следующим образом см. Таблица 1.

Как видно из таблицы, учащиеся были представлены из всех трех регионов России, где проживали армяне, а также из-за рубежа, из Турции. Количество учащихся из Турции в некоторые годы доходило до 10 %.

В училище принимали юношей из всех слоев общества. До 20-30 % юношей были из бедных семей, они учились бесплатно за счет церковных денег. При отборе в училище не принималась во внимание профессиональная принадлежность родителей.

Феодосийский период был самым насыщенным в жизни Габриела Айвазовского. Он управлял епархией, совершал поездки по ней, был директором Халибовского училища, одновременно преподавал некоторые предметы бесплатно. При училище он организовал вечерние курсы полезных знаний для взрослых, где сообщались начальные знания, начиная от обучения грамоте, заканчивая арифметикой и историей. По существу, он был первым в Крыму организатором ликбезов. В Феодосии он открыл также школу для девушек. С 1860 года Габриел Айвазовский возобновил издание журнала «Голубь Масиса» на армянском и русском языках. Сам он занимался литературной работой, помещая статьи в свой журнал. Габриел Айвазовский был избран членом-корреспондентом Одесского Общества истории и древностей, в Записках Одесского Общества истории и древностей были опубликованы его статьи «Заметки о происхождении Новороссийских армян» и «Материалы для истории Новороссийской Армяно-Григорианской епархии».

Так продолжалась бы деятельность Габриела Айвазовского у себя на родине, если бы у трона армянской церкви находился просвещенный и деятельный католикос Нерсес V Аштаракец. Но, на беду Габриелу Айвазовскому, скончавшегося в 1857 году католикоса Нерсеса V Аштаракец в 1858 году сменил один из армянских прелатов Турции архиепископ Маттеос Чухаджян, человек малограмотный. С его приходом начались годы гонений и преследований Габриела Айвазовского. Католикос Маттеос увидел в лице Габриела

Айвазовского своего антагониста, а в его всеобщей известности и обширной деятельности какое-то унижение своему патриаршему достоинству. Формальным поводом для травли было, якобы, злоупотребление церковными деньгами вместе с А. Халибовым при строительстве училища. Однако в своем обращении к наместнику царя на Кавказе католикос обвинил Габриела Айвазовского в том, что он:

- консисторию епархии перевел из Кишинева в Феодосию;
- сочиняет и издает книги на светские темы;
- открыл при училище класс образования девочек;
- организовал воскресные чтения для взрослых;
- в училище принимает детей без разбора религиозной принадлежности родителей.

На эти обвинения лучше всех ответил сам Габриел Айвазовский в письме Христофору Лазаряну от 13 февраля 1865 года. «Все обвинения, – писал он, – которые я до сих пор слышал, сводятся к одному пункту, что я употребил и продолжаю употреблять на устройство и содержание Халибовского училища церковные деньги. Но не говоря о том, что я уполномочен был употребить со сказанною целью деньги и что я предложил все-таки возратить со временем в церковный капитал все, что употреблено было из него на училище, – не говоря уже об этом, – разве церковные деньги могли быть лучше и святее употреблены, как на образование народа? Разве не первая обязанность духовенства – заботиться о духовном образовании? Разве во всех просвещенных странах не слышатся упреки духовенству именно в том, что оно не хочет употреблять церковное имущество и доходы в пользу народного образования? Меня же нашли нужным обвинять именно за то, что я везде среживаю церковные деньги с пользой для народного образования. Ведь я не проедаю, не употребляю эти деньги в свою собственную пользу, на свои прихоти. Ведь я в течении семи лет содержу учебное заведение, в котором обучаются и получают полное содержание – пищу, одежду и прочее – более ста мальчиков.

Я не только не пользуюсь лично церковными доходами, но из принадлежащих мне по праву, как архимандриту – начальнику, все отдаю на содержание Халибовского училища».

Еще более конкретно выразился по этому поводу брат Габриела – художник Иван Константинович Айвазовский. В письме к историку М. П. Погодину он указывал: «Против брата сильно интригует армянский патриарх из зависти. Сам ничего не делает и другим хочет мешать».

Хотя посланная комиссия для проверки фактов во главе с полковником Кавелиным из Ростова-на Дону особых злоупотреблений не нашла, однако было уже поздно. Габриел Айвазовский, не дождавшись результатов проверки, в 1865 году покинул епархию. С его уходом постепенно разваливаются все его начинания. С 1866 года перестает издаваться журнал «Голубь Ма-

сиса». Постепенно сокращаются расходы на училище и в 1871 году комиссия Министерства просвещения закрывает училище из-за отсутствия средств на его содержание.

Какими мерилami можно определить деятельность Габриела Айвазовского в феодосийский период?

1) Конечно, его детищем – Халибовским училищем в Феодосии. За период его существования было 8 выпусков, в общей сложности училище закончили около 700 человек (данные приблизительные из-за отсутствия архивных сведений). Многие из выпускников продолжали свое образование в университетах и стали известными деятелями в различных сферах человеческой деятельности. В моем распоряжении имеются несколько фамилий выпускников Халибовского училища:

1. Арутюнян Серобве из г. Нор-Нахичевань, окончил Московский университет, с 1891 по 1911 годы редактор газеты «Приазовский край».

2. Гехамян Егише, родом из Ахалцихе (Грузия), историк, публицист, автор многочисленных трудов по новейшей истории армян, опубликованных в Баку в 1909-1915 годах.

3. Суренянц Вардгес, учился в Лазаревском училище восточных языков, закончил академию живописи в Мюнхене (Германия). Стал живописцем.

4. Суренянц Сурен, брат Вардгеса, получил медицинское образование в Германии.

5. Алтунджян Александр, житель Феодосии, стал гласным городской думы, попечителем армяно-григорианского училища в Феодосии. Городской голова Феодосии в 1869-1871 годы.

Этот список можно было бы продолжить, если бы имелась возможность проследить за судьбой каждого выпускника.

2) Габриел Айвазовский уделял особое внимание состоянию церковно-приходских школ в вверенной ему епархии. В тринадцати городах епархии имелись школы с общим количеством учащихся 470 человек. В 1861 году Министерство просвещения добивалось изъятия этих школ у церкви. Габриел Айвазовский решительно протестовал против этих намерений. Он не только следил за состоянием существующих школ, но и добивался открытия новых.

Во время инспекционной поездки по епархии он обратил внимание, что во вновь созданном переселенцами городе Григориополь отсутствуют школы и люди, не зная родного языка, говорят по-турецки. По этому поводу известная писательница и публицист Мариэтта Сергеевна Шагинян в книге воспоминаний «Человек и время» писала: «На севере России, в Москве, в армянском журнале «Юсисапайл» («Северное сияние») молодой революционный демократ Микаел Налбандян жалил своим пером реакционного священника Габриела, а реакционный священник Айвазовский, у которого мой дедушка, тоже священник Давид Шагинянц служил в то время секретарем, имел свои хорошие стороны. Он пришел в ужас от турецкой

речи в семьях армян – переселенцев г. Григориополя, и немало потрудился, чтобы открыть школу в этом городе».

3) Итог многогранной деятельности архиепископа Габриела Айвазовского можно охарактеризовать его же словами, что в «просвещении своего народа, своей паствы видит основную обязанность каждого духовного предводителя».

Среди прихожан епархии он пользовался популярностью и уважением. Об этом говорит тот факт, что в 1871 году сотни прихожан Крыма и города Нор-Нахичевань поставили свои подписи под прошением католикосу о возвращении Габриела Айвазовского вновь на епархию. Знаменательно, что в прошении выделена в первую очередь его роль в просвещении народа, а на втором месте – церковная деятельность.

В заключении несколько слов о его дальнейшей жизненной судьбе. В течении восьми лет (1866-1874) он не занимал официальные должности, жил у сестры в Феодосии, путешествовал, занимался литературным трудом. Венцом его многолетних раздумий священника, ученого и педагога явилось издание в типографии Халибовского училища книги «Закон правильного этикета», где Габриел Константинович систематизировал и изложил свои взгляды на природу человека, правила его бытия, поведения в семье и обществе. К этому же периоду относятся его блестящие переводы на армянский язык басен И. А. Крылова, которые были изданы в Константинополе в 1871 году с биографией баснописца.

С приходом нового католикоса Геворка IV способности Габриела Айвазовского были снова востребованы. В 1867 году он был приглашен в святой Эчмиадзин и посвящен в сан епископа, а в 1871 году архиепископа. В 1874 году Геворк IV назначил его инспектором духовной Академии в Эчмиадзине, а впоследствии назначил начальником Грузино-Имеретинской армянской епархии. Будучи в этой должности, Габриел Айвазовский написал и издал на армянском языке «Историю Халибовского училища армянской нации» в Тифлисе в 1880 году. В том же году он скоропостижно скончался. Похоронен в ограде церкви святого Саркиса города Тифлиса. В XIII томе Записок Императорского Одесского общества истории и древностей бывший преподаватель Халибовского училища Григорий Караулов поместил пространный некролог памяти архиепископа Габриела Айвазовского.

Достоинным памятником заслуг церковного и общественного деятеля, ученого с европейским именем, полиглота, сеятеля просвещения явилось бы устройство бюста в ограде церкви архангелов Михаила и Гавриила в Феодосии, на его родине, где в период с 1858 по 1865 годы была его епархиальная кафедра. А еще лучше было бы восстановление церкви, находящейся в аварийном состоянии и оборудование в ней музея армянской культуры Крыма.

Вірмени у Великій Вітчизняній війні на території Донецької області

Здобуття Україною незалежності відкрило широкий шлях для вільного розвитку українського народу. Одночасно такі ж самі процеси розпочалися серед інших народів, які мешкають в Україні. Зараз їх культура відроджується, про що свідчить виникнення національно-культурних товариств, зокрема вірменського.

Вірменська діаспора, що існує в Україні з часів Київської Русі, є одним з найбільш характерних прикладів дружнього співіснування різних народів. Це також підтверджується великим внеском вірменського народу у звільнення України від німецько-фашистських загарбників.

Життя вірменської діаспори в Україні є складовою частиною життя української держави в цілому, тому вибір цієї теми не випадковий. Історія має досвід мирного співіснування представників різних етносів та конфесій на обмеженій території, прикладом якого є землі сучасного Донбасу.

Зрозуміти й дослідити місце й значення кожного етносу в Україні і його внесок у розвиток країни є дуже актуальним у наші дні, коли народи створюють самостійні держави і об'єднуються в різні міждержавні співтовариства. Тому дослідження минулого вірменського народу в Донбасі має сприяти покращенню взаєморозуміння, зміцненню взаємоповаги та взаємодовіри між представниками українського та вірменського етносів, а в результаті – консолідації української політичної нації.

Про бойові дії на території області написано багато різних історичних, публіцистичних творів, довідкової, мемуарної літератури та ін.

У роботі використано наступні письмові джерела та література таких авторів, як: І. І. Слінько, Є. М. Халеян, І. І. Кулага, Е. Х. Арутюнян, В. С. Антонов, В. А. Шутов та ін., які на основі документальних та архівних даних писали про бойові дії на території України, зокрема Донбасу [49, 51, 33, 28, 27, 52].

«Книга пам'яті України» – це підсумок ретельної дослідницької роботи по збиранню відомостей про воїнів, що віддали своє життя за свободу й незалежність України. Кілька томів цієї книги присвячені Донеччині. Вони дали нам можливість виявити прізвища, рік і місце народження, дату загибелі, місце поховання воїнів-вірмен. Головним джерелом інформації цієї книги став Центральний архів Міністерства оборони СРСР [37, 38, 39, 40, 41].

Про бойову співдружність українського й вірменського народів у партизанській боротьбі проти

німецько-фашистських окупантів, про долю синів вірменського народу в боях на Україні в 1941-1944 рр. свідчать збірники «Історичні зв'язки і дружба українського й вірменського народів», надруковані в 1961 р., 1971 р. [28, 49, 51].

При написанні роботи були використані архівні матеріали Донецького краєзнавчого музею, які допомогли з'ясувати додаткові дані про воїнів-вірмен, що загинули на території Донецької області [1-21].

Вірменський народ зробив великий внесок у справу боротьби з німецько-фашистськими окупантами в роки Великої Вітчизняної війни 1941-1945 рр. Усього за роки Великої Вітчизняної війни загинуло 83 200 вірмен. З воїнів-вірмен були сформовані 6 загальновійськових дивізій: 76-а ім. К. Ворошилова; 89-а, 261-а, 390-а, 408-а, 409-а [26, с. 2].

Зокрема, на території Донбасу багато воїнів-вірмен брали участь в боях у складі 51 стрілецької дивізії, 130 Таганрозької орденоносної дивізії, 301 стрілецької дивізії тощо. У перелічених дивізіях були найбільші втрати серед воїнів-вірмен під час бойових дій на території Донецької області 1941-1943 рр. Хоча зазначити, що була проведена велика робота по встановленню персональних даних про кожного воїна-вірмена, який загинув на території Донецької області. Для цього було опрацьовано 300 тис. прізвищ, серед яких автором встановлено 464 воїна-вірмена. На основі цього була складена картотека, у якій міститься особиста інформація на кожного воїна, а саме: прізвище, ім'я, по-батькові, дата народження, військове звання, назва дивізії, полку, дата загибелі, місце поховання та додаткова інформація (відомості про родичів та місце проживання).

Далеко не по кожному загиблому або зниклому без звістки вдалося повністю встановити персональні дані. У багатьох відсутні одна або декілька позицій, є навіть воїни, в яких відоме лише прізвище й ініціали. В основному це стосується тих, хто пропав без звістки в оборонних боях або воював в оточенні. Очевидно, що в тих умовах не завжди була можливість вести облік втрат. Реальність війни така, що інколи доводилося вибиратися з оточення самостійно, хто як міг.

При складанні картотеки, а саме при встановленні місць поховання воїнів-вірмен, були виявлені розбіжності між архівними даними і реальними. Так, наприклад, в архівних даних ми знаходимо 24 прізвища загиблих воїнів-вірмен, які поховані на цвинтарі Мушкетово (м. Донецьк), але, перевіряючи ці дані, ми

знаходимо інші прізвища воїнів-вірмен, а частина із тих, що вказано в архівних даних, знаходимо на Алеї Слави одного із парків Донецька [1, 8, 9, 13, 18].

Частина поховань військового періоду з 1944 по 1990 рр. неодноразово переносилася. Так, наприклад, за архівними даними на цвинтарях селищ НКВД [3, 6, 7], Смолянка (м. Донецьк) серед похованих воїнів значиться 8 прізвищ воїнів-вірмен, проте в даний час ці цвинтарі ліквідовані, а останки воїнів перезаховані. За нашими даними – це братська могила на цвинтарі Мушкетово (м. Донецьк).

Родичам загиблих, серед персональних даних яких були адреси, написано листи, передбачаючи, що багато хто з них не знає про долю своїх рідних і близьких. У своїх відповідях нам було надано цінні відомості про воїнів та фотокартки, що дуже допомогло при дослідженні. На жаль, відгукнулося не багато родичів, а більшість листів не знайшли своїх адресатів, оскільки адреси в персональних даних вказані згідно з адміністративно-територіальним розподілом 20-30-х рр. ХХ ст. Тому додатково була розроблена анкета, опублікована в газеті «Вірменський вісник» за червень 2008 р., в якій є звернення до родичів вірмен, загиблих у Другій світовій війні.

В процесі пошукової роботи у багатьох випадках були виявлені неточності в написанні окремих прізвищ, імен, по-батькові. Так, наприклад, коли ми зв'язалися з родичкою загиблого Лольяна А. А., то з'ясувалося, що замість Акопович в архівних документах значилося Агапович [12].

Також були знайдені родичі Ханбекяна Карлена Леоновича, які детально описали його життя. Хочемо привести уривок з її листа: «...я прочла і ахнула, т.к. это наш спортсмен-красавец, без вести пропавший Карлен. О них (брат Спартак и дядя Левон – все погибли на войне) много раз рассказывали мои двоюродные сестры. Когда их забрали на фронт, мне было 6 лет. Семья Левона (Карлен и его брат Спартак) жила недалеко от нас. Все мы, Ханбекяны часто вспоминали о них, т. к. они были замечательные парни.

Фотографии Карлена и Спартака помещены на мемориальной доске во дворе школы, где они учились. Карлен писал письмо с фронта любимой учительнице по литературе Дуне Будагян. Она прочла его при всех учениках и коллегах, плакала, ведь оно было очень трогательное. Это письмо она хранила всю жизнь и каждый год читала новым ученикам».

При дослідженні було виявлено, що Ханбекян К. загинув при наступальних операціях у с. Зайцево біля м. Горлівка Донецької області (04.09.1943 р.). В додатковій літературі знайдено детальний опис цього бою, з якого ми дізнались, що всі воїни передового загону 257 стрілецької дивізії, в якій був Ханбекян К., героїчно загинули [32; 50, с. 82; 47, с. 113; 46, с. 38].

На основі нашої картотеки виявлено, що найбільша кількість втрат серед воїнів-вірмен під час бойових дій на території Донецької області були в Олександрівському (40 чоловік) Слов'янському (39 чоловік), Амвросіївському (10 чоловік) районах [1-21].

Серед загальної кількості втрат воїнів-вірмен у бойових діях на території Донецької області загинули в боях 354 чоловіка (76,29 %), вмерли в шпиталях 74 чоловіка (15,95 %), зникли без звістки 36 чоловік (7,76 %).

Із загальної кількості втрат воїнів-вірмен на території Донецької області встановлена дата народження 355 чоловік. Аналізуючи їхній віковий склад, бачимо, що найбільших втрат зазнали вікові групи воїнів-вірмен: 30-35 р. (93 чол. або 26,3 %), 18-23 р. (85 чол. - 24 %), 24-29 (73 чол. - 20,7 %) [1-21]. Тобто ми бачимо, що це найбільш активна й працездатна частина вірменського народу на території колишнього СРСР.

Місця призиву воїнів-вірмен встановлено у 230 чоловік. Найбільша кількість загиблих та зниклих без звістки воїнів-вірмен було призвано з території Вірменської РСР – 150 чол., Азербайджанської РСР – 20 чол., Грузинської РСР – 18 чол.

При дослідженні було виявлено, що на території Донецької області не було компактних груп і об'єднань партизан, які склалися переважно з вірмен. Проте окремі представники вірменського народу вели підпільну й партизанську боротьбу в загонах і групах А. А. Вербоноля, М. І. Карнаухова й ін. (Артем Паханянц, А. Арутунян).

При опрацюванні «Книги пам'яті України» було виявлено, що 68 воїнів вірмен було призвано з території Донецької області.

Втрати під час Великої Вітчизняної війни на території Донецької області були не тільки серед воїнів-вірмен, але й серед мирного вірменського населення. Нами встановлено 12 мирних жителів і підпільників, страчених німцями під час окупації [42].

Приведений список загиблих воїнів далеко не повний. Так, по нашим розрахункам, приблизна кількість загиблих в боях і померлих в шпиталях воїнів-вірмен на території області може складати 700 і більше чоловік, оскільки не всі втрати були враховані, особливо при відступі військ Радянської Армії. Також немає даних по військовополоненим в концтаборах, яких було багато в Донецькій області. Обласні дослідники вважають, що через область пройшло до 120 тисяч полонених, з яких могло загинути до 80 тисяч. Якщо рахувати втрати воїнів вірменської національності (приблизно 0.82 %) від загальних втрат армії в 100 % [45, с. 73], то в цих таборах могло загинути 600-650 чоловік. На жаль, питання про військовополонених до теперішнього часу залишається великою «білою плямою».

В роки Великої Вітчизняної війни більше ста вірмен удостоїлися звання Героя Радянського Союзу, а двом з них – Маршалові Радянського Союзу Івану Баграмяну і льотчикові Нельсону Степаняну – це звання було привласнене двічі [24; 43; 44; 32, с. 38]. Вірменія дала країні трьох маршалів і одного Адмірала Флоту: Маршал Радянського Союзу Іван Баграмян, Адмірал Флоту СРСР Іван Ісааков, Маршал бронетанкових військ Амазасп Бабаджанян, Головний Маршал авіації Сергій Худяков (Арменак Хамферянц) [25, с. 95].

Частина воїнів-вірмен удостоїлася звання Героя Радянського Союзу в боях за звільнення лівобережної України, у тому числі і Донецької області. Один з них – старший лейтенант Сергій Бурназян, льотчик-винищувач (866 винищувальний авіаційний полк, 288 винищувальна авіаційна дивізія, 17-я повітряна армія, збив особисто 22 літаки супротивника) - 15 квітня 1943 р. пав смертю хоробрих в боях за звільнення східної України.

У числі командирів Південного фронту був вірмен-полковник – Карапетян Асканаз Георгійович, заступник командира 315 стрілецької дивізії. У період з 17 липня по 2 серпня 1943 року дивізія у складі 5-ої ударної армії вела бої в районі Саур-Могили, сіл Степанівка, Дмитрівка (Донецька область). Пізніше, з 1-го по 22 вересня 1943 року при звільненні Донбасу полковник Карапетян А.Г. вміло організував бойові дії в наступі. Будучи пораненим, він залишився в строю.

За зразкове виконання бойових завдань командування у боротьбі з німецько-фашистськими загарбниками і проявлені при цьому мужність і героїзм полковникові Карапетяну Асканазу Георгійовичу надано звання Героя Радянського Союзу з врученням ордена Леніна і медалі «Золота Зірка» (№ 1295).

У мемуарах С. Антонова, командира 301 стрілецької дивізії, є відомості про воїнів-вірмен, які гідно воювали разом з воїнами інших національностей. При звільненні м. Макіївки (Донецька область) відзначився комсорг першого стрілецького батальйону 1054 полку сержант Грант Авакян, що підбив гранатами 2 ворожих танка [36, с. 34]. Подальший шлях Г. Авакяна увінчан славою. До кінця війни він, вже в званні лейтенанта, за мужність і героїзм, проявлені в боях, був удостоєний звання Героя Радянського Союзу.

Це тільки декілька прикладів, які підтверджують, що вірмени гідно воювали разом з воїнами інших національностей по визволенню Донецької області від німецько-фашистських окупантів.

Список літератури

- Архив регионального объединения «Поиск», - РТ - 15, 18, 19, 24, 3, 30, 41, 43, 54, 55, 56, 6, 65, 66, 69, 70, 72, 74, 78, 61, 81.
- Власюк М. А. 34 Гвардейская Енакиевская дивизия // Енакиевский рабочий. – 1978. – 7 сентября. – С. 3.
- Копейко И. 130 Таганрогская орденоносная дивизия // Приазовский рабочий. – 2004. – 1 сентября. – С. 3.
- Савченко В. 216 Сивашская Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова дивизия // Дзержинский шахтер. – 1998. – 22 октября. – С. 5.
- Сасин П. Боевой путь 320-й Енакиевской стрелковой дивизии // Енакиевский рабочий. – 1978. – 7 сентября. – С. 5.
- <http://www.multimania.lycos.fr/javascript:void>
- Антонов В. С. К последнему рубежу. – М.: Воениздат, 1987. – 272 с.
- Арутюнян А. О. 409-я армянская стрелковая (Кировоградская) дивизия в боях за освобождение Украины // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – Ереван. – 1971. – Вып. 3. – С. 60-76.
- Великая Отечественная войны 1941-1945 гг.: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 681 с.
- Габриелян А. В Украине создается Центр Арменистики // Армянский Вестник. – 2007, ноябрь. – С. 4.
- Геворгян К. А. Армяне в Украине // Роль етнічних спільнот Донеччини в розбудові української державності: Матеріали І регіональної конференції. – Донецьк: Вебер, 2006. – С. 39-51.
- Геворгян К. А. Вірменське населення на території Донеччини у ХХ столітті // Я і моя родина в історії Донеччини / Упорядники Виноградова Т. В., Рибак І. М., Забавська І. А. – Донецьк: Витоки, 2007. – С. 33-41.
- Герої невидимого фронту: історико-документальні нариси. – Донецьк: ТОВ «ВПП «ПРОМІНЬ», 2007. – 400 с.
- Довідник: перелік об'єднань і частин, які брали участь в боях на території Донецької області з жовтня 1941 по вересень 1943 рр. – Донецьк: ТОВ «Алан», ч. 1, 2002. – 88 с.
- Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 3 т. – 6-е изд. – М.: АПН, 1985. – Т. 3. – 351 с.
- Зандер Л. Я. Голая Долина. Январь 1943 г. // Славянск. Память на века. – Донецьк: ТОВ «ВПП «Промінь», 2007. – 34-40 с.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. – М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 1961. – Т. 2. – С. 109-110
- Книга пам'яті України. Донецька обл.: Місто Донецьк (головна ред. кол.: Герасимов І. О. та ін.; обласна ред. кол.: Ляхов О. В. та ін.). – Донецьк: Донбас, 1996 – 720 с.
- Книга пам'яті України. Донецька обл.: Місто Костянтинівка, Костянтинівський район (головна ред. кол.: Герасимов І. О.) та ін.; обласна ред. кол.: Приходченко В.В. та ін.). – Донецьк: Донбас, 1994. – 495 с.
- Книга пам'яті України. Донецька обл.: Місто Макіївка (головна ред. кол.: Герасимов І. О.) та ін.; обласна ред. кол.: Ключев А. П. та ін.). – Донецьк: Донбас, 1995. – 656 с.
- Книга пам'яті України. Донецька обл.: Місто Маріуполь (головна ред. кол.: Герасимов І. О.) та ін.; обласна ред. кол.: Ключев А. П. та ін.). – Донецьк: Донбас, 1995. – 528 с.
- Книга скорботи України. Донецька обл. / Головна ред. кол.: Герасимов І. О. та ін.; обласна ред. кол.: Гурбич О. М. та ін. – Донецьк: Донбас, 2000. – 640 с.
- Краткий биографический словарь. Герои Советского Союза. – М., 1987. – Т. 1. – 630 с.
- Краткий биографический словарь. Герои Советского Союза. – М., 1987. – Т. 2. – 675 с.
- Кривошеев Г. Ф. Об итогах статистических исследований потерь Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. – СПб., 1995. – С. 71–81.
- Перечень объединений, соединений и частей Юго-Западного и Южного фронтов, освобождавших города и населенные пункты Донецкой области в 1943 г. – Донецьк, 1988. – 152 с.
- Перечень соединений, входивших в состав Действующей Армии. – М., 1956. – 218 с.
- Скрипник В. П. Из приказа верховного главнокомандующего 8 сентября 1943 г. // Земля Славянская в Великой Отечественной войне. Славянск: ЧП «Канцлер». – 2003. – С. 143.
- Слинько И. И. Боевое содружество украинского и армянского народов в партизанской борьбе против фашистских оккупантов // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – Ереван. – 1961. – С. 163 – 179.
- Справочник по боевым действиям Красной Армии, партизан и подпольщиков на территории Донецкой области (октябрь 1941 – июль 1943 гг.). – Д.: ООО «Лебедь». – 1996. – 127 с.
- Халеян Е. М. Участие сынов армянского народа в боях на Украине в 1941-1944 годах // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – Ереван. – 1961. – С. 179-196.
- Шутов В. Смерти смотрели в лицо. – Донецьк: Донбас, 1981. – 462 с.

Л. П. Даниленко
(Феодосия)

Три года в Ереване. Из истории национальной картинной галереи им. И. К. Айвазовского

Данное сообщение посвящено славной дате в истории крымских музеев. 5 ноября 2009 года было отмечено 65-летие возвращения коллекций Национальной картинной галереи им. И. К. Айвазовского из эвакуации. Нам хотелось, чтобы в Армении знали, какой путь проделали картины в годы Великой Отечественной войны. Не только феодосийцы, но и весь мир благодарен Армении за помощь и приют, которые в трудные годы были оказаны музейному собранию из Феодосии.

Национальная картинная галерея имени Ивана Константиновича Айвазовского является одной из главных достопримечательностей Крыма. Точно так же, как знаменитый Лувр является не только музеем Парижа, Эрмитаж не только достояние Петербурга, так и галерея И. К. Айвазовского – это музей мирового значения.

Феодосия – город с двадцатипятивековой историей – гордится памятниками античности и средневековья. В этом городе в разное время жили такие выдающиеся личности, как А. М. Соковнин, А. С. Грин, М. И. Цветаева и многие, многие другие. Но основной и центральной жемчужиной остается Дом художника-мариниста. Чаще всего о Феодосии вспоминают в связи с тем, что в городе есть картинная галерея и что здесь родился Иван Константинович Айвазовский (1817-1900).

Отец И. К. Айвазовского Константин Григорьевич (?-1840), обедневший армянин, занимавший должность базарного старосты, построил дом недалеко от центра, рядом с армянской церковью св. Саркиза и жизненно важным источником – армянским фонтаном. Со двора дома открывался изумительный вид на феодосийский залив, изящную дугу береговой линии.

Младший сын Константина Григорьевича – Иван Айвазовский, блестяще закончивший обучение в Императорской Петербургской Академии художеств, возвратившийся из заграничной командировки, обласканный публикой и критикой, приступил в Феодосии к строительству своего дома. Здание возводил за пределами города, на берегу моря, как загородную дачу, на свои средства и по своему проекту, в котором сказалось влияние итальянской архитектуры эпохи Возрождения.

В 1880 году И. К. Айвазовский пристроил к жилому дому Большой Выставочный зал. Этот зал (общая площадь 260 кв. метров) был торжественно открыт в

июле, в день рождения художника. Еще не было знаменитой Третьяковки. В России существовало всего два столичных музея, один в Москве, другой в Петербурге, и появился еще один – в Феодосии! Одним из важных достоинств музея в настоящее время является то, что экспонаты находятся не в старом приспособленном помещении, не в возведенном специально и в наши дни здании, а в доме, где жил и творил художник.

Долгие годы выставочный зал был центром культурной жизни всего Крыма. В этом зале с великолепной акустикой часто звучала музыка, гостями И. К. Айвазовского были великие музыканты А. А. Спендиаров, Г. Венявский, А. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, артисты столичных драматических театров. Помимо живописных произведений зал украшали скульптуры, некоторые из них сохранились: бюсты М. И. Глинки, А. С. Пушкина, И. К. Айвазовского.

При жизни художника экспозиция зала постоянно менялась. Картины отправлялись на выставки, с выставок не возвращались, их покупали. В 1900 году, в год смерти художника, в доме в основном оставались работы последних лет. И. К. Айвазовский завещал зал со всеми находящимися в нем картинами городу. К началу Великой Отечественной войны (1941-1945) благодаря активной собирательской деятельности Н. С. Барсамова (директора галереи с 1923 по 1962 годы), коллекция с 49 экспонатов достигла цифры 1404.

Сохранились очень ценные архивные документы, рассказывающие об эвакуации картинной галереи: многочисленные телеграммы, газетные сообщения, афиши, пригласительные билеты суровых военных лет. Уже к началу сентября 1941 года стало понятно, что над сокровищами нависла угроза. Николай Степанович и Софья Александровна Барсамовы (директор и главный хранитель галереи) не побоялись взвалить на свои плечи заботу и ответственность за судьбу картин И. К. Айвазовского в самые страшные и суровые годы.

В первые дни войны директору было рекомендовано «отобрать на случай эвакуации наиболее значительные произведения». Как легко было спрятаться за спасительные приказы. Н. С. Барсамов самостоятельно принял другое решение: он подготовил к эвакуации все и заблаговременно, иначе он не смог бы, получив ночью приказ эвакуироваться, на следующий день находиться со своими тяжелыми негабаритными ящиками на борту теплохода «Калинин», уходящего в

Новороссийск.

В 1980 году на юбилее, посвященном 100-летию картинной галереи, присутствовал И. Иванов – бывший капитан теплохода «Калинин». Он вспоминал, как активно откликнулись простые парни, рядовые матросы на просьбу разместить на борту корабля нестратегический груз. Предельно скромный капитан не хвастался тем, что очень рисковал, не выполняя приказ, из-за музейного имущества задерживаясь у причала. В разбитом немцами новороссийском порту капитан, опять нарушая инструкцию, ждал, пока Барсамовы не раздобудут вагон до Краснодара.

Уже в Краснодаре Николай Степанович получил приказ везти картины в Сталинград. Но он опять все сделал по-своему и отправился в Ереван, подальше от беды. Н. С. Барсамов дальновидно заручился официальным приглашением из Армении: «Правительственная. Краснодар Советская 28 Художественный музей директору галереи Айвазовского Барсамову Управление искусств при Совнарком Армении принимает Ваше предложение переводе галереи Айвазовского Ереван прошу ускорить отправку – начальник управления искусств Шагинян».

Директор галереи понимал: если случится трагедия, то виноват будет только он – Николай Степанович Барсамов. Чуть больше месяца продолжалось нелегкое путешествие от Краснодара до Армении.

Николай Степанович был поражен необыкновенной оперативностью, с какой в Ереване были решены все вопросы, связанные с феодосийской галереей. На совещании приняли участие представители правительства, музейные работники, художники, среди которых присутствовал М. С. Сарьян. В Ереване произведения великого мариниста из собрания феодосийского музея показали на выставке. Несмотря на сложную военную обстановку, как и в мирное время, к открытию выставки были подготовлены афиши, пригласительные билеты, создан каталог. О выставке прошла информация в газетах, ее работу зафиксировала киностудия. Сохранились воспоминания о том, что выставку посетил Аветик Исаакян. Софья Александровна приготовила сюрприз армянскому поэту, прочитала его стихотворение на его родном армянском языке.

С большим интересом и внимательно знакомился с шедеврами И. К. Айвазовского М. С. Сарьян. «Романтические бури и кораблекрушения, игра стихий изображенных с блеском и артистизмом не захватили Сарьяна. Его гораздо больше заинтересовали картины последних лет, он был восхищен розово-голубой Мариной «Тихое море» 1899».

Н. С. Барсамов написал: «Нас очень радовало уважительное отношение художников Армении к творчеству Айвазовского. Они видели в нем не только выдающегося мастера, но и одного из основоположников армянской живописной школы».

Познакомив почитателей И. К. Айвазовского с феодосийским собранием, картины упаковали в ящик и подготовили в дорогу, домой, в Феодосию. Ждать

пришлось долго. Акт № 107 музея изобразительных искусств Армении о приеме экспонатов на временное хранение датирован 21 ноября 1941 года: «Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что директор Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского Н. С. Барсамов и научный сотрудник С. А. Барсамова сдали, а Государственный музей изобразительных искусств Армянской ССР в лице директора Р. Г. Дрампяна и зав. отделом учета и хранения Е. Хачатряна приняли на временное хранение 15 упакованных ящиков с экспонатами ФКГА».

Софья Александровна была зачислена в штат музея изобразительных искусств Еревана, а значит «поставлена на довольствие». Была решена бытовая проблема, связанная с жильем и питанием, что было крайне важно в голодные военные годы. Николай Степанович наконец-то получил возможность заниматься творчеством и воспользовался этим в полной мере. Он оставил на память потомкам интерьеры залов Ереванского музея. Интерьер «В Ереванском музее изобразительных искусств. Французский зал» (1944 год), где на фоне работы К. Верне, рядом с «Амуром» Э. Фальконе на столиком сидит С. А. Барсамова, является хорошим подтверждением благодарных слов в адрес ереванских коллег, которые действительно создали идеальные условия для научной работы и художественной деятельности.

В произведении «В Ереванском музее. Итальянский зал» (1942 год) внимание художника привлек слепок «Мадонны с младенцем» Микеланджело, и в глубине барельеф «Мадонны» Донателло. Софья Александровна вспоминала, что картина «писалась долго и с любовью, и потому в ней есть какая-то благоговеющая тишина и ощущение, что знакомишься с работами великих мастеров». При работе над третьим интерьером «В Ереванском музее изобразительных искусств. Голландский зал» (1942 год) мастер позаимствовал манеру любимых голландцев: это и приглушенный колорит, и вид через дверной проем, и воспроизведение картины в дорогой раме, и вазы, и роскошная драпировка красной ткани.

Николай Степанович планировал при первом удобном случае «особо и подробно» написать об исключительном гостеприимстве окружавших их людей, об «удивительном радушии» директора картинной галереи Армении Р. Г. Дрампяна.

Несмотря на относительное благополучие, находясь в глубоком тылу, они мечтали о возвращении в разрушенную Феодосию. 13 апреля 1944 года Феодосия была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Узнав об этом, Барсамовы стали немедленно хлопотать об отъезде. Решение этого вопроса затянулось до сентября 1944 года. Директор феодосийской галереи регулярно, чуть ли не каждый день напоминал о себе, а в ответ получал телеграммы, подобные следующей: «Разрешение эвакуации будет выслано согласованием правительством Крыма срочного восстановления здания музея. Москва, зам. нач. управления по делам искусств при СНК РСФСР Глина».

Только 12 октября из столицы пришла долгожданная весть: «Резьвакуация разрешена. Деньги перечислены 29 сентября. Гюрджан». Уже на следующий день в руках директора Феодосийской галереи имелось распоряжение от начальника Управления комитета искусств З. Вартаняна: «В связи с телеграфным распоряжением... прошу Вашего разрешения о предоставлении картинной галереи Айвазовского одного крытого вагона в первой половине октября для направления груза картин от станции Ереван до станции Феодосия». З. Вартанян лично попрощался с феодосийцами.

Зам. начальника Управления С. Гаспарян выдал Барсамовым очень важный документ: «Выдано директору Феодосийской картинной галереи им. Айвазовского тов. Барсамову Николаю Степановичу и Барсамовой Софье Александровне в том, что они сопровождают груз картинной галереи, реэвакуированной из Еревана в Феодосию. Учитывая огромную ценность картин великого мариниста И. К. Айвазовского, Управление по делам искусств Армянской ССР просит соответствующие организации и ж. д. администрацию оказывать всякое содействие в быстрейшем продвижении груза, так как длительное нахождение ценных картин в пути может пагубно отразиться на их сохранности».

Выехать смогли только после 20 октября. Покидая гостеприимный Ереван, Барсамовы через газету «Коммунист» поблагодарили правительство Армении, предоставившее все условия для хранения картин и для ведения научной работы.

С. А. Барсамова оставила свои воспоминания о последних днях пребывания среди армянских коллег: «Провожали нас очень трогательно. Комендант ереванской галереи Пашик пригласил всех музейных работников на проводы Барсамовых. Никогда ни раньше, ни позже не провожали нас с такой теплотой и душевностью. Получив вагон, в котором разместились наши ящики, получив паек, которым мы потом питались в продолжение года, получив лекарства на случай болезни, попрощались с добрыми людьми, с гостеприимным Ереваном и пустились в обратный путь». Следует отметить, что лекарства пригодились, так как в пути Николай Степанович заболел, Софья Александровна опасалась за его жизнь, о больнице не могло быть речи, оставить картины без присмотра они бы никогда и ни за что не смогли. А по поводу продовольственного пайка, предоставленного ереванцами, то о нем с завистью вспоминали феодосийцы и через 30 лет после войны.

Путешествие из Еревана в Феодосию продолжалось три недели, и, по мнению Барсамовой, оказалось «еще труднее прежнего».

«Возвращение» – так озаглавлен один из разделов книги Н. С. Барсамова «45 лет в галерее Айвазовского». В тексте главы есть строки: «По пути видели печальные следы войны. Ростов, в котором прошло мое детство, выглядел... как пожарище. Все это как бы подготавливало к тому, что ожидало нас в Крыму,

и все же то, что мы увидели при въезде в Феодосию, произвело на нас очень тяжелое впечатление».

В Феодосию прибыли 5 ноября 1944 года. Н. С. Барсамов подробно изложил, что представлял собой город, в котором «все было сметено войной», каким они увидели Дом И. К. Айвазовского. «Жалкое зрелище» представляла галерея не только снаружи, но и внутри. Никакого обещанного «срочного восстановления» не проводилось.

О том, какое большое значение придавалось возвращению коллекций, можно судить по тому факту, что все центральные газеты откликнулись на это событие.

13 декабря 1944 года «Феодосия, 12 (ТАСС) Единственное по полноте собрание картин великого русского мариниста Айвазовского возвращено на родину художника в Феодосию... После капитальных восстановительных работ в Феодосийской галерее, разрушенной немецкими оккупантами, картины будут вновь выставлены для широкого обозрения».

Вот что сообщали «Известия» 17 ноября 1944 года: «По телефону от соб. корр. Картинная галерея всемирно известного художника-мариниста Айвазовского возвращена в Феодосию из Еревана, куда она была эвакуирована перед оккупацией Крыма немцами. Картинная галерея доставлена обратно в полной сохранности... и водворена в прежнее помещение на Приморском бульваре, в дом, где жил и творил Айвазовский. Возвращение картинной галереи, состояющей достопримечательность города, горячо встречено феодосийцами».

Горожане активно откликнулись на призыв отремонтировать здание музея. Автор книги назвал фамилии всех, кто принял в этом хоть малейшее участие.

Значительное место в книге Барсамова принадлежит рассказу об открытии галереи 2 мая 1945 года. На выставке было представлено 168 работ И. К. Айвазовского, в том числе те, которые никогда раньше не выставлялись. То, ради чего преодолевались трудности, свершилось. Самое главное было сделано. Галерея вновь принимала посетителей. Конец войне. В Феодосии победу праздновали чуть раньше. На 2 мая 1945 года был назначен штурм Берлина. Н. С. Барсамов, конечно, не знал о планах командования, открытие было приурочено к 45-летию со дня смерти И. К. Айвазовского. Вместе с феодосийцами, вместе со всей страной радость разделили многие почитатели творчества И. К. Айвазовского, в том числе и армянские друзья. Телеграммы, зафиксированные не на бланках, а на некачественной бумаге, бережно хранятся в фондах галереи. С некоторыми из них мы предлагаем познакомиться:

«Благодарим за внимание. Шлем привет и пожелания здоровья, творческих удач в новом году коллегии музея Армении».

«Союз советских художников Армении искренне поздравляет Вас с открытием выставки Айвазовского, посвященной 65-летию существования картинной галереи тчк Вместе празднуем восстановление музея

тчка Желаем плодотворной работы для окончательного восстановления музея тчка Правление ССХА».

02.05.1945: «Музей изобразительных искусств Армении приветствует возобновление деятельности галереи в родной Феодосии».

03.05.1945: «Сердечно приветствуем Ваш праздник открытия Желаем дальнейших успехов в работе, учебе и жизни Хачатрян».

«Поздравляю праздником, также полным открытием галереи, желаем дальнейшей плодотворной работы, жмем руки. Сусанян».

03.05.1945: «Мыслями, чувствами находимся Вами знаменательный день открытия галереи тчка Сожалею зпт что лично не можем присутствовать Дрампян, Манукян, Дурново».

Так благополучно завершился немислимый путь в Ереван и возвращение в 1944 году из Армении в Феодосию. Всего два человека сопровождали бесценный груз.

Николай Степанович в своей книге «45 лет в галерее Айвазовского» пишет: «Считаю долгом сказать, что мы всегда с теплым чувством вспоминаем воинов Красной Армии и флота, оказавшим нам помощь в самые трудные, критические моменты при выполнении задания по эвакуации». Кроме того, он называл и конкретные имена, например, студийцев, подготовивших картины к эвакуации, среди них: В. Шепель, В. Соколов, С. Мамчиц, А. Лейн, А. Макашев, С. Шкадовский, изготовивший упаковку для картин «из ничего» Л. Аккерман, председатель горсовета Н. Нескородов, молодой инженер Каверин, начальник феодосийского госпиталя Щербаков, капитан теплохода «Калинин» И. Иванов, инспектор Южной железной дороги

А. Александров, директор и главный хранитель краснодарского музея А. Осипова и М. Богоявленский, начальник товарной станции Краснодара, директор ереванского музея Р. Дрампян, начальник управления искусств Армении Шагинян.

Когда читаешь сообщения о спасении той или другой музейной сокровищницы, то чаще всего встречаешь сожаления автора, который в суматохе забыл спросить имя человека, от которого зависела судьба шедевров. Н. С. Барсамов запомнил имена всех, при жизни не уставал их повторять, сколько бы лет ни прошло. И мы с благодарностью называем эти фамилии.

Очень серьезно занимался вопросами спасения музеев в годы войны столичный журналист Евграф Кончин. Он утверждал: «Феодосийская картинная галерея – из числа немногих, кому удалось вывезти не только наиболее значительные произведения, как рекомендовалось соответствующей инструкцией, но все свои художественные работы, всю музейную документацию, весь архив».

Все, кто оказывал содействие, действительно совершали подвиг. Шла война, существовали ее законы. И только сейчас мы по-настоящему понимаем, что помогать было и трудно, и почти невозможно.

И еще один документ. Он подписан контролером-ревизором Министерства финансов Б. Смольским: «Всего было эвакуировано в Армению – г. Ереван 1459 художественных произведения и это же количество обратно, в г. Феодосию, реэвакуировано. Потерь во время эвакуации не было».

Армения сыграла значительную роль в том, чтобы прозвучала эта последняя фраза «потерь во время эвакуации не было».

Л. П. Даниленко
(Феодосия)

Ереванский период творчества Николая Степановича Барсамова

Ереван всегда отличался активной художественной жизнью. Вполне естественно, что Н. С. Барсамов, принимая участие в пропаганде феодосийской коллекции, знакомясь с новыми выставками, которые устраивали армянские художники, сам испытывал желание высказаться.

В Ереване Н. С. Барсамов написал картину «Десант в Феодосии в 1941 году». Известие о десанте художник получил своеобразно: газета с сообщением о крымском десанте была прикреплена вместо игрушки на новогоднюю елку. Возвратившись вечером после трудового дня в свою квартиру, супруги Барсамовы обнаружили праздничный стол, елку, бутылку шампанского и, главное, статью об освобождении Феодосии. К сожалению, вскоре нашим войскам пришлось оставить город. Но 31 декабря 1941 года, как писал Н. С. Барсамов: «сообщение было настолько радостным, что я тогда же начал работу над картиной». За три года жизни в Ереване Н. С. Барсамов написал «Стоять насмерть», «Враг пришел». Затем одна за другой были написаны картины «Подарок фронту», «Письмо из госпиталя», «Раненый солдат», «Портрет матроса», «Портрет медсестры». Идея написать последнюю из названных работ пришла в госпитале, куда неугомонные Барсамовы ходили читать лекции. Художник изобразил медсестру Манукян в белом халате, держащую в руках бинт. По композиции художник задумал расположить фигуру таким образом, будто девушку окликнули, она обернулась и улыбнулась. Улыбкой, нежным словом худенькая девушка помогала раненым справиться с болью, приносила надежду на исцеление. Появление этого портрета на выставке имело приятные последствия. Софья Александровна заметила, что молодежь стала увлекаться девушкой, которую выделил художник.

Многие композиции больших размеров Н. С. Барсамов писал в большом зале Ереванского музея, где в годы войны не было посетителей и художнику никто не мешал. Позволяло время ходить и на этюды. Как любого живописца, Николая Степановича не могла не увлечь природа Армении. Ереванские этюды очень жизнерадостные, «очень ереванские». Ничего удивительного в этом нет. Светлые, яркие, они рассказывают об удивительном крае, воспетом Мартиросом Сарьяном.

Кумирами Н. С. Барсамова в разные годы были Ян Вермеер, братья Ленен, А. Г. Венецианов, Г. В. Сорока, И. И. Машков, еще в детстве его удивил М. Сарьян

своим ярким и сильным светом. Личное знакомство со знаменитым художником тоже не прошло бесследно для творчества Н. С. Барсамова. В Ереване Н. С. Барсамов стал «искать цвет», о своей деятельности он отозвался одним предложением: «мы активно включились в художественную жизнь города, работали в музее, принимали участие в обсуждении всех выставок». Более подробно рассказала о творчестве Н. С. Барсамова его жена: «Природа Армении привлекла Н. С. В самом деле она великолепна, а город очень красив. Сухой колорит земли так связан с архитектурой (на что армяне мастера). Цвет каменных домов, то темный, то почти черный – мрачный, то розовый, светлый, какой-то жизнерадостный, навсегда останется у меня в памяти». Игра цвета и света на зданиях, деревья и тень от них, связывающая их общая гамма привлекали Н. С. Барсамова, как живописца. Он часто писал ереванский сад, свой дворик с розовым старинным домом и большим деревом.

Конечно, писались и натюрморты, особенным вниманием пользовались персики и виноград. Под влиянием солнца Армении, творчества знаменитых армянских художников большую роль в натюрмортах этого периода тоже стал играть цвет. «Мне кажется, близость Мартироса Сергеевича и те национальные черты, которые ему близки, все же оставили какой-то своеобразный налет на многих ереванских работах Николая Степановича той поры, особенно на натюрмортах», – вспоминала С. А. Барсамова. Н. С. Барсамов даже написал натюрморт, который ввел в заблуждение знакомого живописца, который сказал: «Какой красивый у вас Сарьян». И это вовсе не было подражанием. «... Мартирос потому так и пишет светло, что в Ереване писать нельзя иначе». Софья Александровна сформулировала свой вывод: «Сама природа Армении влечет к ясности, четкости, глядя на работы армянских художников, пожив с ними, видишь, что это не просто школа Сарьяна, а школа родины людей, которые иначе воспринимать ее не могут».

Возвратившись в Феодосию в 1944 году, Н. С. Барсамов на время оставил живопись. Он приложил всю свою неуемную энергию на восстановление галереи. Но ремонтировался не только музей, оживал и на глазах менялся весь город. И художнику было интересно с документальной точностью отразить это. «Когда первые, самые неотложные заботы по галерее были позади, я взялся снова за кисть», – написал о

себе Н. С. Барсамов. Случилось это только через год после возвращения. Он торопился зафиксировать, к счастью, меняющийся на глазах облик города.

В течение двух недель он написал большую композицию «Портовый район после оккупации» и парную к ней «Курортный район после оккупации». Были написаны многочисленные портреты героев Великой Отечественной войны, некоторые, к сожалению, по фоторафиям и по памяти.

Еще в Ереване из писем своих феодосийских корреспондентов Барсамовы узнали, что «Феодосия – это груда развалин» (из письма Н. А. Айвазовской от 30.05.1944 года). То, что они увидели своими глазами, произвело очень тяжелое впечатление: «На протяжении трех километров от станции Сарыголь, вдоль берега моря мы увидели только один уцелевший дом. Все остальное лежало в развалинах или было сожжено. Дом Айвазовского уцелел, но какое жалкое зрелище он представлял». Наверное, в этот момент и роди-

лось желание создать одну из самых щемящих душу картин «Возвращение».

Это произведение особенно понятно тем, кому довелось вернуться из эвакуации в родные места. Безлюдный город – вот что оставила после себя война. Автор дал такую характеристику своему произведению: «В мрачном колорите картины я хотел отразить горечь первой встречи с поруганным городом. В процессе работы как-то незаметно «вошли» в пейзаж две скромные женские фигуры, усилившие сюжетное содержание картины и определившие ее название «Возвращение».

Все, кто писал подобные картины, делали это с одной мыслью, чтобы люди помнили, что такое война, чтобы она никогда не повторилась. И как это страшно, что сегодня матери оплакивают своих погибших сыновей. Женщины всего мира молят о том, чтобы умные, цивилизованные, современные люди раз и навсегда положили бы конец всем войнам.

Томаш Марцинек
Перевод с польского Инна Костюкова
(Институт социологии УМК Торунь)

Рождение и смерть армянской католической церкви в галиции куты на черемоше 1717-1947

Куты на протяжении веков назывались «малой столицей польских армян». «Большой» же столицей был Львов – центр трех метрополий.¹⁶ Окрестная территория является типичным предгорьем. Кроме быстрого Черемоша, здесь много бурных горных потоков. Поселение было основано армянами в XV в., а армянский приход возник в 1717 г. вместе с возведением храма.¹⁷

Армянский обряд в Католической Церкви появился в 1630 г., когда Николай Торосович, архиепископ независимой от Ватикана Армянской Апостольской Церкви заключил с ним в конце концов унию. Это вызвало протесты большинства армян Речи Посполитой. В Львове дошло даже до стычек, а межконфессиональное напряжение сохранялось еще долго. Католический обряд ускорил полонизацию армян на Пограничье.¹⁸ Приход в Кутах (к деканату принадлежали также приходы в Городенке и Снятыне) в конце XIX в. был наибольшим в армянской епархии (около 1800 чел.). Как пишет Тадеуш Исакович-Залеский, это приблизительно в 10 раз больше, чем во Львове и Станиславе (совр. Ивано-Франковск).¹⁹ Общая численность армян Львовского архидиоцеза до Второй мировой войны составляла 5-10 тысяч.²⁰

Еще в конце XIX в. Куты были известны как центр, где производились изделия из кожи: сафьяны, называемые табархамами или пандурами. Перед Второй мировой войной многие тамошние армяне сдавали свои комнаты отдыхающим.²¹ Куты еще несколько десятилетий назад были процветающим курортом, тогда же (до войны городок входил в состав Польши) там проживало 1500 армян, что после Львова было их наибольшей агломерацией в РП. Другие национальности: поляки – 3,5 тыс., евреи – 2,5 тыс. и 3 тыс. ру-

синов. Автор цитируемого здесь очерка, выходец из Кут, подчеркивает, что армяне в то время очень редко заключали смешанные браки.²² Другие источники сообщают, что в 1914 г. здесь было 1300 поляков, 1900 русинов, 3300 евреев и 500 армян.²³

Умершая в 2008 г. в Польше жительница соседнего Банилова Анна Данилевич является автором многих воспоминаний, опубликованных на страницах издаваемого в Кракове Бюллетеня Армянского культурного общества. Она происходила из смешанной семьи, поскольку отец ее был поляком. Это пример того, как несколько наций проживало в согласии и гармонии, а различные национальные и религиозные отличия были незаметны. С перспективы нескольких прошедших десятилетий Анна Данилевич так пишет о культурном многообразии Буковины: «в последнее время появилось много публикаций, представляющих Буковину Европой в миниатюре. Но тогда она такой не была, на самом деле об этом ничего не знала и не претендовала на авторство этого феномена. Перестала быть ею 28 июня 1940 г. – в момент вступления советских войск на ее северную часть и присоединения этой территории к Советскому Союзу».²⁴

Аннексия Западной Украины УССР (17 сентября 1939 г.) положила конец польской администрации на этой территории. Советская власть уничтожала в первую очередь интеллигенцию. Анна Кравцова так вспоминает советский террор: «Отец Богдан Агопсович учился во Львове и там работал при кафедре. В 1941 г. приехал домой, чтобы перейти границу, поскольку советы хотели отправить его в Сибирь. Когда переходил границу, его застрелили».²⁵

С января 1942 г. немецкие оккупанты, после изгнания советских войск, начали уничтожение евреев,

16 С исторической точки зрения это хорошо описано, см. напр. Krzysztof Jankowski, *Społeczność Ormian kuckich w XIV – XX wieku*, *Biuletyn Ormiańskiego Towarzystwa Kulturalnego* nr 40/41 (2005), s. 28–37.

17 Это был деревянный храм, теперешний каменный – это уже третий, освященный в 1791г.; Sadok Barącz, *Rys dziejów ormiańskich*, Tarnopol 1899, s. 100; согласно: Tadeusz Isakowicz-Zaleski, *Przemilczane ludobójstwo na Kresach*, Kraków 2008, Wydawnictwo Małe, s. 101–103.

18 Grzegorz Pełczyński, *Kabzanie w Kutach i gdzie indziej*, *Literatura Ludowa* s. 19.

19 Tadeusz Isakowicz-Zaleski, *Przemilczane ludobójstwo...* op. cit., s.104.

20 Grzegorz Pełczyński, *Kabzanie w Kutach...* op. cit., s. 20.

21 Grzegorz Pełczyński, *Kabzanie – tradycja przedsiębiorczości*, *Biuletyn Ormiańskiego Towarzystwa Kulturalnego* nr 17 (1999), s. 18–23.

22 *Das Generalgouvernement*, Leipzig 1945, za: Stanisław Ciołek, *Kuty – nieco historii, tradycji i trochę wynurzeń*, *Biuletyn Ormiańskiego Towarzystwa Kulturalnego* nr 38/39 (2004), s. 34.

23 Mieczysław Orłowicz, *Ilustrowany przewodnik po Galicji, Bukowinie, Spiszu, Orawie i Śląsku Cieszyńskim*, Lwów 1914, s. 202, za: Tadeusz Isakowicz-Zaleski, *Przemilczane ludobójstwo...* op. cit., s.107.

24 Anna Danilewicz, *Bukowiński fenomen*, *Biuletyn Ormiańskiego Towarzystwa Kulturalnego* nr 14 (1998), s. 30;

25 Czawaga Konstantyn, *Mohikanie Ormian w Kutach*, *Kurier Galicyjski*, 17 – 30 listopada 2008, ss. 18 – 19; Цитируемая респондентка умерла вскоре после публикации статьи (в возрасте 81 года). См. также Tadeusz Isakowicz-Zaleski, *Przemilczane ludobójstwo...* op. cit., s.118, где есть другие свидетельства; Другую дату (4 мая 1940г.) смерти священника приводит там Мария Хшановская из Агопсовичей;

чего добились со 100% точностью. Высылке в лагеря подверглась также польская интеллигенция.

Однако настоящий конец армянской общины наступил после акций УПА, которая проводила погромы польских и армянских жителей Кут, начиная с марта 1944 г.²⁶ 10 апреля в город вошли советские войска, однако они отступили, отдавая жителей в руки националистов.²⁷ Другой цитируемый выше автор пишет: «по свидетельствам тех, кто пережил катаклизмы [...] и видел его страшные последствия: истерзанные, сожженные тела близких, родственников и друзей, а еще тех, кого не удалось идентифицировать. Грабили и уничтожали в беспамятстве. Ужас тех апрельских дней известен из воспоминаний очевидцев [...]. Часть из них в неизвестности выжидала за стенами армянской святыни, вознося молитвы к любимому покровителю кутских армян – св. Антонию Падуанскому».²⁸

Анна Кравцова так вспоминает убийства собственных соседей украинцами: «Начинали с евреев в 1942 г., а до убийств армян дошло в 1944 г. [...] Как-то так случилось, что мы сами не понимали этого. Здесь были смешанные семьи. Когда начинались праздники, украинцы приходили к нам с колядой, в гости, а потом мы шли к ним. [...] В первую ночь сожгли 5 домов и людей в них. Мы не понимали, что случилось. А потом они перекупили русские войска. Когда те ушли, то мы две недели были без власти. Тогда убивали и среди бела дня, и на кладбище, и дома, и на улице – где хотели, кто только им попадался. Моя двоюродная сестра по отцу вышла замуж за украинца, звали его Владимир Дребет, он был артистом Гуцульского ансамбля в Станиславе [...] Он не пошел в эти банды, так его убили, и жену, и ребенка».²⁹

«У нас стояло семь домов подряд, в которых жили поляки. Бандеровцы пришли, сожгли. И брата отца убили. Пережили мы ужас, но это уже прошло».³⁰ Страшные убийства в соседнем Банилове описывает также Анна Данилевич: «после всего этого никто уже не был прежним».³¹ Во время этого геноцида погибло около 200 человек – поляков и армян.³²

17 апреля в Кракове возле костела св. Николая установлен армянский «цветущий крест» – хачкар,³³ который, согласно надписи, увековечил армян, убитых во время геноцида 1915 г., и тех, кто с их соседями-поляками был убит украинскими националистами

из УПА в Кутах 19-21 апреля 1944 г.³⁴ Прошло 65 лет со времени тех событий. Краковский хачкар вызвал протесты турецкого посольства в Польше вместе с дипломатическим давлением на городские власти, МИД и воеводу. Подобные отклики со стороны части греко-католического духовенства (греко-католические священники из Покутья принимали участие в геноциде) вызвал выход книги *Przemilczane ludobójstwo na Kresach* отца Тадеуша Исаковича-Залеского, католического пастыря армян в южной Польше.³⁵ Книга эта является результатом шестилетнего сбора свидетельств еще живых очевидцев как кутского, так и других актов геноцида на Покутье (семья священника происходит из Коростятына возле Монастирищ в районе Бучача, отсюда и личный интерес к описываемым фактам). Здесь можно найти дословные высказывания очевидцев, описание мартиролога армянских жителей городка, начиная с сентября 1939 г. и заканчивая убийствами армян еще 15-20 января 1920 г., более чем через полгода после прохождения фронта.³⁶

Сегодня в Кутах насчитывается около 4 тыс. жителей. Мои наблюдения в августе 2008 подтверждают замечания Станислава Челка³⁷ – это заброшенный то ли городок, то ли село. Поляков нет, немногие оставшиеся, а вместе с ними и армяне украинизировались – в первую очередь младшее поколение – после войны родилось уже по крайней мере третье. Таким кутским армянином является, между прочим, сам Челек (как он пишет, в его жилах течет кровь трех народов)³⁸, после войны он, как и его брат, поселился в Закопанем, однако выбор самых высоких польских гор, не напоминающих, правда, Черногоры, был вторичным – Челек после войны осел в Нижней Силезии, там же, где и большинство армянских кутчан и их соседей, напр. Анна Данилевич. Те армяне, которые пережили погромы, в основном выехали в Польшу, и теперь часто вспоминают Куты, среди прочего армянский храм, который теперь переделали в православную церковь (в Кутах есть еще католический костел с 25 прихожанами и греко-католическая церковь).

Как я уже писал, польские армяне в других пограничных районах ассимилировались с украинским окружением: ведь осталось их совсем немного, большинство выехало. Сейчас в Украине официально не существует структуры Армянской католической Цер-

26 Stanisław Ciołek, *Kuty - nieco historii...*, op. cit., s. 38; До этого времени не удалось увидеть документы, подтверждающие участие УПА в геноциде в Кутах. Работа социолога, исследователя oral history, базируется на свидетельствах очевидцев;

27 Tadeusz Isakowicz-Zaleski, *Przemilczane ludobójstwo...* op. cit., s.132;

28 Krzysztof Jankowski, *Spółeczność Ormian kuckich w XIV – XX wieku*, op. cit. s. 367;

29 Сравни свидетельство Ханы Вулф: Tadeusz Isakowicz-Zaleski, *Przemilczane ludobójstwo...* op. cit., s.136;

30 Czawaga, Konstantyn, *Mohikanie Ormian w Kutach, Kurier Galicyjski*, 17 – 30 listopada 2008, ss. 19;

31 Anna Danilewicz, *Pan Bóg nie pomógł zabić i podpalić, Biuletyn Ormiańskiego Towarzystwa Kulturalnego nr 42/43 (2005)*, s. 61;

32 Tadeusz Isakowicz-Zaleski, *Przemilczane ludobójstwo...* op. cit., s.148;

33 T. Marciniak, *Chaczkar czyli Krzyż Kwitnący (The Khatschkar or The Blossing Cross), Bunt Młodych Duchem, listopad – grudzień 2004, nr 6 (22)*, ss. 18 -19;

34 Jacek Chrzyszczewki, *Ormanie polscy i ich chaczkar w Krakowie, Kraków 2007, Ormiańskie Towarzystwo Kulturalne*;

35 T. Marciniak, *Tadevos Vartapet Isahakian Zaleski i inni księża ormiańscy w Polsce, Bunt Młodych Duchem, listopad-grudzień 2007; ss. 18 – 19; также: T. Marciniak, Rola kapłana w kształtowaniu tożsamości etnicznej Ormian w Polsce i na Ukrainie; w: Istorija religij w Ukrainie (Науковий Щорічник, кнуга I), Lwów 2004, ŁOGOS, Muzej Istorii Religij, ss. 357 - 366;*

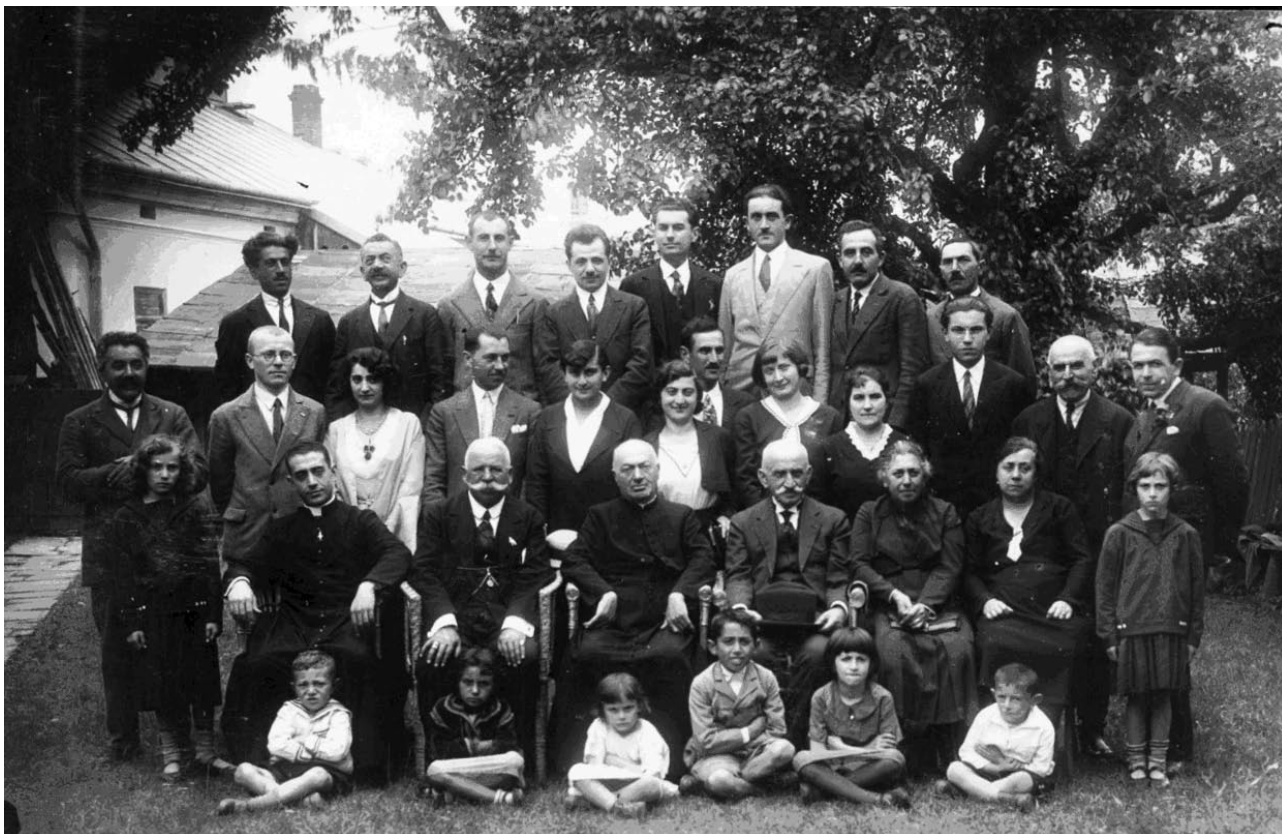
36 Tadeusz Isakowicz-Zaleski, *Przemilczane ludobójstwo...* op. cit., s. 148;

37 Stanisław Ciołek, *Kuty - nieco historii...*, op. cit., s. 39;

38 Stanisław Ciołek, *Kuty - nieco historii...* op. cit., s. 37;

кви.³⁹ В Кутах до недавнего времени проживало три человека, которые открыто говорили о своих корнях: Антонина Линде, Урсула Самсонович и Анна Кравцова (в девичестве Луцкая, по матери Лазаравич из Агопсовичей (23.10.1927 – 19.12.2008). Молодой католический настоятель о. Веслав Дорош, украинец польского происхождения, который возглавил этот приход в сентябре 2007 г., считает ее наиболее активной прихожанкой этой небольшой общины. Во время работы над проектом «Куты на Черемоше – малая столица ар-

потомков на новых местах поселения. Многовековые традиции угасли: «это печально, но правда», – пишет скоропостижно скончавшийся Челек, вспоминая кабаносы, хорут, который потом крошили в бульон.⁴⁰ Хорут – блюдо, неизвестное в Армении. О нем вспоминают многие армяне Пограничья. Является он символическим мостом между временами прошлыми, идиллическими, прежде всего детством, рассказами родителей и бабушек с дедушками, и сегодняшним днем. Не подается он и в нескольких ресторанах в

мян» (Армянский фонд Круга интереса к культуре армян, 2008) мы нашли еще двух респондентов армянского происхождения, которых считали украинцами. Единственные армяне в округе – это представители третьей волны – приезжие советского и постсоветского периодов: в Старых Кутах действует ресторан «Арагат», возле Банилова армянин занимается разведением рыбы в прудах, в Коломые существует бар, также носящий название библейской горы. Однако, кажется, что этих новых не интересует судьба далеких побратимов.

Мифологизированные Куты и дальше живут в воспоминаниях польских армян и все меньше у их

Польше, хозяева которых «новые» армяне *третьей волны*.⁴¹ Это прерогатива пограничных армянских семей. Осевшие во Вроцлаве, Олаве, Оборниках Силезских, они стараются поддерживать традиции и в кулинарном отношении.⁴²

С календаря 2009 года, изданного Фондом культуры и наследия польских армян, смотрят на меня глаза о. Самуила Манугевича, сенатора Второй Речи Посполитой, умершего будучи незрячим в 1956 г. в Кутах, последнего армянского настоятеля, и собранных вокруг него прихожан, увековеченных по случаю храмового праздника св. Антония (13 июня) прибли-

39 T. Marciniak, *Instytucjonalizacja Kościołów Ormiańskich. Polska, Ukraina. Rosja w: Historia religij w Ukraini (Наукowy Щорічник, книга I), Lwów 2008, ŁOGOS, Muzej Historii Religij, ss. 447 – 454;*

40 Адам Терлецкий, председатель Армянского культурного общества описал его как «измельченные стебли петрушки, варенные где-то две недели в кислом молоке до состояния мокрой глины,

из которой впоследствии формируют стожки и сушат в проветриваемом помещении» (e-mail автору от 2 февраля 2009).

41 T. Marciniak, *Konsumpcjonizm po ormiańsku, (The Armenian consumerism), Biuletyn Ormiańskiego Towarzystwa Kulturalnego 2004, nr 38/39, pp. 64 – 67.*

зительно в 1930 году. Анна Кравцова вспоминает: «В 1946 г., когда поляки и армяне выехали из Кут в Польшу, мы, несколько семей, остались здесь[...] На протяжении какого-то времени был в Кутах и армянский священник. Но пришли из комитета партии и сказали священнику, что если он примет православную армянскую веру, то храм наш не закроют. Священник сказал, что «каким родился, таким и умру». Тогда храм закрыли. Но священник жил в резиденции (так по обычаю называли дом священника, название это употребляется и по сей день – ТМ). Дали ему одну комнату, и туда приходили люди, чтобы молиться. Отец Манусевич⁴³ долгие годы работал у нас, здесь похоронен. А из храма сделали склад. Забрали из храма все, нам не отдали ничего».⁴⁴

Прошло 80 лет. И когда я пишу эти слова в январе 2009 года, отвечаю на взгляд армян с фотографии: Мойзесовичей, Осадцев, Агопсовичей, Дониговичей... Не знаю, что стало с ними потом: или погибли в погромах, или бежали, или пережили войну, но знаю, что не выжил армянский приход в Кутах – сегодня его уже там нет. Дольше прихода не умирал армянский храм. Советская власть закрыла его в 1947 г.,⁴⁵ а когда во времена независимой Украины его заняла Православная Церковь, постепенно стали убирать из него остатки армянского убранства – так было еще в 2004 г., когда церковь внутри заново покрасили, убирая старое многоцветие. Недавно я узнал, что умерла пани Кравцова – одна из двух армянок, которые помо-

гали нам в исследовательской программе, сосредоточенной на укреплении армянских надгробий на кутском кладбище в августе 2008 г. На поминках подавали армянский бульон – ганджапур с клецками и хорутом и гуцульскую мамалыгу. Показывая собственноручно сделанный хорут, пани Кравцова расплакалась. Сегодня уже и ее нет.

Через шестьдесят пять лет после геноцида остается только память. Но и ее с каждым разом все меньше.

Статья является рефератом, поданным (но не принятым) на XIX конференцию «История религии на Украине», Львов, 12-14 мая 2009г. Первый вариант статьи напечатан под названием «65 лет трагедии на Покутье. Куты на Черемоше, Бунт Молодых Духом», январь-февраль 2009; с. 21-22. Употребляемое мной в тексте название «Украина», естественно, не обозначает отдельную государственную единицу: анализируемые здесь Куты на протяжении своей истории принадлежали различным государствам: Речи Посполитой, Австрии, Второй Речи Посполитой, СССР (УССР) и Украине (с 1991 г.). В моем понимании это, скорее, регион, историко-географический край. Здесь я хотел бы поблагодарить за замечания к первой версии этого текста о. Тадеуша Исаковича-Залеского и Самвела Азизяна. За все неточности отвечает автор: ararat@umk.pl. Статья написана в рамках работ Центра армянских исследований УМК, www.centrum-armenia.uni.torun.pl

42 Рецензент можно найти, например, в: Beata Dżon, *Ormianie spod gry Owidiusz, Życie na gorąco 2008*, 3 kwietnia, czwartek, s. 14; Главная героиня репортажа, Романа Оброцкая, родилась уже в Силезии, но ее родители приехали из Кут после войны. В качестве местного культурного аниматора уже дважды проводила в этом маленьком городке концерты, где были представлены восстановленные после многих лет религиозные песни польских армян; больше об исчезающей уже и до войны культурной традиции и обрядах в Кутах нишем Grzegorz Pełczyński, *Kabzanie w Kutach i gdzie indziej*, op. cit.

43 Скорее всего ошибка в фамилии о. Манусевича возникла из-за того, что была она неправильно записана автором цитируемой статьи.

44 Czawaga, *Konstantyn, Mohikanie Ormian w Kutach, Kurier Galicyjski*, 17 – 30 listopada 2008, ss.19.

45 Tadeusz Isakowicz-Zaleski, *Przemilczane ludobójstwo... op. cit.*, s.148; Krzysztof Jankowski, op. cit.; s. 37.

А. Д. Тимиргазин
(Судак)

Два юбилея Ивана Константиновича Айвазовского. По материалам газеты «Крымский вестник», 1897 год

В 1897 году знаменитый художник Иван Константинович Айвазовский отпраздновал два юбилея: 80-летие со дня рождения и 60-летие творческой деятельности. Оба эти события подробно освещались на страницах газеты «Крымский вестник». Многочисленные корреспонденции, посвященные И. К. Айвазовскому в год его двойного юбилея, могут послужить ценным источником к еще не созданной биографии великого художника.

По сообщению «Крымского вестника», 26-го марта 1897 года И. К. Айвазовский вернулся в Феодосию из-за границы, где художник продал значительное количество картин, написанных в Ницце в течение

минувшей зимы [1]. По своему обыкновению, И. К. Айвазовский активно включился в общественную жизнь своего родного города. Так, по его требованию была немедленно снесена постройка, возведенная во время отсутствия художника по инициативе городской управы на фонтане Айвазовского, «как значением своим, так и по типу управской архитектуры совершенно несоответствующей уже имеющимся там строениям» [2]. Вскоре, 7 апреля 1897 года в «Крымском вестнике» было опубликовано сообщение: «Здание на фонтане Айвазовского, над постройкой которого городская управа неустанно трудилась около двух месяцев, сегодня совершенно снесено» [3].

Уже длительное время нуждалась в ремонте Архангельская армянская церковь⁴⁶, давно находившаяся в запущенном состоянии. «Крымский вестник» от 17 апреля 1897 года сообщает: «Ныне мелитопольский купец И. Е. Черников изъявил желание принять на свой счет все расходы по наружному ремонту, внутренней переделке и реставрации храма, по соглашению и по проекту, одобренному профессором И. К. Айвазовским, при чем стоимость работ по составленной смете обойдется в сумме около шести тысяч рублей. Работы будут производиться хозяйственным способом под личным наблюдением жертвователя г. Черникова» [4].

Активно занимался И. К. Айвазовский также вопросами создания художественной школы в Одессе. Внутренний отдел «Крымского вестника» от 24 мая 1897 года сообщает: «К проекту учреждения академии художеств в Одессе «Одесские новости» сообщают, что профессор Императорской академии художеств Н. Д. Кузнецов на днях, перед своим отъездом в Париж, получил письмо от И. К. Айвазовского, касающееся вопроса об устройстве академии. Знаменитый маринист списался с г. Куинджи и другими художниками, которые сочувственно приняли план профессора Айвазовского и обещают ему приехать осенью в Одессу. Профессор Айвазовский прибудет в сентябре и намерен надолго остаться в Одессе. Н. Д. Кузнецов уведомил И. К. Айвазовского, что возвратится из-за границы ко времени его приезда в Одессу. Классы академии художеств предполагается устроить на Софиевской улице, в бывшем доме Г. Г. Маразли, подаренном городу для общественного музея изящных искусств» [5].

19 июня 1897 года картинную галерею И. К. Айвазовского в Феодосии осмотрела группа воспитан-

⁴⁶ Храм Архангелов Михаила и Гавриила, построенный в 1408 году.

ников одесских учебных заведений в количестве 28 человек во главе с преподавателем П. Е. Князевым. Газета «Крымский вестник» сообщает: «Группа воспитанников одесских учебных заведений в числе 28 человек, совершая экскурсию под руководством члена крымского горного клуба преподавателя П. Е. Князева, прибыла сегодня, 19-го июня, в Феодосию из Старого Крыма, богатые историческими воспоминаниями и вместе с тем живописные окрестности которого осматривались воспитанниками весьма подробно в течение двух дней. Сегодня экскурсанты осмотрели здесь картинную галерею профессора И. К. Айвазовского, музей древностей, памятники и прочие достопримечательности города. Все экскурсанты чувствуют себя великолепно и с восторженностью передают подробности своего путешествия, обогатившего их массой новых впечатлений. Сегодня же в 11 часов вечера группа отправляется на пароход Азовского пароходства и завтра в 3 часа с рассветом выезжает обратно в Одессу» [6].

17 июля 1897 года исполнилось 80 лет со дня рождения И. К. Айвазовского. Незадолго до юбилея, 12 июля 1897 года состоялось экстренное заседание думы, на котором был принят текст адреса, в котором «отлично отражаются чувства беспредельной благодарности, питаемые городским обществом к Ивану Константиновичу, к этому редкому патриоту своего родного города». Как указывает корреспондент газеты «Крымский вестник»: «На предложение городского головы избрать депутацию для преподнесения адреса гл. А. С. Грамматиков указал, что маститый юбиляр, вследствие преждевременной утраты горячо любимого внука, находится теперь в крайне удрученном состоянии, а потому предстоящее преподнесение адреса необходимо обставлять возможно скромнее, избегая многочисленной депутации, которую в другое время Иван Константинович принял бы с большим удовольствием. Дума постановила для преподнесения адреса избрать депутацию из трех лиц, в составе городского головы Л. А. Дуранте и гласных А. С. Грамматикова и С. С. Крыма» [7].

В «Крымском вестнике» от 18 июля 1897 года был опубликован полный текст поздравительного адреса: «Ваше высокопревосходительство, высокочтимый Иван Константинович! Приветствуя Вас с наступлением 80-й годовщины драгоценной жизни Вашей и принося сердечные пожелания еще многих и многих лет этой жизни на славу и процветание любимого и любящего Вас родного города, – феодосийская городская дума, согласно единодушно состоявшемуся в чрезвычайном собрании 12-го сего июля постановлению своему, считает священным долгом выразить Вам те чувства глубочайшей признательности, которые пробуждает в сердце каждого истинного гражданина Феодосии незабвенное имя Ваше, неизгладимо запечатленное в судьбах этого города.

Осененная славою Вашего гения и счастливая Вашу неизменную любовью, Феодосия, постепенно возрастая в своем развитии, достигла той степени

благополучия и благоустройства, при которых мы видим ее теперь. Всюду, на каждой странице ее современной истории красуется славное имя Ваше: от него исходит всякое благо и общественное начинание, его могущественным содействием осуществляются самые заветные для города мечты и им вдохновенно создается новая Феодосия. Город, еще недавно изнемогавший от недостатка воды, получил ее в дар от Вас из лучшего в Крыму источника, оживает к новой жизни благодаря существующему водоснабжению; город, с его забытым, но богато одаренным природными качествами портом, при помощи представительства Вашего перерождается, по Высочайшей воле, в первоклассный коммерческий порт, соединенный железнодорожным путем с общей сетью железных дорог, и, наконец, более чем скромный, по своему наружному виду и благоустройству, город украшается сооруженными по инициативе при значительной материальной поддержке Вашей общественными зданиями и памятниками, из которых памятник в Бозе почившему Императору Александру III составляет лучшее украшение города.

Таковы лишь те выдающиеся заслуги еще недавнего прошлого, неувядаемые лавры которых венчают вершину переживаемого вами восьмидесятилетия. С этой венчанной вершины пред изумленным взором расстилается пройденный Вами далекий и многотрудный путь, обильный плодотворными делами Вашего высокого общественного служения родине. Благословен тот, кто, бодро дойдя до этой вершины, может с отрадным чувством свято исполненного долга созерцать немеркнущие горизонты своих гражданских доблестей, и счастливо то общество, в завидный удел которого благосклонная судьба послала своего избранника-гражданина, удивляющего мир гением своего беспримерного художественного творчества и всю силою своей любящей души преданного благу родного города.

Вот почему городское общество, чествуя еще 17 лет тому назад знаменательный день рождения Вашего и проникшись сознанием всей важности оказанных Вами уже тогда заслуг на поприще общественного служения, исходатайствовало Высочайшее соизволение на присвоение Вам звания первого почетного гражданина гор. Феодосии, и вот почему ныне мы, представители городского общества, чествуя сегодняшней 80-й день годовщины Вашей, не можем не выразить единодушных чувств безграничной любви и признательности к Вам, высокочтимый Иван Константинович, за все оказанные Вами благодеяния родному городу и не можем от глубины благодарных сердец наших не высказать сокровенных надежд и пожеланий дальнейшего славного следования Вашего по жизненному пути, с той же никогда не оставляющей Вас бодростью духа и неустанной энергией в деле служения высокому общественному призванию, продолжая обогащать искусство произведениями бессмертного гения Вашего» [8]. Адрес был каллиграфически написан на пергаменте и вложен в сафьяновую папку с

изящной эмалированной отделкой из серебра.

17 июля избранная феодосийской думой делегация выехала в имение И. К. Айвазовского Шейх-Мамай⁴⁷ [9], где в день юбилея собрался небольшой круг близких Ивану Константиновичу лиц. «Крымский вестник» от 22 июля 1897 года сообщает: Вчера, 17-го июля, в имении Шейх-Мамай, Феодосийского уезда, скромно было отпраздновано 80-летие профессора И. К. Айвазовского. В 11 часов дня депутация в составе городского головы Л. А. Дуранте и гласных Г. А. Дуранте и С. С. Крым преподнесла юбиляру адрес, содержание которого уже известно нашим читателям. Адрес этот до слез растрогал маститого юбиляра, просившего передать городскому обществу его сердечную благодарность за теплые пожелания и художественно выполненный подарок. В виду желания юбиляра, съезд гостей был небольшой, и к обеду собрался лишь тесный кружок близких Ивану Константиновичу лиц. Из произнесенных при обеде речей выделялась своею задушевностью речь архиепископа Хорен-Степане, говорившего об Иване Константиновиче как о великом художнике, в лице которого великий талант, отмеченный гением, совмещается с редкой любовью к труду и отзывчивостью на все запросы жизни. Городской голова Л. А. Дуранте в тосте за здоровье юбиляра вновь указал на неоценимые услуги, оказанные им родной Феодосии. Задушевная послеобеденная беседа затянулась до 6 часов вечера» [10].

В этот день юбиляр получил большое количество телеграмм из разных уголков России, а также из-за границы. Одна из телеграмм пришла от Его Императорского Высочества, почетного президента академии художеств Великого Князя Владимира Александровича: «Ивану Константиновичу Айвазовскому – искренно поздравляю Вас, многоуважаемый Иван Константинович, с исполнившимся сегодня восьмидесятилетием дня Вашего рождения, от души желаю Вам на долгие годы сил и здоровья, дабы Вы обогатили русское искусство еще многими произведениями Вашего неувядаемого таланта; примите также поздравление Императорской академии художеств, которая с гордостью числит Вас своим почетным членом. – Владимир» [11].

Несмотря на преклонный возраст, И. К. Айвазовский продолжал активную художественную и общественную деятельность. По сообщению «Крымского вестника» от 25 июля 1897 года: «Профессором И. К. Айвазовским написан ряд картин, относящихся к последним событиям на острове Крит и к бывшей греко-турецкой войне» [12].

24 июля 1897 года картинную галерею И. К. Айвазовского посетили командир и офицеры итальянского военного судна «Галилейо». По сообщению газеты «Крымский вестник»: «Итальянским консулом Г. А. Дуранте дан был в честь их обед, прошедший весьма оживленно. Судно посетило много публики, принятой

весьма радушно. Вечер офицеры провели в ресторане-садики при Генуэзской башне в обществе итальянского консула и городского головы Л. А. Дуранте» [13].

В «Крымском вестнике» от 18 августа 1897 была помещена критическая заметка по поводу состояния бульвара Айвазовского в Феодосии: «Бульвар Айвазовского в последнее время пришел в совершенный упадок. Между тем, с устройством в одной из его половин городской пассажирской платформы бульвар усиленно посещается деловой и гуляющей публикой, которая ходит по вечно пыльной и плохо по вечерам освещаемой аллее, посылая по адресу управы вполне заслуженные нарекания. За растительностью на бульваре нет никакого ухода, и провололочная ограда, существовавшая когда-то, теперь исчезла без следа» [14]. «Крымский вестник» от 17 сентября 1897 сообщает: «Городской управой, наконец, приступлено к замощению Айвазовского переулка, отвратительное состояние мостовой которого давно вызывало ропот населения, так как езда по этому переулку буквально выворачивала все внутренности» [15].

31 августа 1897 года И. К. Айвазовский принял участие в освящении нового здания Александровского бесплатного женского училища, почетным попечителем которого был художник. На страницах «Крымского вестника» было подробно описано это событие: «Наплыв учащихся в Александровское бесплатное девичье училище делал почти невозможным продолжение занятий в старом, ветхом и тесном помещении училища, и феодосийское благотворительное Общество, в ведении которого училище это состоит, вынуждено было озаботиться о постройке нового училищного здания. Постановление об этом общего собрания состоялось в 1895 году, и к осуществлению этого постановления правление Общества приступило в следующем 1896 году. Планы и сметы составлены были безвозмездно бывшим городским архитектором И. И. Мальгербом, и к работам правление приступило хозяйственным способом на крайне ограниченные средства, имевшиеся в его распоряжении. Постройка здания окончена была ранее чем в годичный срок, и вчера, 30 августа, состоялось освящение здания. Как по внешнему виду, так и по расположению классных комнат, выстроенное здание не оставляет желать ничего лучшего; построено оно в два этажа, соединяющиеся широкой каменной лестницей; расположенные, как в нижнем, так и в верхнем этажах, классные комнаты, по количеству воздуха и света, удовлетворяют самым строгим требованиям школьной гигиены; кроме классных комнат, имеется просторный коридор, вместительный рекреационный зал, учительская и прочие необходимые для училища помещения, причем еще продолжается постройка квартиры для начальницы училища. В общем, здание это, построенное на месте, принадлежащем благотворительному Обществу, обошлось в сумме около 13 тыс. руб., и сумма эта частью уже пополнена имевшимися в распоряжении Общества средствами и продолжает пополняться текущими приходами.

47 Современное село Айвазовское Кировского района АРК.

К двум часам дня в помещении училища собрались: почетный попечитель училища профес. И. К. Айвазовский, вице-председательница благотворительного Общества С. С. Виноградова, директор гимназии В. Ф. Гроллих, начальница женской гимназии М. Ф. Котляревская, состав правления Общества, учащие и учащиеся училища и др. лица. Пред началом молебствия законоучитель о. Константин Васильев произнес прочувствованное слово и указал ту благую цель, которую преследовало благотворительное Общество постройкой такого роскошного училищного здания. По окончании молебствия и окропления св. водой, состоялся обычный годичный акт, во время которого попечитель училища И. К. Айвазовский раздавал учащимся похвальные листы и награды, а начальница училища А. А. Каламара – выпускные свидетельства. По окончании акта, к присутствовавшим обратился с речью директор гимназии В. Ф. Гроллих, указавший на содействие, оказанное в деле сооружения здания казначеем общества Л. А. Дуранте. Затем, все учащиеся сняты были в одной группе прибывшим фотографом, и все они щедро наделены были сладостями. Этим и закончилось торжество» [16].

Тем временем, в Феодосии начиналась подготовка к празднованию 60-летия художественной деятельности профессора И. К. Айвазовского, которое отмечалось 16-го сентября 1897 года. В заметке «Крымского вестника» от 10 августа 1897 года под заголовком «К чествованию профессора И. К. Айвазовского» говорилось: «Как мы слышали, чествование маститого юбиляра предполагается ознаменовать учреждением на городские средства начальной бесплатной школы имени И. К. Айвазовского; юбиляру также дан будет обед от городского общества» [17]. 21 августа 1897 года на заседании феодосийской городской думы городской голова сделал заявление по поводу приближающегося 60-летия художественной деятельности профессора и первого гражданина города И. К. Айвазовского и о необходимости разработки программы чествования городом маститого юбиляра. Дума избрала комиссию в составе 8 гласных для разработки программы юбилейных торжеств и ассигновала на эти цели в распоряжение городского головы две тысячи рублей [18].

2 сентября 1897 года состоялось первое заседание комиссии для выработки программы чествования профессора И. К. Айвазовского [19]. 5 сентября 1897 года комиссия завершила свою работу, предложив следующее:

«1) в самом непродолжительном времени открыть приходское реальное училище имени Ивана Константиновича Айвазовского и 2) учредить при среднем учебном заведении его же имени стипендию, предназначая таковую для выдачи учащемуся из феодосийских жителей, готовящемуся к поступлению в академию художеств. Что же касается чествования юбиляра, то комиссией постановлено: 26-го сентября, утром, в городском концертном зале назначается торжественное заседание думы, в присутствии юби-

ляра; по окончании заседания начнется принесение поздравлений депутациями. В 4 часа дня городским обществом дан будет виновнику торжества обед в концертном зале, а вечером там же состоится бал от городского общественного собрания. Концертный зал будет декорирован и освещен электричеством. Все городские здания, а также здания и сооружения, возникновение которых связано с именем Ивана Константиновича, будут задрапированы цветными материями и флагами, а вечером иллюминированы. Постановлено также пригласить на этот день бальный оркестр.

27-го сентября у И. К. Айвазовского состоится завтрак, а вечером раут, на который разослана масса приглашений» [20].

11 сентября 1897 в «Крымском вестнике» было опубликовано следующее сообщение: «Местное мещанское общество готовит для преподнесения профессору И. К. Айвазовскому, в день 60-летия его художественной деятельности адрес. Адрес этот исполнен будет каллиграфически на пергаменте и заключен в дорожную, изящную папку. Юбилея приветствовать будут также депутации от еврейского, караимского и татарского обществ, и последними преподнесены будут адреса и подарки. Комитет по устройству 26-го сентября праздника озабочен приисканием помещения для ожидающихся иногородних депутатий и гостей» [21]. Вскоре последовало очередное сообщение о ходе подготовки к празднику: «Городская управа приступила к подготовительным работам по декоративному украшению и иллюминации городских зданий и концертного зала на 26-е сентября» [22]. Новые подробности последовали в «Крымском вестнике» от 17 сентября 1897 года: «Сообщенное нами в № 240 «Крымского вестника», со слов столичных газет, известие о предстоящем приезде в Феодосию депутации от Императорской академии художеств, для приветствования 26-го сентября И. К. Айвазовского, оказалось неверным. Вчера [14 сентября – А. Т.] на имя городского головы Л. А. Дуранте, как председателя комитета по устройству праздника, получено письмо от академии художеств с просьбой приветствовать от имени последней юбиляра на предстоящем 26-го сентября торжестве.

Городской управой заказана фабрике Хлебникова в Москве серебряная палитра с соответствующей выгравированной надписью, для преподнесения от городского общества И. К. Айвазовскому в день 60-летия его художественной деятельности.

Для приветствия юбиляра от караимского общества, последним приглашен в Феодосию, как говорят, караимский гахам Пампулов, который принесет поздравление юбиляру с участием двух ассистентов, из местных граждан-караимов» [23].

«Крымский вестник» от 20 сентября 1897 года извещает, что очередное заседание феодосийской городской думы после продолжительных летних каникул было назначено на 20 сентября 1897 года в 7 часов 30 минут вечера в помещении городского уп-

правления. Среди вопросов, вынесенных на обсуждение, значился: «По докладу комиссии по устройству в Феодосии юбилейного празднества почетному гражданину профессору И. К. Айвазовскому с представлением проекта акта чествования этого дня». В том же номере газеты содержится следующее сообщение: «В виду заканчивающегося трехлетия сроков службы попечителя феодосийской мужской гимназии, каковую должность занимает ныне действительный тайный советник И. К. Айвазовский, во время предстоящего земского собрания имеет быть соединенное заседание последнего и городской думы для производства новых выборов» [24].

На первом после летних каникул заседании ялтинской городской думы 18 сентября 1897 года гласный А. Н. Витмер напомнил собранию, что «26-го сентября празднуется в Феодосии 60-летний юбилей художественной деятельности И. К. Айвазовского. Дума постановила преподнести юбиляру от города Ялты адрес, текст которого здесь же составлен А. Н. Витмером» [25].

20 сентября 1897 года на заседании феодосийской городской думы, как сообщает газета «Крымский вестник»: «Собранию доложен был выработанный юбилейной комиссией акт, для преподнесения 26-го сентября И. К. Айвазовскому. В акте этом указывается на заслуги маститого юбиляра на поприще искусства и служения интересам родной Феодосии и на способ чествования и ознаменования предстоящего события. В чем выразится это чествование и ознаменование, читатели уже знают из прежних наших сообщений. Дума постановила преподнести доложенный акт вместе с заказанным серебряным слитком, в виде палитры, юбиляру в настоящем заседании; с этой целью, по предложению председательствующего, назначен перерыв до 11 час. утра 26-го сентября» [26].

Накануне юбилейных торжеств газета «Крымский вестник» опубликовала очередную корреспонденцию, посвященную предстоящему событию: «Уже после отправленного Императорской академией художеств письма на имя городского головы Л. А. Дуранте с просьбою приветствовать 26-го сентября И. К. Айвазовского, – о чем своевременно сообщалось в нашей газете, – академией решено послать на торжество особого депутата, и с этой целью, по полученным здесь вчера сведениям, прибудет сюда художник Соколов. Кроме того, сюда ожидают член министерства народного просвещения тайн. сов. Езов и депутат от армянской колонии в Петербурге князь Бебутов.

Сегодня прибыл в Феодосию депутат от южно-русских художников Б. И. Эгиз.

На созванном вчера правлением местной еврейской синагоги собрании избранна депутация для преподнесения от еврейского общества 26-го сентября профес. И. К. Айвазовскому адреса, в составе гг. П. Л. Кранцфельда, М. Е. Цвибака, В. С. Гуревича и С. С. Самуильсона. Адрес заключен в дорогую художественной работы папку, с изображением из резного серебря свитка священного писания (торы)» [27].

22 сентября 1897 года в феодосийском Александро-Невском соборе в присутствии профессора И. К. Айвазовского и большого количества молящихся была отслужена панихида по в Бозе почивающем Императоре Николае Павловиче и бывшем феодосийском градоначальнике А. И. Казначееве. Панихиду заказал И. К. Айвазовский накануне шестидесятилетнего юбилея своей художественной деятельности в память о высоком покровительстве, которое оказывал ему в Бозе почивающий Император, и о содействии со стороны покойного А. И. Казначеева» [28].

На следующий после панихиды день, 23 сентября 1897 года И. К. Айвазовского посетил управляющий государственным банком Э. Д. Плеске, прибывший в Феодосию на пароходе Русского Общества пароходства и торговли проездом из Кавказа в Ялту. Корреспондент «Крымского вестника» сообщает: «По отшвартовании парохода Э. Д. Плеске, в сопровождении управляющего и контролера местного отделения банка, отправился осматривать город, интересуясь, главным образом, выбором места для приобретения в собственность казны, с целью постройки собственного здания банка. Осмотрев многие дома, владельцы коих намерены продать их для указанной цели, т. с. Плеске, как мы слышали, признал наиболее удобным по своему центральному положению имение, принадлежащее бр. Грамматиковым. Затем Э. Д. Плеске прибыл в местное отделение банка, где был встречен собравшимися в полном составе членами комитетов как по сельско-хозяйственному кредиту, так и по торговому, и долго беседовал с каждым из них в отдельности, расспрашивая о торговом и экономическом значении города и уезда. Выразив благодарность местному отделению банка и членам учетных комитетов, Э. Д. Плеске посетил И. К. Айвазовского и затем отбыл на пароход. При прощании Э. Д. Плеске вновь благодарил управляющего банком г. Дьяконова, контролера г. Щелкова и всех явившихся на проводы членов учетных комитетов».

В этом же номере газеты сообщается: «Управляющим курско-харьковско-севастопольской железной дорогой инженером Н. А. Ренкулем прислан ко дню юбилея И. К. Айвазовского роскошный вензель с инициалами маститого юбиляра; вензель этот в день торжества будет иллиuminован электричеством» [29].

Юбилейные торжества, состоявшиеся 26 сентября 1897 года в Феодосии, были самым подробным образом освещены на страницах «Крымского вестника» в обширной корреспонденции под заглавием «Шестидесятилетний юбилей Ивана Константиновича Айвазовского»:

«День 26-го сентября, день шестидесятилетнего юбилея художественной деятельности почетного гражданина города профессора Ивана Константиновича Айвазовского надолго останется в памяти феодосийцев. Еще задолго до юбилейного дня в городе заметно было необычное оживление, вызванное приготовлениями к предстоящему празднеству. Городская управа, все прочие местные учреждения и пуб-

лика заняты были лишь подготовлениями возможно более достойно встретить настоящее празднество, и все прочие будничные интересы отступили на задний план.

Сегодня город с раннего утра принял нарядно праздничный вид; по личной инициативе самих жителей, все дома разукрасились флагами и цветными материями. Стоящие в порте суда также разукрасились флагами. Но особенно роскошно были убраны городские здания, и среди них роскошью убранства выделялся городской концертный зал. Масса зелени, экзотических растений, вензелей из цветов с инициалами юбиляра и разноцветных материй преобразили зал до неузнаваемости. Впереди занавеса стоял изящно задекорированный портрет Государя Императора, у подножия портрета поставлен был покрытый зеленым сукном стол для торжественного думского заседания. С 10 час. утра зал стал наполняться гласными думы, депутатами от различных обществ и учреждений и публикой, среди которой выделялось множество дам в изящных дорогих нарядах. Этим временем густая толпа народа усеяла весь путь от дома юбиляра до концертного зала, выжидая выезда столь любимого городом виновника торжества. Ровно в 11 час. дня И. К. Айвазовский, в сопровождении таврического губернатора в должности шталмейстера П. М. Лазарева и городского головы Л. А. Дуранте, направился в концертный зал, приветствуемый по всему пути толпой народа. При приближении юбиляра к концертному залу музыка 52-го Виленского полка заиграла встречный марш, а при входе в зал вся публика, как один человек, поднялась с своих мест и приветствовала юбиляра долгими аплодисментами. По объявлении прерванного 21-го сентября заседания думы открытым, городской голова доложил собранию радостную весть о воследовавшей Царской милости – пожаловании Ивану Константиновичу Айвазовскому за 60-летнее служение искусству ордена Александра Невского. Продолжительные аплодисменты покрыли звуки исполненного хором музыки Виленского полка народного гимна. По окончании гимна приступлено было к чтению акта, а затем городской голова вручил юбиляру от городского общественного управления серебряный слиток, в виде палитры с выгравированным на нем актом. Когда городской голова объявил заседание думы закрытым, первым от себя лично и от населения Таврической губернии принес поздравление юбиляру г. таврический губернатор в должности шталмейстера П. М. Лазарев, затем пред юбиляром продефилировал целый ряд deputаций, и началось чтение адресов и произнесение приветствий, при чем среди них мы заметили депутацию от морского министерства и флота с контр-адмиралом Остелецким во главе, от Императорской академии художеств (А. П. Соколов), от министерства народного просвещения т. с. Эзов, от Императорского Общества поощрения художников принцессы Ольденбургской (адрес прочтен городской головой), от петербургского дамского кружка художников (г-жа Куриар), от Об-

щества южно-русских художников (г. Эгиз), от ялтинской городской думы (генер. Витмер), от московского Общества любителей-художников (г. Грушецкий), от петербургской армянской общины (кн. Бебутов), от местного духовенства (свящ. Васильев, Миронович, Иваницкий и Юрченко), от феодосийского уездного дворянства (Д. А. Булгаков), от перекопского дворянства (г. Карашайский), от евпаторийского дворянства, от местного мещанского общества (депутация из представителей всех национальностей с мещанским старостой г. Мердулли во главе), от местного караимского общества (с гахамом Пампуловым во главе), от местного армянского общества (с И. Г. Черниковым во главе), от уездной земской управы (с председателем губернской земской управы г. Щастливцевым во главе), от Виленского полка (командир полка генерал-майор Иваницкий и ассистенты), от местного карантина (начальник карантина Ю. Ю. Гюбнер), от таможи (управляющий таможей г. Дембровский), от еврейского общества (староста духовного правления М. Е. Цвибак при двух ассистентах), от татарского общества (г. Абийбулла Борали-оглу), от местной мужской гимназии, почетным попечителем которой состоит И. К. Айвазовский (с директором гимназии В. Ф. Гроллихом во главе), от учительского института, от Александровского девичьего училища, от ремесленной управы, от женской гимназии, от местной прессы, от «Московских ведомостей» и пр. В виду многочисленности deputаций, мы лишены возможности отметить все подробности, которыми сопровождалось принесение поздравлений и чтение адресов, многие из которых тронули юбиляра до слез. Особенно трогательна была депутация девочек из числа учениц бесплатного Александровского училища, состоящего под покровительством юбиляра, преподнесших ему букет живых цветов. Председательницей благотворительного Общества преподнесено юбиляру букет живых цветов, в виде палитры, весьма оригинальной работы. По окончании принесения поздравлений deputациями началось чтение телеграмм; приводим некоторые из них:

«В день исполнившегося шестидесятилетия художественной деятельности Вашей, прошу Вас, Иван Константинович, принять мое поздравление с знаменательным в жизни Вашей днем и пожелание надолго еще с свойственным Вам искусством изображать в полотне родственную всем нам стихию. Вице-адмирал Тыртов».

«Глубоко сожалею, что не могу посетить город, желаю Вам праздновать юбилей в XX столетии на славу русского искусства. Витте».

«Как старший представитель четвертого поколения моего рода горячих поклонников Вашего великого таланта, приношу Вам сердечные наши поздравления к юбилею шестидесятилетия Вашей высокохудожественной деятельности. Дай Бог Вам здоровья. Сенатор Август Герке».

«Примите сердечное поздравление и пожелание еще многих лет во славу искусства. Сенатор Кони».

«Главное правление Российского Общества спасения на водах шлет сердечное приветствие Вашему высокопревосходительству, своему высокоуважаемому члену, по случаю исполнившегося сегодня бо-тиялетия высокохудожественной деятельности и душевные пожелания, да хранит Вас Господь еще многие годы на славу русского искусства. Генерал-адъютант Посыет».

«Весьма сожалею, что тяжкая болезнь препятствует мне лично приветствовать Ваше высокопревосходительство, высокочтимый Иван Константинович, с знаменательным днем славного шестидесятилетнего служения Вашего искусству и дорогой родине. Молю Бога, да подаст он нам счастье еще долгие годы наслаждаться новыми созданиями Вашего вдохновения. Михаил, епископ Таврический».

«Хранители русского музея Императора Александра III, искренне сожалея, что не могут лично приветствовать дорогого юбиляра, шлют самые сердечные, самые задушевные пожелания еще на многие лета сохранить силу и энергию работать на славу искусства и отечества. Брюллов, Бенуа».

«Поздравляю нашего знаменитого юбиляра с бо-летием деятельности, и дай Бог ему еще на долгие годы здравствовать, чтобы радовать нас своим творчеством. В. Маковский».

Телеграмм получено свыше ста, которые мы лишены возможности привести из-за недостатка места.

Кроме адресов, помещенных в нашей газете, приводим еще некоторые приветствия.

Директор мужской гимназии В. Ф. Гролик сказал приблизительно следующее: «Ваше высокопревосходительство, высокочтимый Иван Константинович! Славное имя Ваше, составляющее гордость и украшение отечественного искусства, неразрывными узами связано с именем феодосийской мужской гимназии с первых дней ее существования и до ныне. Имея во главе уже 23-й год одного из великих людей всех времен, педагогическая коллегия феодосийской мужской гимназии гордится этой великой честью и высоко ценит редкое счастье, выпавшее на долю скромному учебному заведению, а потому считает своим приятнейшим долгом присоединиться сегодня, по случаю бо-тиялетия Вашей неутомимой и плодотворной, блестящей художественной деятельности, – к бесчисленным поклонникам и почитателям Вашего неувыдаемого таланта и выразить Вам чувства своего глубочайшего удивления и уважения, а равно свои сердечные благопожелания. Да сохранит Господь Бог свежесть Ваших физических и духовных сил, да продлит дни Вашей драгоценной жизни на славу великого нашего отечества, на гордость родного города и процветание близкой Вашему сердцу феодосийской мужской гимназии на многие годы».

Уездный предводитель дворянства Д. А. Булгаков сказал следующее:

«Глубокоуважаемый Иван Константинович! Сегодня Вы празднуете бо-летие Вашей художественной деятельности, на поприще которой Вы обессмерти-

ли свое имя, прославили родину и, в особенности, Ваш родной город Феодосию, в которой пребывали не одне тысячи соотечественников и не одне тысячи иностранцев, благодаря лишь Вашему великому таланту. Я очень счастлив, что на мою долю выпала высокая честь, как представителя дворян уезда и города Феодосии, к которому Вы принадлежите и составляете его гордость, приветствовать и поздравить Вас, многочтимый наш первый дворянин, маститый художник, с сегодняшним многознаменательным днем и пожелать Вам здоровья и продления Вашей славной деятельности на многие годы». К этому Д. А. Булгаков присоединил еще поздравление лично от себя.

Управляющий таможнею приветствовал Ивана Константиновича следующими словами: «От имени чинов местной таможни приветствуем Вас с юбилейным торжеством славной художественной бо-летней деятельности Вашей. Примите почтительнейшие поздравления и от меня старожила-феодосийца, с юных лет помнящего о славе художественного гения Вашего». Дальнейшие приветствия приведем в следующий раз.

Торжество закончилось в час дня. С 4-х часов дня, по распоряжению комитета по устройству праздника, на бульваре играл хор музыки Виленского полка. На 5 ½ час. дня назначен обед по подписке в честь юбиляра, а вечером состоялся бал от городского общественного собрания. Подробности будут помещены в следующем номере» [30].

Здесь же были опубликованы некоторые поздравительные адреса, врученные художнику. И. К. Айвазовскому был преподнесен выгравированный на изящном серебряном слитке в виде палитры «Акт чествования 26-го сентября 1987 г. бо-летнего юбилея художественной деятельности почетного гражданина города Феодосии профессора И. К. Айвазовского»:

«Этот акт чествования настоящего знаменательного дня здесь, на родине маститого юбиляра, в сонме родственных и дружественных ему лиц, среди восторженных сограждан, – есть, прежде всего, акт проявления величайшего единодушия в желаниях всего городского общества, во всех его бытовых, национальных и сословных разновидностях, объединенных в своем одушевлении неотразимым обаянием гения, чарующего мир вдохновенными произведениями художественного творчества и доблестями гражданина, преданного всеми силами своей любящей души благу родного города.

Феодосийская городская дума, в счастливый удел которой досталось быть выразительницей такого высокого общественного настроения, исполняя ныне заветное желание городского общества устройством настоящего юбилейного празднества и, проникнувшись сознанием великих заслуг, оказанных И. К. Айвазовским, в области отечественного искусства непрестанно, в течение бо лет обогащаемого драгоценными вкладками бессмертных произведений маститого художника, а также, благодарно памятуя об его благотворной деятельности на поприще высо-

кого общественного служения своей родине, засвидетельственной в адресе городской думы, поднесенном ему 17-го июля сего года, по случаю наступления 80-й годовщины его жизни, единогласно, в заседании 20-го сего сентября, постановила: «честь и слава дня 60-летней художественной деятельности почетного гражданина города Феодосии, ее уроженца, профессора И. К. Айвазовского, увековечить в памяти потомства, во-первых, учреждением имени его стипендии для предоставления возможности получить специальное образование тем лицам из числа местного юношества, которые проявят свои выдающиеся способности в области прославленного гением юбиляра искусства, и, во-вторых, устройством на окраине города училища для удовлетворения потребностей в начальном образовании части городского населения, наиболее нуждающейся в нем, с наименованием его «училищем Айвазовского».

Самый же способствования этого знаменательного дня установлен следующий: городская дума, в полном ее составе, не закрывая настоящего собрания, является в торжественное заседание, назначенное в городском концертном зале, где, по прочтении акта, в присутствии приглашенного в это заседание юбиляра, приносит ему от лица городского общества сердечное приветствие с торжественным днем его жизни, преподнеся, вместе с тем, приведенное выше постановление думы, изображенное на серебряном слитке, изготовленном в форме палитры; затем по окончании приветствий от всех имеющих прибыть для сего депутатий, собрание закрывается, и в этот же день устраивается юбиляру, по подписке между гражданами города, общественный обед, а вечером все общественные здания и памятники, существование которых связано с именем чествуемого юбиляра, украшаются иллюминацией их. Акт этот издан в заседании феодосийской городской думы 20-го сентября 1897 г.» Подписан городским головою и гласными.

Художник Соколов преподнес И. К. Айвазовскому адрес от академии художеств: «Императорская академия художеств с радостью приветствует Вас, высокочтимый Иван Константинович, в торжественный день исполнившегося 60-летия Вашей плодотворной и славной художественной деятельности. Блистательное служение Ваше на славу отечественного искусства, вызывая единодушное чествование Вас многочисленными Вашими почитателями, создаст светлую страницу в истории русского искусства, будучи вместе с тем живым примером для грядущих поколений художников того всеобщего и единодушного поклонения, которое возбуждает истинный талант и неутомимый труд в светлой области искусства.

Императорская академия художеств шлет Вам в этот высокочтимый день свои лучшие благопожелания». Адрес подписан Августейшим президентом Великим Князем Владимиром Александровичем, вице-президентом графом Толстым и, кроме того, подписан многими почетными и действительными членами.

Депутат от петербургской колонии армян князь Бебутов преподнес И. К. Айвазовскому изящно выполненный адрес, окруженный художественной акварельной виньеткой работы архитектора Набокова. На адресе были обозначены инициалы юбиляра и пальмовая ветвь, как эмблема вечности; папка, в которую был заключен адрес, не уступала последнему в художественном исполнении и выделялась своей оригинальностью: «Милостивый государь Иван Константинович! Петербургская армянская община, с гордостью вспоминая пребывание Ваше в ее среде, приносит Вам почтительнейшие поздравления с исполнившимся сегодня шестидесятилетием Вашей славной деятельности, когда Вы гением и трудом стяжали себе бессмертие.

Община наша, свидетельница первых успехов Ваших на поприще служения искусству, горячо молит Всевышнего о сохранении Вашей драгоценной жизни на долгие годы».

Депутация с мещанским старостой Е. Д. Мердулли во главе преподнесла художнику адрес, вложенный в изящную папку: «Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый Иван Константинович!

В среде нашего феодосийского мещанского общества, несомненно, найдутся современники дня рождения Вашего здесь в Феодосии, – на глазах же большинства из нас Вы с юношеских лет развивали в себе доблестные качества образцового гражданина и недостижимый художественный талант.

Оценка деятельности Вашей, как гражданина, на пользу родного нам города, доступна каждому из нас, так как в истории процветания его повсюду мы видели Ваш почин и Вашу неустанную энергию.

Не менее доступно нам понимание и Вашего художественного гения, потому что мы родились и выросли, как и Вы, на берегу того самого Черного моря, которое мы изучили в его природе и олицетворение которого в Ваших художественных произведениях поражает весь образованный мир, изумленный Вашей гениальностью.

Поэтому в сегодняшний знаменательный день 60-летия Вашей художественной деятельности мы просим принять и наш привет, дышащий правдой, и наше искреннее пожелание, – да продолжатся дни Ваши на дальнейшее прославление родного нам города и отечественного искусства на многие лета».

Депутация во главе с караимским гахамом г. Пампуловым преподнесла адрес от караимского общества, заключенный в дорогую папку художественной работы: «Ваше высокопревосходительство, высокочтимый Иван Константинович!

Сегодня, в торжественный день Вашей славной художественной деятельности, когда со всех концов просвещенного мира слышатся восторженные приветствия Вашему славному гению, позвольте феодосийскому караимскому обществу присоединиться к этому радостному излиянию искренних пожеланий и выразить Вам наполняющие наши сердца чувства глубочайшей признательности и уважения. Ваше вы-

сокопревосходительство! Феодосийское караимское общество с благодарностью вспоминает, что всякий раз, когда в трудные минуты обращалось к Вам за содействием или советами, Вы своим просвещенным умом, направляли нас, и при Вашем содействии наши пожелания достигали намеченной цели. Мы с детства привыкли Вас видеть покровителем нашего родного города и всегда готовым помочь ближнему. Вот почему наше караимское общество, видя Вас в полной силе Вашей деятельности, в ознаменование сегодняшнего торжества, преисполненное чувством беспредельной радости, постановило учредить при караимском Александровском училище стипендию Вашего высокого имени, дабы будущее поколение караимов помнило, какое теплое и благодарное чувство питает наше общество к гениальному художнику и великому человеку».

Депутация в составе П. Л. Кранцфельда, М. Е. Цвибака, И. С. Гуревича и доктора Самуильсона преподнесла адрес от еврейского общества. Адрес был заключен в художественной работы папку, на которой был изображен свиток священного писания (торы) из накладного серебра с выгравированными эмалью печатными словами 10 заповедей: кругом украшения соответствующая надпись. «Ваше высокопревосходительство, глубокочтимый Иван Константинович!

Сегодня, в торжественный день шестидесятилетнего юбилея Вашей славной художественной деятельности, общество евреев г. Феодосии присоединяется к многочисленным приветствиям и воздаяниям должного Вашему выдающемуся таланту на поприще столь блистательного служения высокому искусству.

Ваши замечательные произведения создали Вам, глубокоуважаемый Иван Константинович, почетную известность; славное имя Ваше, как великого мастера кисти, прославлено далеко за пределами отечества.

Мы же, местные жители, с отрадой отмечаем еще другую сторону Вашей жизни, обращенную непосредственно к нам. Эта сторона – Ваша гуманность и отзывчивость на все, что требует помощи, что нуждается в покровительстве.

Выдающийся талант художника гармонически сочетался в Вас с добрым сердцем и отзывчивой душой. Гениальной кистью Вы до иллюзии правдиво воспроизводите игру света и тени в волнах моря, а чутким сердцем отзываетесь на нужды Ваших сограждан.

Примите же, высокочтимый Иван Константинович, подносимое нами теперь изображение тору, нашей величайшей святыни, как выражение глубокого уважения, которое общество евреев города Феодосии питает к Вам, и да продлит Бог дорогую нам жизнь Вашу на многие и многие годы на славу отечественного искусства и на благо Ваших сограждан» [31].

О продолжении праздника сообщает корреспонденция «Крымского вестника» от 30 сентября 1897 под названием «К юбилею И. К. Айвазовского. Обед от городского общества»: «В 5 ½ часов вечера городское общество чествовало обедом своего маститого юбиляра И. К. Айвазовского. Благодаря освещению,

роскошно декорированный зал принял еще более причудливый вид, и уже с 5 часов зал стал наполняться публикой, среди которой была масса приезжих. Столы, изящно сервированные, накрыты были на 270 кувертов, и по этому можно судить о числе лиц, принявших участие в обеде. В 6 часов вечера юбиляр занял место за столом, имея с правой стороны г. таврического губернатора шталмейстера П. М. Лазарева, а с левой – члена Государственного Совета т. сов. Тернера, рядом с которым занимала место А. Н. Айвазовская, а рядом с П. М. Лазаревым – председательница петербургского дамского художественного кружка; vis-a-vis виновника торжества заняли места городской голова Л. А. Дуранте, и караимский гахам Пампулов. Когда подали шампанское, г. таврический губернатор поднял бокал за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы и всего Царствующего Дома, и тост этот покрыт был восторженным «ура», затем И. К. Айвазовский пил за Августейшего президента академии художеств, губернский предводитель дворянства г. Скадовский – за здоровье Ее Высочества Принцессы Евгении Ольденбургской, Д. А. Булгаков – за здоровье И. К. Айвазовского, а контр-адмирал Остелецкий – за управляющего морским министерством г. Тыртова. Затем начались речи: городской голова Л. А. Дуранте, подняв бокал, сказал, что «настоящее торжество особенно дорого для жителей Феодосии, давно уже собиравшихся выразить свою признательность и благодарность Ивану Константиновичу. Десять лет тому назад Императорская академия художеств достойным образом отпраздновала 50-летний юбилей Ивана Константиновича, академия имела преимущественное право на этот день, так как Иван Константинович прежде всего принадлежит всей России. Сегодня же мы дождались 60-летнего юбилея, и городское общество принесло юбиляру свое посильное подношение. Позвольте же принести Вам нашу сыновнюю любовь и назвать Вас отцом города. За здоровье отца города Ивана Константиновича!» Оглушительное и долго несмолкавшее «ура» было ответом на этот тост. В этот момент взвился занавес, и на освещенной магнией сцене Феодосия, в образе женщины, венчала венком славы бюст юбиляра. По требованию публики, картина трижды была повторена.

И. К. Айвазовский, в ответ на этот тост, пил за процветание Феодосии и за здоровье городского головы. Свой тост Иван Константинович закончил восклицанием: «Да процветает наша Феодосия!»

Следующий за тем тост, провозглашенный городской головой за здоровье таврического губернатора П. М. Лазарева, которому Феодосия всецело обязана своим быстрым развитием, принят был с большой восторженностью; затем городской голова поднял бокал за представителей депутатий, почтивших своим посещением Феодосию, чтобы чествовать юбиляра, и за прибывших гостей с почетным гостем г. Тернером во главе.

Г. таврический губернатор еще раз пил здоровье И. К. Айвазовского, а тайный советник Тернер пил за

здоровье подруги жизни Ивана Константиновича, Анны Никитичны Айвазовской.

Интересный по своему содержанию спич произнес затем директор мужской гимназии В. Ф. Гроллих. «Не многие города, – говорил оратор, – могут считать свое существование тысячелетним, как Феодосия; город этот видал славу и могущество, богатство и роскошь, разорение и нищету. Но Феодосия пережила все удары судьбы и, как сказочный феникс, возродилась из праха и собственного пепла». Указав затем на падение древней генуэзской Каффы, оратор коснулся нового возрождения Феодосии и указал на участие юбиляра в этом возрождении, на которое он взирал с радостью, и следы его деятельности видны повсюду. Охарактеризовав деятельность Ивана Константиновича в интересах народного просвещения, г. Гроллих поднял бокал за здоровье великого маэстро и попечителя гимназии И. К. Айвазовского. В. Н. Алтухов в своем спиче указал, что 60 лет тому назад Иван Константинович написал чудную картину «Штиль», и тогда же он был признан художником крупной величины. С этого момента он совершает триумфальное шествие по Европе и даже Америке и правители государств, короли и народы рукоплещут все более развивающемуся таланту художника. «Десять лет тому назад на мою долю выпала честь сопровождать Ивана Константиновича на 50-летний юбилей, отпразднованный в Петербурге Императорской академией художеств; тогда ему пожалован был орден св. Владимира и грамота о признании его членом художественной академии; Великий Князь облобызал Ивана Константиновича, и, будучи очевидцем всего этого, мне казалось, что Иван Константинович достиг апогея своей славы. Но прошло еще 10 лет, и Иван Константинович с неустанной энергией продолжает свое триумфальное шествие «От штиля к буре», и под таким названием в последнее время он написал великолепную картину. Шестидесятилетие его художественной деятельности празднуется нами сегодня здесь, в его родном гнезде, среди его родных и любящих граждан, чествующих его и как своего великого гражданина; и в этой роли великого гражданина Иван Константинович в течение 60 лет также совершил триумфальное шествие от штиля к буре; от тихого захолустного городка на берегу Черного моря, благодаря его неустанной энергии и заботливости, мы видим расцветающий город с бурной деятельностью порта, шумящие паровозы,двигающие вагоны, пароходы в порте и пр.; там, где не было воды, мы видим целый поток прекрасной субашской воды, подаренной городу Иваном Константиновичем. Пусть же Черное море, омывая берега нашего города и переходя от штиля к буре, напоминает отдаленным потомкам нашим о ве-

ликом художественном гении и великом гражданине. Пусть Иван Константинович продолжает свое триумфальное шествие с той же славой, энергией, а мы, подняв бокал, желаем долголетия нашему великому художнику и именитому гражданину!»

В ответ на тост французского консула г. Бертрема⁴⁸, г. таврический губернатор произнес тост на французском языке и закончил его восклицанием: «Vive la France». Восклицание это восторженно подхвачено было публикой, по требованию которой оркестром дважды исполнен был французский гимн.

После дальнейших спичей началось чтение чуть ли не ежеминутно получавшихся телеграмм, между прочим, от Великой Княгини Александры Иосифовны, от католика всех армян, от художника Зичи, от И. Дурново, от вице-губернатора Истинского, от редакторов Суворина и Нотовича, из Венеции от св. Лазаря Мекатеристи⁴⁹, из Москвы Строгановского центрального училища, от старо-крымского городского населения и масса других. Немного позже получила телеграмма от Ее Императорского Величества Вдовствующей Государыни Императрицы Марии Федоровны, от графа Делянова, от М. Островского, от контр-адмирала Лаврова, от московского Румянцевского музея, от многих артистов Императорской сцены и масса других; приводим одну из этих телеграмм:

От министра народного просвещения графа Делянова. «Чего Вам пожелать? У Вас все есть, и кроме того, Вы выделяетесь от других смертных огромным талантом; дай Бог, чтобы он еще долго светил на радость всем. Граф Делянов».

Во все время обеда играла румынская капелла и хор музыки Виленского полка; обед затянулся до 9 часов вечера, и гости, оставив зал, перешли в устроенный при зале садик, роскошно в этот вечер иллюминированный; бесчисленное множество разноцветных фонариков превратило сад в нечто сказочное; тут же зажжен был фейерверк, и особенно удался зажженный вензель юбиляра. В 10 часов вечера начался съезд на бал от городского общественного собрания. При появлении юбиляра распорядители накрыли его венком славы, и он был приветствован многочисленной публикой продолжительными аплодисментами. С 11 часов вечера начались танцы, и изящные дамские наряды и их бриллианты затмили блеск золота офицерских эполет. Танцы закончились в 4 часа ночи» [32].

Здесь же были опубликованы многочисленные приветствия юбиляру: «Южно-русские художники прислали следующее приветствие:

«Высокопочтимый профессор Иван Константинович! Позвольте в этот знаменательный для Вас и для многочисленных почитателей Ваших день, в этот день праздника русского искусства, приветствовать Вас и от имени товарищества южно-русских художников, имеющего высокую честь считать Вас своим действительным членом. Слово бледно для выражения всех тех заслуг, какими преисполнена Ваша славная 60-летняя художественная и общественная деятельность».

⁴⁸ Вероятно, Луи Алексис Бертрэн (1851-1918), писатель и краевед, живший в Феодосии и исполнявший должность французского, турецкого и испанского вице-консулов.

⁴⁹ Армяно-католический монастырь мхитаристов на острове св. Лазаря в Венеции.

Значение Ваше для искусства, в истории которого гений Ваш занимает совершенно самобытное и первенствующее место, уже давно оценено не только в России, но и во всем художественном мире.

На глазах Ваших созревало искусство в России, а процветанию его Вы много способствовали Вашим деятельным участием. Своей неустанной, плодотворной деятельностью, неиссякаемым творчеством Вы составляете исключительное явление в среде русских художников; художественная память Ваша также не имеет себе равную.

Популярность Ваша теперь так велика, что смело можно сказать – нет интеллигентного человека, не знающего славного имени маститого мариниста, истинного художника-поэта Ивана Константиновича Айвазовского, составляющего высочайшее украшение для искусства.

Находясь на высоте своего призвания, Вы никогда не забывали молодых, начинающих художников: поддерживая их щедрой благотворительностью и добрыми советами, Вы заслужили наряду с именем величайшего художника и имя добрейшего человека.

Да сохранится же еще на многие годы бодрость духа Вашего, дабы и впредь Вы продолжали наделять искусство образцовыми произведениями, а неутомимая энергия Ваша пусть по прежнему служит путеводной звездой всем молодым художникам».

От местного армянского общества особой депутацией, с Г. И. Черниковым во главе, был поднесен адрес, вложенный в ценную папку, выделяющуюся художественным исполнением имеющихся на ней палитры и пальмовой ветви, – следующего содержания: «Высокоуважаемый Иван Константинович!

Ваши соплеменники феодосийцы с чувством невыразимой радости приветствуют Вас сегодня с исполнением шестидесятилетия художественной деятельности.

Ровно десять лет тому назад они, ближайшие свидетели беспримерного роста Вашего таланта, были очевидцами всемирного преклонения пред неувядаемой славой Вашей гениальной кисти и сегодня вновь видят перед собою Вас все так же неутомимого и окруженного еще большим ореолом славы.

Этот праздник Вашего гения есть вместе с тем и праздник славы и гордости всего народа, из среды которого Вы вышли.

Да послужит ему назидательным примером Ваше непреклонное трудолюбие на поприще искусства, которого судьбу Провидение доверчиво вручило Вам.

Да сохранит Господь еще на долгие годы бодрость духа Вашего и Ваши физические силы, дабы Вы продолжали быть гордостью глубоко почитающего Вас феодосийского армянского общества» [33].

В официальном отделе «Крымского вестника» от 28 сентября 1897 года была опубликована «Высочайшая грамота Нашему действительному статскому советнику, почетному члену Императорской академии художеств, причисленному к морскому ведомству со званием живописца, профессору живописи Ивану

Айвазовскому»: «В награду шестидесятилетней художественной деятельности, обогатившей русское искусство образцовыми произведениями, Всемилостивейше пожаловали Мы вас кавалером Императорского ордена нашего святого благоверного Велико-го Князя Александра Невского, знаки коего, при сем препровождая, повелеваем вам возложить на себя и носить по установлению. Пребываем к вам Императорскую милостию Нашею благосклонны.

На подлинном Собственного Его Императорского Величества рукою написано: «Николай». Дармштадт, 26 сентября 1897 года» [34].

На следующий день, 27-го сентября, в 12 часов дня у И. К. Айвазовского состоялся завтрак, на который были приглашены иногородние гости, представители печати и весь состав комитета по устройству юбилейного праздника. Как сообщает очередная корреспонденция «Крымского вестника»: «Столы накрыты были в картинной галерее профессора, и развешенные по стенам дивные произведения его кисти были, конечно, лучшие украшения зала. Центральное место за столом заняла супруга юбиляра, Анна Никитична, имея с правой стороны г. таврического губернатора, а с другой – т. с. Тернера; виновник торжества занял место напротив. Первый бокал поднят был И. К. Айвазовским за здоровье Государыни Императрицы Марии Федоровны, осчастливившей юбиляра телеграммой, текст которой тут же был доложен. Громкое «ура» и звуки народного гимна были ответом на этот тост. Затем последовали тосты Ивана Константиновича за таврического губернатора, а другой тост за членов комитета по устройству праздника; городской голова Л. А. Дуранте пил за здоровье супруги юбиляра А. Н. Айвазовской, контр-адмирал Остелецкий – за здоровье юбиляра от лица флота; предводитель дворянства Д. А. Булгаков – от лица феодосийских дворян. Губернский предводитель дворянства г. Скадовский в своем спиче за здоровье юбиляра указал, что еще при Петре Великом сознана была мысль, что моря соединяют, а не разъединяют народы, и все заботы его направлены были к тому, чтобы Россия была и морской страной. Иван Константинович познакомил всю Россию с морем и заставил нас любить море. «Пью за здоровье Ивана Константиновича, как популяризатора идеи Петра Великого!»

Весьма прочувствованное слово по адресу юбиляра произнес глава русских караимов, гахам С. М. Пампулов: «Обращаясь к Вам, – говорит г. Пампулов, – я не буду говорить ни о Вашем дивном художественном гении, ни о волшебной силе Вашей кисти, ни о Вашем великом значении в истории искусства. Тут мои слова были бы лишь повторением того, что так хорошо известно всему миру, как простая аксиома, повторением того, что так красноречиво говорили компетентные ценители Вашего таланта. Скромные мои слова коснутся лишь той чрезвычайно гуманной, симпатичной черты Вашего характера, проявлявшейся в ежедневных Ваших отношениях к окружающей Вас малой братии. Стоя так высоко и в мире искусства,

и на гражданской общественной лестнице, Вы всегда снисходили ко всем, кто искал у Вас совета или помощи, и они всегда получали от Вас и добрый, мудрый совет, и нужную помощь. Вы не делали различий ни между племенами, ни религиями. Это я могу подтвердить тем благосклонным вниманием, которым Вы, добрейший Иван Константинович, всегда оказывали, между прочими национальностями, и моим единоплеменникам караимам как феодосийским, так и иногородним. Вы содействовали им в их общественных вопросах, и во многих случаях приходили им на помощь в их частных делах. Выражая Вам искреннюю благодарность от всех караимов, призываю на Вас Божье благословение, да дарует Он Вам еще много лет. Поднимаю бокал за Ваше, Иван Константинович, здоровье!» Тост этот встречен был с большой восторженностью.

К концу завтрака началось чтение телеграмм, число которых росло, положительно, как снежный ком; всего получено было около 600 телеграмм, и читать все, конечно, не было возможности. Между прочим, получены были телеграммы из Петербурга от Гнедича, из Одессы от товарищества художников, из Петербурга от фон Гюббенета, от вице-адмирала Дикова, от Петра Куинджи, от Леонида Майкова, от многих еженедельных иллюстрированных и сатирических журналов, от различных газет и друг. Весьма оригинальна телеграмма журнала «Шут» следующего содержания: «Да здравствует патриарх Черного моря!» Одно перечисление фамилий лиц и названий многих учреждений, приславших поздравления, отняло массу времени, и завтрак затянулся до 3-х часов дня.

С 9 часов вечера начался съезд гостей на раут, устроенный Иваном Константиновичем и Анной Никитичной Айвазовскими. На железнодорожной территории, напротив дома Ивана Константиновича, горел из шкаликов вензель с инициалами юбиляра; вензель этот поставлен был по распоряжению управляющего курско-харьковско-севастопольской железной дороги; под окнами здания играл хор музыки Виленского полка. К 10 часам вечера все залы огромного здания переполнены были публикой, гостей можно было насчитать около 600 человек. Около этого времени воспитанники местной гимназии устроили факельное шествие и с своим хором музыки продефилировали мимо дома И. К. Айвазовского. Когда воспитанники остановились пред окнами, на балконе появился юбиляр и принял от них поздравление с Монаршей милостью. В ответ на слова юбиляра: «Да здравствует Его Императорское Величество!» – раздались «ура» и музыка исполнила народный гимн; затем воспитанники пропели «Многия лета» юбиляру и после его приветственных слов удалились под звуками марша. По приглашению гг. распорядителей, публика перешла в картинную галерею, освещенную электричеством, специально устроенным к этому вечеру. Здесь присутствующих ожидало оригинальное зрелище: когда взвился занавес, на ярко освещенной сцене, в живописной группе, стояло около 25 человек мужчин

и дам, разодетых в разных национальных роскошных костюмах; лица эти приняли участие в изображении карнавала, сопровождавшегося характерными танцами, пением и пр.; карнавал закончился «битвой цветов», и появление на сцене весьма оригинальной цветовой тележки вызвало бурю восторга. По окончании карнавала начались танцы, затянувшиеся до 3-х часов ночи. Такого оживленного и блестящего собрания, как бывшего вчера, Феодосия не запомнит. Дамы щеголяли роскошными нарядами. Нечего говорить о том, что гостеприимство хозяев было беспредельно. Во втором часу ночи маститый юбиляр лично подходил ко всем, приглашая гостей к ужину, устроенному а la fourchette. Раньше чем пробраться к выходу, каждый из присутствующих должен был пройти сквозь целый строй распорядителей, осведомлявшихся о желаниях гостей. К 3 часам закончился разъезд, и этим закончилось торжество, которое Феодосия долго не забудет» [35].

После того, как отгремели юбилейные торжества, газета «Крымский вестник» еще несколько раз по горячим следам возвращалась к этому событию. В номере газеты от 3 октября 1897 было опубликовано следующее дополнение: «Командир 52-го пехотного Виленского полка во главе депутации приветствовал 26-го сентября юбиляра И. К. Айвазовского следующими словами: «Позвольте от имени наших товарищей-военных принести Вам искреннейшие поздравления с знаменательным днем шестидесятилетия вашей художественной деятельности. Произведения вашего гения, рассеянные по картинным галереям, дворцам и салонам всего цивилизованного мира, на веки будут служить несокрушимым памятником вашего имени и таланта. Но цивилизованный мир никогда достаточно не насытится зрелищем прекрасного, почему позвольте, высокоуважаемый Иван Константинович, высказать пожелания, чтобы ваш гений еще долго и долго служил ярким светочем искусства, и чтобы вы в течение еще многих и многих лет находили в себе силы дарить мир все новыми и новыми, всегда высокопрекрасными произведениями вашей волшебной кисти».

В отчете о торжестве празднования 60-летнего юбилея И. К. Айвазовского нами упущена была депутация от феодосийской женской гимназии с начальницей гимназии М. О. Котляревской во главе, при чем г-жа Котляревская обратилась к юбиляру с следующим приветствием: «В знаменательный день 60-летия Вашей художественной деятельности позвольте и нам, глубокоуважаемый Иван Константинович, представителям женской гимназии, выразить Вам наше сердечное приветствие и поздравление и самые горячие пожелания, да продлит Всевышний на многие годы Вашу драгоценную жизнь, на счастье, славу и гордость родного города и всего света бесчисленных поклонников и почитателей Вашей гениальной кисти». После произнесения приветствия двумя гимназистками преподнесен был юбиляру роскошный букет живых цветов» [36].

В разделе «Хроника» «Крымского вестника» от 4 октября 1897 года было опубликовано следующее сообщение: «В ознаменование юбилея Айвазовского учреждается: 1) стипендия имени юбиляра для фео-досийцев, проявивших способность к художеству; 2) открывается городское Айвазовское училище и 3) две стипендии в частной школе Эгиз» [37].

Еще одно дополнение к предыдущим публика-циям появилось в «Крымском вестнике» от 7 октяб-ря 1897 года под заголовком «Отголоски юбилея И. К. Айвазовского»: «На юбилее И. К. Айвазовского большинство речей так или иначе приурочивались к «морю». Одною из наиболее удачных в последнем смысле следует считать речь представителя дворянс-тва С. Б. Скадовского, которую мы и приводим це-ликом: «Господа! Великий Петр – первый из русских царей понял громадное значение моря в экономи-ческой и политической жизни народов. Великий Петр прорубил окно в Европу и создал русский флот. Но ге-ний Петра создавал, что даже его могучее слово без любви к делу исполнителей не разовьет любимого им дела, и он создал невскую флотилию, послужившую прототипом всех яхт-клубов. Трудно было Петру и его сподвижникам внушить искони сухопутным россия-нам любовь к морю; да оно и понятно, Русь жила всег-да вдали от моря, как же она могла любить его?! Иван Константинович! Вот уже шестьдесят лет, как Вы нам показываете это море, во всей его красе и блеске, и заставляете нас любить его. В самом деле, ведь стоит только человеку, даже никогда не видевшему моря, взглянуть на любую Вашу картину, чтобы тотчас же полюбить его. Так продолжайте же еще многие годы развивать в нас Вашими чудными картинами любовь к морю. И пусть, благодаря этой любви, Россия станет не только могущественной сухопутной, но и могущес-твеннейшей морской державой, и пусть русский воен-ный и коммерческий флаг гордо развивается в портах всего мира...» [38].

В конце 1897 года имя И. К. Айвазовского еще несколько раз упоминается на страницах «Крымско-го вестника». В номере газете от 8 октября 1897 года опубликована корреспонденция из Феодосии под заголовком «Выборы попечителя гимназии»: «В со-единенном заседании уездного земского собрания феодосийской городской думы, происходившем вче-ра в помещении земства, произведены были выборы попечителя феодосийской мужской гимназии, при чем избранным оказался единогласно д. с. с. про-фессор И. К. Айвазовский» [39]. На открывшемся 6 октября 1897 года феодосийском земском собрании «Собрание выслушало мнения происходившей нака-нуне совещательной комиссии об открытии в Старом Крыму амбулатории имени д. с. с. И. К. Айвазовского и о передаче феодосийской земской больницы городу Феодосия с субсидией земства в 6 тысяч рублей в год. Первый вопрос – об открытии в Старом Крыму амбу-латории – принят был собранием без возражений, – по второму же возникли продолжительные и совсем неожиданного свойства, прения» [40].

Список литературы

1. Крымский вестник, 30 марта 1897, № 84.
2. Крымский вестник, 5 апреля 1897, № 90.
3. Крымский вестник, 7 апреля 1897, № 92.
4. Крымский вестник, 17 апреля 1897, № 99.
5. Крымский вестник, 24 мая 1897, № 135.
6. Крымский вестник, 22 июня 1897, № 162.
7. Крымский вестник, 17 июля 1897, № 185.
8. Крымский вестник, 18 июля 1897, № 186.
9. Крымский вестник, 19 июля 1897, № 187.
10. Крымский вестник, 22 июля 1897, № 190.
11. Крымский вестник, 24 июля 1897, № 192.
12. Крымский вестник, 25 июля 1897, № 193.
13. Крымский вестник, 27 июля 1897, № 195.
14. Крымский вестник, 18 августа 1897, № 211.
15. Крымский вестник, 17 сентября 1897, № 242.
16. Крымский вестник, 2 сентября 1897, № 229.
17. Крымский вестник, 10 августа 1897, № 208.
18. Крымский вестник, 23 августа 1897, № 220.
19. Крымский вестник, 6 сентября 1897, № 233.
20. Крымский вестник, 10 сентября 1897, № 236.
21. Крымский вестник, 11 сентября 1897, № 237.
22. Крымский вестник, 14 сентября 1897, № 240.
23. Крымский вестник, 17 сентября 1897, № 242.
24. Крымский вестник, 20 сентября 1897, № 245.
25. Крымский вестник, 21 сентября 1897, № 246.
26. Крымский вестник, 24 сентября 1897, № 249.
27. Крымский вестник, 25 сентября 1897, № 250.
28. Крымский вестник, 26 сентября 1897, № 251.
29. Крымский вестник, 28 сентября 1897, № 253.
30. Крымский вестник, 28 сентября 1897, № 253.
31. Там же.
32. Крымский вестник, 30 сентября 1897, № 255.
33. Там же.
34. Там же.
35. Крымский вестник, 1 октября 1897, № 256.
36. Крымский вестник, 3 октября 1897, № 257.
37. Крымский вестник, 4 октября 1897, № 258.
38. Крымский вестник, 7 октября 1897, № 261.
39. Крымский вестник, 8 октября 1897, № 262.
40. Крымский вестник, 11 октября 1897, № 265.

Армяно-католическая община Карасубазара в конце XVIII века. По архивным материалам

Конфессиональная структура Крыма конца XVIII в., т.е. в период перехода Таврики из Османского мусульманского владычества под управление Российского православного государства, остается малоизученной темой. Большинство исследователей этнической и политической истории ограничиваются характеристикой отношений православных и мусульманских общин. Отчасти это верно, учитывая численность приверженцев данных религиозных убеждений. Однако, в Крыму существовали и религиозные организации национальных меньшинств, оказавших существенное влияние на культурное и экономическое развитие полуострова. В частности, к ним относятся армянские общины, разделенные в конфессиональном отношении на приверженцев армянской апостольской церкви и униатов армяно-католиков. Сложность освещения истории религиозной общины последних связана с очень ограниченным числом документов, а главное, с непродолжительностью ее существования.

Группа документов, находящихся в архиве [5], касается возвращения армян-переселенцев или так называемых Новомосковских армян в Таврическую область из Екатеринославского наместничества в 1789–1790 гг. Судя по рапортам, в основном это армяно-католики, прибытие которых регистрировалось в Карасубазаре и частично в Евпаторийском и Перекопском уездах.

Необходимо упомянуть, что во время переселения христиан из Крыма в 1778-1779 гг., для армянского общества были выделены земли в Поднепровье. Однако более половины из переселенцев, неудовлетворенные условиями, после обращения архиепископа Иосифа Аргутинского к Екатерине II и получения высочайшей грамоты от 14 ноября 1779 г. [15, т. XX, № 14942, с. 878 - 879], направилась в устье Дона, где основала город Нор-Нахичеван. Причем, армяно-католики, в основном, остались в Екатериновлавлe, получили обширные льготы, предусмотренные «Жалованной грамотой, вышедшим из Крыма Христианам Римско-Католического закона в Азовскую губернию на поселение» от 14.11.1779 г. [15, т. XX, № 14943, с. 879 - 881]. Учитывая, что данные льготы распространялись на всех армян-униатов, вышедших из Крыма, независимо от избранного места поселения, часть из них переместилась в западные губернии. Что касается Северного Кавказа, то здесь они в основном были представлены беженцами из Турции и Персии и только частично выходцами из Крыма [16].

Говоря о переселенцах армяно-католиках, следует отметить дарованные им Грамотой равные права с армянами, приверженцами апостольской церкви. Екатерина II, продолжая официально веротерпимую политику Петра по отношению к католикам, тем не менее, создала все необходимые условия для ограничения влияния Папы на ее подданных. В полной мере это касалось и армян-униатов, которые оказались в юрисдикции Могилёвской епархии во главе с архиепископом С.Сестренцевичем [2, с.28-31]. Одновременно, после завоевания Крыма Россией иезуитский орден, пользовавшийся длительное время поддержкой итальянцев и даже татарских ханов в Крыму, потерял всякое влияние в регионе. [13, с. 466-467]. Вопрос же о создании отдельной армянской униатской епископии в конце XVIII в. вообще не рассматривался. К нему вернулись только через 30 лет.

Как мы уже отметили выше, присоединение Крыма к России вызвало новую волну миграции и стремление армянского населения вернуться обратно на обезлюдивший полуостров. Причем этот процесс начался намного раньше известного манифеста 1798 г. о заселении Крыма иностранными колонистами, предоставляющего широкие льготы поселенцам без учета этнической принадлежности и вероисповедания. В результате, в конце XVIII – начале XIX в. в Крыму возрождаются армянские общины. Свообразным центром на начальном этапе для репатриантов армяно-католиков стал Карасубазар. Здесь был учрежден Армянский магистрат и Суд Римского закона [15, т. XXI, № 15700, с. 890]. Магистрат состоял из председателя, четырех заседателей, секретаря и четырех урядников. Общая сумма на его содержание составляла 1418 рублей в год. Суд Римского закона формировался из председателя, двух заседателей и секретаря. Годовая сумма на содержание чиновников составляла 818 рублей [2, л.69].

В то же время необходимо отметить, что возвращение репатриантов в Крым было не столь радужным. В указанном уже нами деле, в материалах Казенной палаты упоминается о крупных долгах государству со стороны армян, переселенных из Крыма в 1779 г. в Новомосковск (Екатеринославль), т.е. средств, полученных на строительство домов, лавок и пр. [2, л.156]. Мы можем только предположить, что льготы, предоставленные армяно-католикам, оплата строительства домов, касались за-

крепившихся на новом месте переселенцев, а не тех кто принял решение о возвращении на родину [15, т. XX, № 14943, с. 879 - 881].

Вероятно, именно с данными проблемами связана вторая группа документов, находящаяся в фонде Канцелярия Таврического областного правления, в которых речь идет о возвращении имущества армян-репатриантов [6; 7]. В деле «О возврате во владение выбывшими из Таврической области греками и армянами собственных домов, лавок и прочего» сосредоточены рапорта вернувшихся из вынужденной эмиграции жителей Карасубазара, с просьбами вернуть дома и имущество [6]. Как следует из материалов дела № 123 [7], ранее принадлежавшие вышедшим из Крыма грекам и армянам дома, и брошенные ими на момент исхода, сформировали вакуфное имущество приписанное к мечети, также перестроенной из бывшего армянского храма Св. Богородицы. Следует отметить, что в рапортах и коллективных прошениях на имя П.И.Сарандова и С.С.Жегулина имеются расхождения. В одних прошениях утверждается, что упомянутый храм Св. Богородицы был построен при Шагин-Гирее, в других, вероятно для весомости, говорится, что ему более 400 лет. В последнем коллективном письме на имя Таврического правителя указывается, что в переговорах с муфтием и кадиаскером, не удалось достичь компромисса. Говорится, что камнем преткновения стал доход, приносимый вакуфным имуществом – не менее 600 рублей в год. Муфтий считает, что возврат здания мечети противоречит Закону мусульманскому, но согласен рассмотреть вопрос, если будет распоряжение российских властей и предоставлена компенсация имущества, приносящего доход. В связи с этим, представители армянской общины откровенно высказали сомнение, что вопрос будет решен властями в их пользу.

Надо отметить, что упомянутые армянскими жителями Карасубазара сомнения имели достаточно оснований. Еще в Манифесте «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу» (15, т. XXI, № 15708, с. 897-898) Екатерина II, от себя и от имени потомков, делая акцент на мусульманском населении, обязуется «...охранять и защищать их лица, имущества, храмы и природную веру», а в именном Указе князю Г.А.Потемкину «О принятии крымских жителей и прочих татарских народов в Российское подданство», подчеркивает неприкосновенность «природной» веры и имущества [15, т. XXI, № 15798, с. 985-986]. В нашем же деле отсутствуют какие-либо резолюции или иные упоминание о положительном решении вопроса. Если опираться на труд архимандрита М.Миная «Путешествия по Польше и другим местам обитаемым армянами, переселившимися из древнего столичного города Ани» [12, с. 445-446], только в 1793 году армяно-католики Карасубазара, не дожидаясь справедливости, соорудили деревянную церковь, а в 1810 г.

на берегу р. Карасу заложили каменный храм во имя Св.Георгия, построив его за три года. Автор труда упоминает о армянском католическом храме как о самом красивом и величественном здании в городе.

Третья, наиболее поздняя группа документов, относящаяся к 1793 г. касается церковной политики Российской державы, направленной против распространения католицизма. Прежде всего, это переписка Иосифа архиепископа всех армян в России с чиновниками различных рангов. Основная задача этих писем – добиться поддержки государственным аппаратом в вопросе недопущения принятия католицизма армянами апостольской церкви. В письмах отмечается расширяющаяся практика перехода армян из апостольской церкви в униатскую армяно-католическую и требования препятствовать этим тенденциям, вплоть до высылки за пределы Крыма лиц, принявших католицизм.

Надо отметить, что находящаяся в деле переписка является прекрасной иллюстрацией конфессиональной политики Екатерины II в России. Внешне не ограничивая юридически деятельность католических религиозных организаций, Свод законов Российской империи содержал более тысячи статей, охранявших права «первенствующей» церкви, т.е. православия [10, с. 25]. Католическая и армяно-католическая церковь фактически не имела прав миссионерской деятельности. Переход иноверцев или лиц иностранного христианского исповедания в другие христианские религии допускался через разрешение светских чиновников. Переход из одного исповедания в другое мог осуществляться только от менее терпимых исповеданий к более терпимым. В данном случае мы имеем пример именно такого перехода. Армянская апостольская церковь, более близкая по догматам, обряду и структуре к Русской православной, не допускает перехода в армяно-католическую, находящуюся по степени «терпимости» ниже по статусу, что и вызвало протесты архиепископа Иосифа и его обращение как к светским структурам, так и к католическому епископу Станиславу, требуя исключить практику перехода и наказать виновных.

Подводя итоги анализа группы документов конца XVIII в., касающихся возвращения в Крым армяно-католиков Карасубазарской общины, можно отметить следующие особенности:

- завоевание и присоединение Крыма к России вызвали волну обратного притока христианского населения Таврики под защитой Российской империи. Тем не менее, переезд в Крым был осложнен чиновничьими барьерами, не позволяющими беспрепятственно осуществить репатриацию части христианского населения;

- возвращение на родину в конце XVIII в., в отличие от выселения в 1778-1779 гг., не стимулировалось государством материально. Более того, существовали юридические сложности с возвраще-

нием утерянного имущества, перешедшего как брошенное, мусульманским общинам;

- в отличие от швейцарских и немецких колонистов, приглашенных в Тавриду, в отношении армяно-католиков государство занимало более жесткую позицию в части ограничения численности католических общин в пользу армянской апостольской церкви.

Список литературы

1. Айвазовский Г., архимандрит. Заметка о происхождении Новороссийских армян // ЗООИД, № 6. – Одесса, 1867. – С. 550 – 555.
2. Богословский К. Государственное положение римской католической церкви в России от Екатерины Великой до настоящего времени. – Харьков, 1898.
3. Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков (Численность, размещение, этнический состав). – М.: Институт Российской истории РАН, 2003.
4. ГА АРК. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления, оп.1, дело № 323 «О запрещении армянам переходить в католичество» – 20 л.
5. ГА АРК. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления, оп.1, дело № 191. «По сообщению Екатеринославского наместнического правления адреса ... Новомосковскую в описи области армянах». – 354 л.
6. ГА АРК. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления, оп.3, дело № 8. «О возврате во владение выбывшими из Таврической области греками и армянами собственных домов, лавок и прочего». – 11 л.
7. ГА АРК. Ф. 799. Канцелярия Таврического областного правления, оп.3, дело № 123. «По рапорту Карасубазарского коменданта секунд майора Сарандова с препровождением [прошения] армянских армян отдать им ... армянскую церковь ...» - 11 л.
8. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667). / Пер. и ком. Е.В.Бахревского. – Симферополь, 1999.
9. Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра 1 и русская православная оппозиция (1801-1825). – СПб.: Нестор, 1998.
10. Кудрин Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века. – М.: Изд-во РАГС, 2003.
11. Меленберг А., Козлов-Струтинский С. Католическая энциклопедия // <http://www.ecat.francis.ru/K/Kavkaz.html>
12. Медици Минай, архимандрит. Армянские древности Таврического полуострова. Извлечение из «Путешествия по Польше и другим местам обитаемым армянами, переселившимися из древнего столичного города Ани». / Пер. с армянск. Кушнерева Х. // ЗООИД, т.10. – Одесса, 1877. – С. 441 – 451.
13. Мурзакевич Н. Пребывание иезуитов в Крыму // ЗООИД, № 4. – Одесса, 1858. – С. 466 – 467.
14. Ованес М. Хосдегян (пер. с англ. П. Парфентьева). Армяно-католики. // <http://www.armeniancatholic.ru/ru/library/khosdegian.htm>
15. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. XX, 1755-1780; Т. XXI, 1781-1783; XXIII, 1789-1796; XXV, 1798-1799; XXXI, 810-811.
16. Селицкий А.И. Из истории армяно-католиков на Северном Кавказе. // Научно-исследовательские работы. История армян Кубани. – 28 мая 2007. // <http://www.mashdots.ru/istoriya-armyan-kubani/nauchnye-raboty/iz-istorii-armyano-katolikov-na-severnom-kavkaze>
17. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 368 с.

Материалы научной конференции

*Раздел III. Вопросы сохранения и использования
культурного наследия армян Украины*

Вірменський музей Львова. Питання повернення національних культурних цінностей, що історично належали вірменським національним і релігійним громадам України

У квітні 1943 р. гестапо здійснило обшук усіх приміщень вірменського кафедрального собору Львова. Що шукали нацисти у приміщеннях собору? Все стає зрозумілим, коли відкриємо львівську газету «Вільна Україна» за 25 серпня 1944 р.: «1943 р. у Львові пішло систематичне грабування — вилучення найцінніших книг, рукописів, стародруків, рідкісних гравюр. Вивезено 5113 рукописів, 3139 стародруків, 2346 рідкісних гравюр. Пропали всі рукописи великих польських письменників Міцкевича і Словацького, всі книги-унікуми XVI сторіччя, рідкісні книги з колишніх королівських бібліотек...».

Під час Другої світової війни, коли місто Львів потрапило під німецьку окупацію, нацисти створили управління архівами та музеями, яке очолив досвідчений фахівець з культури доктор Генріх Вінтер. У його відомстві існували спеціальні «трофейні» підрозділи, що вистежували та конфісковували найцінніші твори світового та національного мистецтва. Саме це окупаційне відомство несе відповідальність за викрадення малюнків Дюрера із Львівського музею (безпосередньо керував операцією штандартенфюрер СС Мюльман). Після війни малюнки Дюрера опинилися в музеях США та Британії. За роки окупації нацисти планомірно вивезли — як воєнні трофеї — сотні тисяч одиниць національних культурних цінностей з музеїв та бібліотек України. Не уникли пограбування й вірменські культурні цінності. Окрім картин та мистецьких творів, нацисти вивезли до Німеччини книжкові фонди Бібліотеки АН УРСР і Києво-Печерської лаври. Серед стародавніх книг бібліотеки Києво-Печерської лаври були вірменські релігійні манускрипти. Доля багатьох із вилучених музейних та бібліотечних раритетів дотепер невідома. Лише одна з вірменських рукописних книг зі знаменитого стародавнього зібрання церковної бібліотеки Лаври повернулась до країни. Нині вірменське Євангеліє XVIII ст. зберігається у фондах Інституту рукописів Національної бібліотеки ім. Вернадського НАН України.

Наприкінці 1943 року, за даними радянської розвідки, нацисти планували «евакуацію» куль-

турних цінностей Галичини, тобто пограбування та вивезення до Німеччини всіх найцінніших експонатів із музеїв і бібліотек Львова. В таких умовах керівництво Львівського вірменського кафедрального собору побоювалося за долю своїх церковних реліквій. При соборі ще з 1932 року працював багатий церковний музей — Вірменський музей Львова, у якому поряд із коштовними експонатами, художніми картинами та ювелірними виробами зберігалися рідкісні ікони, безцінні найдавніші вірменські рукописні книги XI століття, привезені до Львова одразу після падіння наприкінці XIV ст. Вірменського королівства. Особливо хвилювалися священнослужителі за старе «Євангеліє зі Скеври», і на те були вагомі підстави. «Євангеліє зі Скеври» було написано в 1197—1198 р., а, можливо, й ще раніше. На його 422—423 сторінках є пам'ятний запис із датою смерті вірменського короля Кілікії Леона II — 1219 рік — що дає підстави науковим дослідникам робити припущення, що саме це Євангеліє використовувалося при коронації та відправленні похорон вірменських королів. Книга оформлена у стилі кілікійської школи мініатюри та розкішно ілюстрована яскравими малюнками й рослинними візерунками вірменського національного орнаменту з використанням позолоти.

Нагадаємо, що монастир Скеври розташовувався у вірменському середземноморському королівстві Кілікія, поблизу перевалу «Кілікійські ворота», через який простяглась дорога, що найкоротшим сухопутним шляхом єднала Європу із Близьким Сходом. Повз його стіни упродовж століть проходили орди завойовників та полчища хрестоносців. Біля монастиря в XII столітті († 10 червня 1190 р.) під час Третього хрестового походу загинув германський імператор Фрідріх I, більш відомий на прізвисько Барбаросса (Руда Борода). Тут завжди зупинялися богомольці з європейських країн, у тому числі й з України, що йшли пішки до святих місць. А середньовічні українські міста Львів та Київ за часи панування руських князів вели досить жваву торгівлю з Кілікією, і зокрема з містом Сис. Українські (руські) купці привозили свої товари, натомість вірменські купці приїжджали з товаром в Україну. Підтвердження тому можна знайти й сьогодні у київському соборі Св. Софії, де у східній ризниці збереглися стародавні настінні написи — графіті, — зроб-

лені середньовічними прочанами та мандрівниками, серед інших там є напис, зроблений на шарі штукатурки XIII ст. вірменською мовою: «Я... Тер-Матос із міста Сис», є там і інший напис XVI століття: — «Я, Мутах, слуга Божий із міста Сис в року 994 (1545 р.)». До речі, кафедральний собор Св. Софії у вірменській столиці Сис мав таку ж назву, що й константинопольський та київський кафедральні собори, що теж свідчить про історичну близькість культурних та релігійних традицій обох народів.

Але з часом у 1375 році щаслива доля відвернула ся від Кілікії, королівство було розгромлено єгипетськими мамелюками. Коли полчища найманців кинулися грабувати багаті міста, ченці з монастирів почали рятувати своє найдорожче майно — рукописні церковні книги. Вважається, що саме в той час із Кілікії було таємно вивезено в українське місто Львів стародавнє Євангеліє Вірменського королівства, більш відоме у світі як «Євангеліє зі Скеври», або і «львівське Євангеліє». Чому вибір припав саме на Львів, а не на інше європейське місто? Версій багато, одна з них полягає в тому, що Євангеліє перебувало у віданні Патріарха та зберігалось в монастирі. Тому логічною залишається версія, що книгу привезли до Львова, де на той час уже перебував вірменський єпископ, саме з доручення вірменського Патріарха. Про те на його 423 сторінці є запис 1422 року про викуп Євангелія в якогось ченця Симона (запис зроблений вже у Львові).

Сьогодні мало хто знає в Україні про те, що більш як півтисячі років у вірменському кафедральному соборі Львова зберігалася одна із найстаріших релігійних книг і одна із найважливіших державних реліквій вірмен — «Євангеліє зі Скеври». Упродовж усіх століть книга не залишала стін кафедрального собору Львова. Виняток було зроблено лише 2 грудня 1928 року, коли на виставці, присвяченій історії міста Станіслава (з 1962 року Івано-Франківськ), поруч з іншими експонатами галицького народного мистецтва було виставлено «львівське Євангеліє».

На щастя, плани нацистів щодо «тотального» вивезення галицьких культурних цінностей не здійснилися і вони дуже поспішно залишили місто Львів. Але, на превеликий жаль, з приходом Червоної Армії полювання за релігійними раритетами не припинилося, а ставлення влади до галицьких християнських церков дедалі погіршувалося. Невдовзі після смерті митрополита УГКЦ Андрея Шептицького, що сталася 1 листопада 1944 року, військова влада Львова, більше не приховуючи своїх антирелігійних поглядів, застосувала жорсткі репресії проти священиків усіх місцевих церков. Почалися масові арешти духовенства, обшуки храмів, конфіскація церковного майна, закриття церков.

Про обшук і конфіскацію церковного майна у вірменському кафедральному соборі ходить багато різних суперечливих чуток. Обшук храму супроводжувався арештом і висилкою до ГУЛАГу його настоятеля. За польськими джерелами, під час обшуку зі сховища Львівського вірменського кафедрального

собору і приміщення церковного музею були вилучені та вивезені зі Львова найцінніші експонати. При тому підкреслюється, що керував цією операцією якийсь високопосадовий офіцер Радянської Армії, фахівець у галузі культурних цінностей. Такі спеціалізовані підрозділи створювалися при НКВС. Разом з конфіскацією музейних цінностей припинив своє існування львівський Вірменський музей, лише одиниці з численних експонатів були передані в інші музеї Львова — решта зникла. Однак незрозуміло: чому треба було вивозити цінності, якщо, за Ялтинськими домовленостями, Львів мав залишитися у складі колишнього СРСР?

Поспішність обшуку, проведеного у соборі, та вилучення коштовних раритетів, можливо, були пов'язані із місією Станіслава Грабовського (керівник Крайової Ради Народної Польщі), який вів переговори з радянським керівництвом, безпосередньо з Йосифом Сталінін, і наполегливо вимагав передачі польській стороні всіх музейних і книжкових цінностей, що були в музеях, інститутах і бібліотеках міста Львова. Вимоги польської сторони, як відомо, були задоволені московським урядом. Почалася поетапна (у чотири етапи) евакуація зі Львова знаменитого книгосховища «Оссоленіум», а також фондів інших культурних і наукових закладів, у яких разом з іншими зберігалися давньоруські та вірменські фоліанти. Деякі з вивезених книг, як-от Архів Товариства «Просвіта» (1868-1923 рр.), були повернені з Польщі в Україну лише у 1993 році.

Достеменно відомо, що у 1945 році під час вчиненого співпрацівниками НКВС обшуку в кафедральному вірменському соборі королівського Євангелія у скарбниці храму вже не було. Подальші пошуки, арешти та допити ченців нічого ні дали, Євангеліє щезло навек. Здавалося, що книга назавжди поповнила сумний список загублених та безповоротно зниклих під час Другої світової війни культурних цінностей України.

Таємниця зниклого Євангелія відкрилася лише через півстоліття, у 1993 році. Після оприлюднення інформації про місцезнаходження львівського Євангелія німецьким дослідником Гюнтером Принцингом (з Університету Яна Гутенберга), таємницю зниклого рукопису було остаточно розкрито. Тоді ж з'ясувалося, що священнослужителі Львівського вірменського кафедрального собору в 1945 році, просто вгадавши намір радянської військової влади вчинити конфіскацію — до того вже було вчинено обшук в українському греко-католицькому кафедральному соборі Св. Юра — встигли своєчасно переховати, а потім разом з депортованими мирянами вивезти зі Львова та інших галицьких вірменських уніатських церков до Польщі частину стародавніх рукописів, ікон, історичних і культових реліквій. Разом з ними зі львівського Вірменського собору була таємно вивезена о. Францишком Якубовичем і схована у монастирі бенедиктинців у Тинці релігійна святиня галицьких вірмен й одночасно державна реліквія «Євангеліє зі

Скеври». Тривалий час львівське Євангеліє вважалося втраченим, а монастирські ченці півстоліття тримали відомості про місцезнаходження книги у великій таємниці, навіть від уряду соціалістичної Польщі. В 1996 році розпорядженням варшавського кардинала Євангеліє було доставлено в монастир міста Гнезно і, нарешті, стало доступним для наукового дослідження. Нагадаємо, що у сусідній країні діють дуже суворі закони щодо збереження національного культурного надбання. Наприклад, у повоєнній Польщі до останнього часу діяла негласна заборона на вивезення із країни старовинних літописів та ікон, що зберігаються у храмах, музеях та приватних колекціях, навіть для експозиції на міжнародних виставках.

Тож у 1997 році у польській пресі з'явилися повідомлення про категоричні протести польських учених проти вивезення з країни стародавнього вірменського рукопису «Євангеліє зі Скеври» на виставку «Слава Візантії» до знаменитого нью-йоркського музею «Метрополітен» (Metropolitan Museum of Art). Зчинився навіть міжнародний скандал, та незважаючи на все організатори виставки, на вимогу польських учених і міністерства закордонних справ Польщі, терміново завернули з півдороги до Сполучених Штатів уже відправлене Євангеліє і помістили в архів архієпископії міста Гнезно. Але з часом, дбаючи про подальшу схоронність і поліпшення умов зберігання манускрипту, митрополит варшавський, ординарій вірменокатоликів, кардинал Йозеф Глемп прийняв рішення передати львівське Євангеліє під охорону польської держави. 4 жовтня 2006 року Євангеліє було передано на збереження у депозитарій варшавській «Бібліотеці Народовій», де воно знаходиться й нині. Побачити та доторкнутися до Євангелія сьогодні можна лише за спеціальним дозволом адміністрації в присутності співпрацівника та охоронця бібліотечного фонду.

Зі вступом Польщі до ЄС культурний обмін між європейськими країнами поживався, і на початку 2007 року варшавська національна «Бібліотека Народова» на виставці в Марселі репрезентувала для огляду стародавні ікони і старовинні книги галицьких вірмен, зокрема й львівське «Євангеліє зі Скеври». У музейному каталозі репрезентованих експонатів з-поміж інших літописних авторів згадувався Симон Лехаці.

У зв'язку з цим нагадаємо історію книги «Дорожні нотатки» найвідомішого галицького вірменського письменника епохи ренесансу Симона Дпир Лехаці (уродженець міста Замостя). Книга була написана живою середньовічною вірменською мовою у 1619—1635 рр. В ній оповідається про дванадцятирічні мандри, які здійснив Симон у XVII столітті до святих міст. Він вийшов у подорож з рідного міста Замостя, що в Західній Галичині, пройшов скрізь десятки європейських та близькосхідних країн, зробив опис міста Львова, Ечміадзина, Єрусалима, Константинополя, Венеції, розповів про особливості традицій та звичаїв різних народів. Зокрема цікавими для вітчизняних науковців є сторінки, присвячені стародавнім українським містам. Уперше «Дорожні нотатки» були опубліковані

відомим вірменознавцем Н. Акиняном у віденському вірменомовному журналі «Андес Амореа» (1932—1935 р). Підставою для цих публікацій був рукопис-автограф Симона, що зберігався до початку Другої світової війни у бібліотеці Львівського університету. Рукопис являв собою переплетений у ясно-червону шкіру томик у 396 сторінок. Манускрипт було написано на папері вірменською курсивним письмом. Вважається, що у роки Другої світової війни, під час німецької окупації, рукопис зник. Це не дивно, бо, гортаючи тогочасну львівську газету «Вільна Україна», можна натрапити на такі рядки: «Взимку 1943 р. німці заповнили будинок Державного університету ім. Івана Франка. Щоб відігритися від сталінградського морозу, гітлерівці розклали на домітках залі вогнища, на яких, за наказом штурмфюрера Штумма, спалили безліч цінних книжок з університетської бібліотеки, а решту весною викинули у вуличне болото».

Пошуки рукопису Симона Дпир Лехаці, розпочаті співробітниками Львівського університету, дотепер не увінчалися успіхом. Не можна твердити, чи є репрезентована у Марселі книга копією або оригіналом зниклого львівського рукопису, проте саме існування навіть копії з рукопису такої рідкісної книги не може не радувати сучасників.

Але історичні рукописи та релігійні коштовності вивозили зі Львова не тільки німці. Згідно з наданою інформацією директора Львівської наукової бібліотеки ім. В. Стефаніка Лариси Крушельницької, з посиленням на польський журнал (*Czasopismo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, zeszyt 1, s. 158—165.*), 1 квітня 1944 р. до Кракова був відправлений опломбований вагон, в якому разом з іншими раритетами було вивезено 404 з 450 львівських інкунабул — розкішно оформлених вірменських Євангелій з фондів бібліотеки Львівського університету. Підтвердженням цього свідчить документ Міністерства внутрішніх справ і Адміністрації Польщі від 2006 року, в якому виділяються державні кошти на реставрацію численних стародавніх вірменських фоліантів XIV—XVIII століття, які мають або галицьке походження, або були в різні часи привезені з Галичини чи Вірменії. Серед інших книг згадані рукописи з бібліотеки львівського вірменського архієпископа Йосифа Теодоровича. Нині вірменські реліквії, вивезені у Польщу, зберігаються при вірмено-католицьких парафіях у Гданську, Гливице, Ополі, Кракові, у Варшавській архієпископії, у «Бібліотеці Народовій», у колекціях приватних осіб. Разом з реставрацією, профінансованою МВС Польщі, було зроблено експертне оцінювання, облік і цифрове фотографування всіх вірменських рукописів.

Є також відомості про вивіз львівських вірменських манускриптів у музеї Росії. Відомо, що нині в петербурзькому Ермітажі є «Львівський службеник» XVII століття (інвентарний № AP-730). Рукопис має плетіння XVII століття, розмір 31x21 см., лист у два стовпці по 31 рядку. Усього в службенику 742 сторінки й титульний аркуш. Примітно, що на гербі титульного аркуша «Львівського службеника» зображений

лев — герб міста Львова й вірменського кілікійського королівства. Книга була написана в 1677 році у Львові вірменським переписувачем Онуфрієм. Книга була привезена в 1955 році в Ленінград з відділу рукописів Львівського історичного музею. Так само львівське походження має «Четвероєвангеліє» XVII століття (V3-765) і кілікійська Біблія початку XI століття (VP-1011). Яким чином сталася передача львівських манускриптів до ленінградського Ермітажу — не відомо. Як повідомляє укладач каталогу Т.Ізмайлова: «Зібрання вірменських ілюстрованих рукописів Державного Ермітажу невеликі — вони складаються із семи кодексів. Зібрання колекції почалися в 1909 р., але останні надходження мали місце в 1955 році». Таким чином, виходить, що майже половина всієї колекції вірменських рукописів Ермітажу була вивезена зі Львова в повоєнні роки, після приєднання Західної України до складу СРСР. Тому є всі підстави вважати, що до війни, тобто до радянської націоналізації вірменського церковного майна Галичини (1945—1946 рр.), рукописи були власністю Вірменського музею Львова.

На превеликий жаль, музейні пропажі мали місце і в часи незалежності України. Відомо, що зміна влади в країні — найзручніший час для активізації кримінального світу. І цим часом повною мірою скористалися «чорні антиквари», які на початку 90-х років ініціювали серію крадіжок творів мистецтва з музеїв України, що змусило владу створити каталог украдених цінностей і звернутися до ІНТЕРПОЛУ. В газетах тих часів залишилися рядки про сумні музейні події, що більше схожі на некрологи. Статистика свідчить, що ступінь розкриття таких музейних крадіжок дуже низький. Імовірність знайдення музейних експонатів значно зменшується через близькість і відкритість державного кордону. Аналізуючи перелік украдених музейних творів, бачимо, що були викрадені найцінніші речі, що мають художню та історичну цінність, що свідчить про замовний характер крадіжки. Так, наприклад, у середині 1992 року з музею в Переяславі-Хмельницькому була викрадена шабля гетьмана Богдана Хмельницького і дві булави, одна з яких належала польському королеві Яну Собеському. На гетьманській шаблі були двосторонні пам'ятні написи: з одного боку «Богдан Зіновій Хмельницький», з другого — «Що здобув під Зборовом, то загубив під Берестечком». Натомість рукоять королівської булави декорована написом: «Ян Собеський Божою Милістю Король польський» Немає потреби пояснювати, що викрадена шабля й булава були державними реліквіями, одними з найцінніших клейнодів української і польської державності.

У той же час наприкінці 1991 року з Історичного музею було викрадено стародавні картини, що саме безпосередньо стосуються історії вірменської громади Галичини. Серед викрадених картин виявилися родинні портрети відомих львівських меценатів вірменського походження Констанції і Григорія Бернатовичів (XVII ст.). Деякі з викрадених картин, як-от «Батальна сцена», імовірно належали пензлю львівського вірменського художника XVIII ст. Богуша (Богушевича).

Через чотири роки у 1995 році з Кам'янець-Подільського музею було вкрадено картину XVIII ст. львівського вірменського митрополита Валеріана Тумановича. Всі вкрадені картини упродовж століть прикрашали стіни картинної галереї в палаці вірменських архієпископів (державний охоронний №318/3), а потім Вірменського музею Львова на вулиці Вірменській, 7/9. Картини свого часу були подаровані Історичному музею Львова для поповнення колекції. Потрібно нагадати, що Вірменський музей Львова (1932 р.) був створений вірменським митрополитом Йосифом Теодоровичем за прообразом Українського національного музею, закладеного українським митрополитом Андреем Шептицьким ще 1905 року. Крім музеїв, мали місце крадіжки історичних раритетів з львівських архівів та бібліотек. Першим у 2005 році, виявивши пропажу архівних документів, забив на сполох відомий український вчений Ярослав Дашкевич. З того часу й дотепер в архівах Львова провадять інвентаризацію стародавніх фондів, створено відомчу комісію, до справи підключено правоохоронні органи. Нагадаємо, що Державний історичний архів Львова — один із найстаріших і найбільших архівів України. Цікавий факт, але в 1944 році архів було повністю вивезено зі Львова. Як розповів директор бібліотеки Львівського національного університету ім. Івана Франка, а в минулому — співробітник історичного архіву Василь Кметь, «В останні дні окупації Львова німці акуратно запакували всі документи історичного архіву в спеціальні мішки, ретельно згідно з описами склали у товарні вагони й вивезли в Польщу. Однак ешелон був зупинений радянськими військами на станції Тинець, що під Краковом, і одразу повернутий до Львова, минаючи обов'язкове відправлення трофейного майна в Москву. Таким чином, Державний історичний архів Львова і є одним з небагатьох українських архівів, що зберіг свої довоєнні фонди в повному обсязі».

Зникнення яких архівних документів виявив професор Ярослав Дашкевич, котрий тривалий час займався вірменськими архівними рукописами, не розголошується в інтересах ревізії. Тільки після закінчення перевірки державної комісії можна буде вести мову про масштаби архівних крадіжок. Таким чином, хоч як це сумно, треба констатувати, на початку 1990-х років із західноукраїнських державних установ культури та освіти було викрадено цінні художні твори, а можливо, й безцінні архівні історичні документи, що стосувалися стародавньої історії України та львівської вірменської громади.

Слід зазначити, що не всі вірменські культурні раритети належали вірменським національно-релігійним громадам України. Так, 2 грудня 1928 року на виставці присвяченій історії міста Станіслава (Івано-Франківська), з задекларованих 147 вірменських раритетів усього 45 (30,6%) екземплярів належали вірменським національно-релігійним громадам Галичини. Самі коштовні стародавні вірменські рукописи були представлені львівським «Оссоленіумом» і міським архівом Станіслава. Значна частина рукописів

належала приватним колекціонерам, як, наприклад: вірменське рукописне Євангеліє 1551 року, життя святих (вірменською мовою) XVI ст., ілюстрований «Молитовник хоральний вірменський» XVII ст., «Євангеліє вірменське» другої половини XVII ст. Львівська бібліотека «Оссоленіум» представила на виставці судові книги вірмен Станіслава за 1681—1689 рр. Крім стародавніх ікон, скульптур, демонструвались вірменські килими, гобелени, а також середньовічна міська печатка львівських вірмен (власник — зазначений Історичний музей Львова). Із власності вірменської релігійної громади були представлені стародавні художні портрети з галереї палацу Львівського архієпископа (державний охоронний №318/3). Церковна картинна галерея у 1932 році поповнилась новими раритетами, отримала статус музею і була перейменована у Вірменський музей Львова.

За часи незалежності, завдяки міждержавній співпраці державних архівів в Україну повернулись деякі раритети. Так, у 1994 році з ФРН до ЦДІА України, м. Києва повернулась «Жалувана грамота Петра I про затвердження Варлаама Ясинського у сані митрополита» з Київського архіву давніх актів, вивезена до Німеччини під час Другої світової війни. Пергамент. Рукопис (1700). До Інституту літератури ім. Т. Шевченка НАН України з Української вільної академії наук (Нью-Йорк) США, в 2006 році повернулась колекція автографів Тараса Шевченка з довоєнної збірки Будинку-музею Тараса Шевченка. Велику допомогу

в розшукуванні вивезених національних цінностей можуть надати передані в 1997 році з РФ архівні документи про долю українських культурних цінностей, вивезених у роки Другої світової війни, що зберігаються в архівах Російської Федерації, а також фотоархів Айнзацштабу рейхсляйтера Розенберга з Фідерального архіву ФРН (фотодокументи з Центрального кінофотофоноархіву України, вивезені до Німеччини під час Другої світової війни).

Проте є щасливі історії. Так, нещодавно газета «Львівський Портал» розповіла про випадкову знахідку, виявлену в фондах Національного музею Львова, — фігуру Богородиці зі скульптурної групи «Голгофа» (державний охоронний №318/7), що у підвір'ї Вірменського собору. Історія має щасливий кінець, бо, як повідомляє далі газета: «Національний музей готовий віддати знахідку вірменській громаді. За словами президента благодійного фонду збереження історико-архітектурної спадщини Львова Андрія Салюка: «...скульптурна група «Голгофа» завжди була дуже шанованою серед львів'ян усіх релігій та конфесій: перед нею молилися вірмени, римо-католики, православні». На цьому прикладі ми бачимо, як добрі наміри і щирі людські вчинки рятують мистецтво і зближують народи. Сподіваємось, що з часом відродиться й Вірменський музей Львова, де знову зберуться всі його унікальні стародавні експонати, розсіяні сьогодні по багатьох музеях і приватних колекціях різних країн світу.

Вопросы картографического отображения армянских колоний Крыма и Подолии

Истории армянских колоний Крыма, Подолии и Галиции посвящены десятки книг на различных языках. Они содержат всестороннюю характеристику общин, историю их возникновения, динамику развития, разные стороны политической и культурной жизни. Некоторые монографии сопровождаются картографическим материалом, которые в большинстве случаев выполнены схематично, в одноцветном издании. В этом и заключается существенный недостаток подобных исторических книг, когда нет наглядной, визуальной картографической привязки описываемых событий к географии местности. Общеизвестно, что карта может одновременно и подробно рассказать о географии местности, городах обитания армянских поселенцев, размещении религиозных и культурных очагов. Вся эта информация может быть представлена на одном листе. Не зря говорят, что одна карта способна заменить сотни страниц текста.

В настоящей работе авторы попытались критически изучить и с точки зрения содержания и художественного представления проанализировать различные картографические материалы, на которых показаны очаги армянской культуры: церкви, скриптории, типографии, другие объекты. Это – изданные в Армении и за рубежом географические атласы или отдельные карты Крыма и Подолии научного или учебного направления. Большую группу составляет также продукция, изданная для туристов: карты Украины, Крыма, планы городов Львова, Каменца, Феодосии, других городов, где в историческом прошлом компактно проживали армяне. Все картографические материалы также сгруппированы согласно периоду их создания: а) карты, созданные до XX века; б) карты советского периода (1920-1991 годы); в) карты и атласы постсоветского периода (изданные после 1991 года).

К первой группе относятся старые карты, которые имеются в собраниях некоторых библиотек и музеев, их факсимильные издания. Сохранившиеся до наших дней немногочисленные исторические документы в виде картографических изображений не менее красноречиво, чем древние манускрипты, в образно-знаковой форме передачи информации раскрывают читателю страницы истории. В числе рассмотренных карт – старые планы Львова, Кафы и Каменца (например, известны несколько исторических карт Каменца – 1672, 1684, 1691, 1773 гг., на которых отмечены армянские объекты, несохранившиеся до наших дней: армянские ратуша, башня, больница, мельница, цер-

кви и т. д.); карты, созданные в Западноевропейских странах, в Российской империи, а также мхитаристами в Венеции.

Ко второму периоду, то есть к советскому, относятся многочисленные туристские карты и атласы Крыма, Львова, планы городов Украины, изданные государственными предприятиями в СССР. Все они утверждались в Москве, поэтому на этих картах, согласно существующим тогда инструкциям, редко показывались культовые памятники, а еще реже их конфессиональная или национальная принадлежность. Разрешалось показывать памятники архитектуры (в том числе – церкви, мечети, синагоги и т. п.) союзного и республиканского значения. Считалось важным отметить, что показанные на картах памятники – это общенародное достояние. В пояснительных текстах к туристским картам указывался стиль памятника – готический, византийский, славянский и т. д. Например, в атласе туриста Львова издания 1989 года к армянскому собору дано пояснение, что «В архитектурном стиле ансамбля прослеживаются традиции византийского, древнерусского и армянского зодчества». Другой пример – армянская церковь Иоанна Предтечи (Ованес Мкртыч) в старой части Феодосии туристам представлялась как византийская. И таких примеров можно привести множество. Именно они и подтолкнули группу энтузиастов на создание карты-буклета историко-культурного наследия крымских армян, изданную в 1990 году. Картографические работы для буклета, а также сбор и редактирование материала были выполнены авторами этой статьи. Карта «Армяне в Крыму» была исполнена не по госзаказу, а на общественных началах и представлена в том же 1990 году в Симферополе на праздновании дней Айвазовского (рис. 1). На этой карте, которая одновременно является и справочником, наиболее полно представлены все поселения, где проживали армяне, армянские монастыри, церкви и даже хачкары, указаны старые и новые названия населенных пунктов. Заслуживает внимание общее художественное оформление буклета. Даны графические рисунки памятников, портреты выдающихся деятелей – армян Крыма. На оборотной стороне листа размещен пояснительный текст с картами, раскрывающими динамику переселения армян на Крымский полуостров, историю армянских колоний. Следовательно, представленный материал – не только нарисованная красивая карта, но и наглядное справочное пособие. Оно было напечатано тиражом

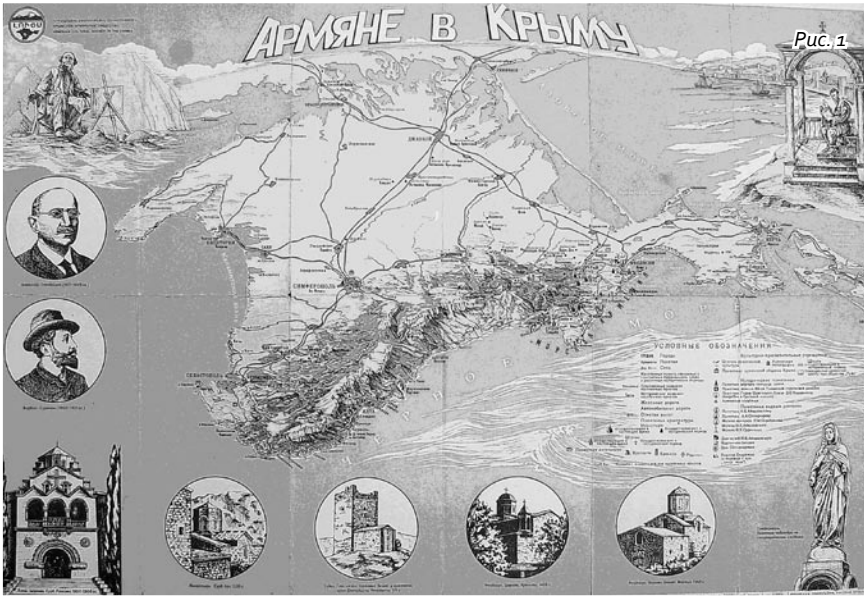

Рис. 1

10000 экземпляров, распродано, потом появились «пиратские» копии этого издания, что красноречиво говорит о её необходимости и популярности.

Авторами также были рассмотрены современные картографические произведения, на которых показаны армянские колонии Крыма, Подолии и других регионов Украины. В их числе – Национальный атлас Армении, изданный в 2008 году, Исторический атлас Армении французского историка Клода Мутафяна (издан в 2001 году в Париже) и др. Две карты, помещенные в Национальном атласе Армении (том II, стр. 200) имеют общее название «Армянские колонии в Польше, Украине, Молдавии и Крыму (XIV в. – нач. XX века)» (рис. 2).

Карты информативные, сопровождаются богатой легендой и фотоматериалами. Однако их содержание трудночитаемо из-за использования белых «плашек» для текста, что напоминает газету, а также похожих по начертанию условных знаков, некоторые из которых не пояснены в легенде. Одним условным знаком объединены несохранившиеся церкви и развалины, что недопустимо. Нет единого подхода к изображению церквей, например, известно, что в Каменце было несколько церквей, из которых некоторые сохранились до наших дней, другие превращены в развалины или вообще не сохранились. Все они показаны одним знаком без названий или пояснений. А в населенном пункте Жванец, в менее важном, чем Каменец, показаны две армяно-католические церкви с собственными названиями. В населенных пунктах

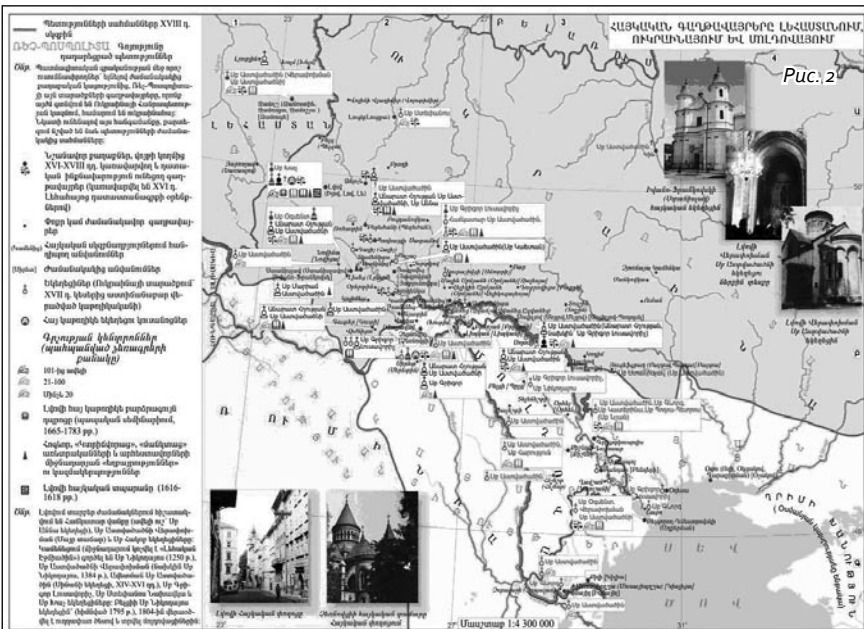

Рис. 2

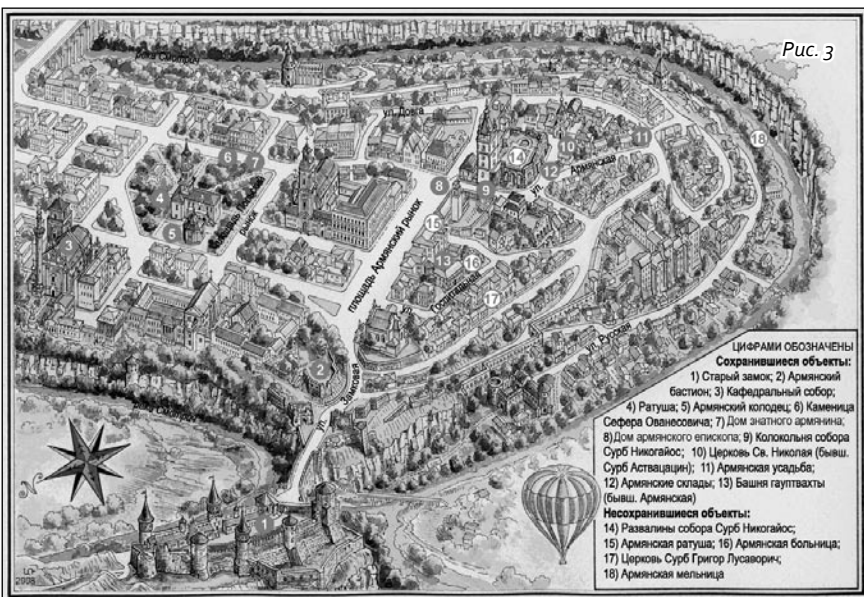

Рис. 3

Рис. 1. Карта «Армяне в Крыму». Авторы: С. Абрамян, Р. Атоян, 1990 г.

Рис. 2. Карта «Армянские колонии в Польше, Украине и Молдове» (Национальный Атлас Армении, 2008 г.)

Рис. 3. Армянский квартал Каменец-Подольского. Автор Р. Атоян. 2008 г.

ктах одни церкви подписаны красным, другие фиолетовым цветом, без пояснений в легенде. Нет информации о времени основания церквей. В Историческом атласе Клода Мутафяна также представлены карты Подольи и Крыма с подробным изображением армянского культурного наследия. К недостаткам данного произведения следует отнести только небольшой тираж и слабую географическую основу карт (показано мало рек, нет дорог).

Авторами также рассмотрены некоторые популярные издания России и Украины.

1. В путеводителе «Республика Крым» (Москва, Издательский дом «Симон-Пресс», 2000) в списках культовых памятников ничего не сказано об армянских церквях в Ялте, Евпатории, Судаче, в Феодосии дана одна армянская церковь без названия. В то же время православные церкви и мечети даны более подробно, с названиями и адресами. На планах городов, помещенных в указанном путеводителе, только в Ялте подписана «армянская церковь», в Феодосии все церкви показаны условными знаками без названий.

2. В другом путеводителе «Крым. Русская коллекция». (Москва, Аякс-Пресс, 2004) единственную информацию об армянских памятниках находим в разделе «Памятники Феодосии»: цитата – «армянский храм Св. Сергия (Саркиса), XVI век, в котором размещено собрание каменных плит – лапидарий с генуэзскими, армянскими и тюркскими памятниками».

3. На украинских картматериалах, предназначенных для широких масс, обозначены некоторые армянские архитектурные памятники, которые просто отмечены как «армянская церковь». Наиболее подробно армянские памятники показаны на современных картах Каменец-Подольского и Львова. И здесь опять качество информации зависит от того, чьими руками составлена карта.

4. Учебный атлас «Крым» (для 5-11 кл., «Союзкарта», 2001). На стр. 7 размещена подробная этнохронологическая таблица, в которой также дана информация об армянах Крыма, где написано, что «Армяне переселяются в Крым, спасаясь от набегов турок-сельджуков и монголов. Сначала армяне сосредоточились в Солхате, образовав целую армянскую колонию. В начале XIV века они стали заселять Кафу и другие города, занимаясь торговлей и ремеслом. В конце XVIII века, после присоединения Крыма к России, сюда переселяются многие армяне из стран Европы. В конце XIX - нач. XX вв. часть армян, спасаясь от турецкого геноцида в Армении, также переселяются в Крым. В 1944 году крымские армяне насильно депортированы с полуострова. В настоящее время происходит их возвращение в Крым». Как видим, информация очень скудная, ничего не сказано о памятниках, о численности армянского населения.

Таким образом, анализ многих современных карт и путеводителей, изданных без участия армянских авторов, показал, что на них армянские памятники часто игнорируются, или же информация о них умалчивается. В некоторых случаях памятники представляются

как византийские или просто христианские. Карты, выполненные в Армении или армянскими авторами, отличаются от предыдущих богатством содержания, но они изданы небольшими тиражами и не доступны всем организациям обширной армянской диаспоры.

Следует отметить, что необходима активизация картографической деятельности в направлении создания специальной серии карт диаспор, по примеру вышеупомянутой карты «Армяне в Крыму». Они могут быть разработаны в едином стиле, с использованием наглядных универсальных для всех карт условных знаков. Особую нишу могут занять панорамные карты, то есть карты с трехмерным наглядным изображением местности. Их красочный вид, необычный способ передачи содержания, непременно будут способствовать изучению истории в школах общин. Одна из первых таких карт, посвященная армянскому кварталу Каменец-Подольского, представлена в журнале «Анив» (№21, 2008, рис.3). По оформлению она напоминает трехмерную карту Каменца, изданную в 1671 году. Преемственность картографических традиций и современные достижения позволяют в наиболее интересной, доступной и выразительной форме, в наглядных картографических условных знаках представить подробное размещение исторических объектов, их качественные и количественные показатели.

В настоящее время развитие компьютерных технологий позволяет в короткие сроки создавать картографические материалы высокого полиграфического и художественного качества. Создание познавательных картографических приложений к монографиям или отдельных специальных карт, например, новое научно-популярное издание карты «Армяне в Крыму» или «Армяне в Украине» и т. п., позволит лучше воспринять прочитанный текстовый материал. Карты, изданные на государственных языках тех стран, где в настоящее время размещены значительные по численности армянские общины, будут доступны всем, кому интересна данная тематика. Такие произведения будут способствовать сохранению исторической памяти в неармянской среде.

А. М. Байбуртский (Старый Крым)

А. Д. Тимиргазин (Судак)

Музей монастыря Сурб Хач в восточном Крыму

В трех километрах от Старого Крыма, в лесистой долине западного склона горы Святого Креста, расположен один из самых известных религиозных, исторических и архитектурных памятников крымского средневековья – армянский монастырь Сурб Хач (в переводе с армянского – Святой Крест). До нашего времени сохранились храм Сурб Ншан (Святое Знамя), гавит, братский корпус, трапезная, а на территории монастырской усадьбы – монастырская гостиница, фонтаны, террасы.

Архитектурный комплекс монастыря Сурб Хач создавался на протяжении пяти столетий. Расцвет монастыря приходится на XVII-XVIII века. В это время были реконструированы старые постройки и возведены новые. В конце XVIII века монастырь пришел в упадок, который был вызван переселением крымских армян в Приазовье в 1778 году. В начале XIX века монастырь был возрожден. В 1906 году на верхних монастырских террасах была построена монастырская гостиница. На нижних террасах до нашего времени сохранились три неоднократно реставрированных средневековых фонтана.

Монастырь строился на горном склоне, и здания монастырского комплекса с учетом рельефа местности расположены на разных уровнях. Перепад высот от высшей точки (алтарь) до низшей (пол трапезной) составляет пять с половиной метров. Ступенчатое расположение построек создает эффект большего над меньшим – храм возвышается над гавитом, гавит – над трапезной.

Главенствующее положение в монастырском комплексе Сурб Хача занимает храм Сурб Ншан (Святое Знамя), который был возведен в 1358 году архимандритом Ованесом Себастиа. Из средневековых армянских рукописей Крыма известно, что Ованес был родом из местности Себастиа в Малой Азии. Он был высокопоставленным церковным деятелем и одно время являлся наместником киликийского армянского католикоса в Крыму. О дате постройки храма сообщает надпись на барабане купола, сделанная на староармянском языке – грабаре: «Сей божественный храм славы, на земле – рай древа жизни. Он подобие горнего неба и обиталища (св.) Троицы. От рождения во плоти Христа в 1358 году начав, воздвигнут во имя святого знамения усердием служителя его Ованеса инок и родных братьев его и по духу сынов». Основатель монастыря известный армянский церковный деятель XIV века Ованес Себастиа, согласно церков-

ному преданию, был захоронен в гавите монастыря Сурб Хач.

С момента своего основания монастырь играл важную роль в духовной жизни крымских армян. После турецкого завоевания Крыма 1475 года он стал одним из главных религиозных, политических и культурных центров крымских армян, известным далеко за пределами Крыма. Сурб Хач был известным святым местом и одним из центров паломничества армян из разных стран. Здесь находилась епископская кафедра, территория которой простиралась на запад вплоть до Румелии (Балканский полуостров) и Валахии (Молдавии). Широко была известна действующая при монастыре духовная школа, деятельность которой, начиная с XIV века, с незначительными перерывами продолжалась несколько столетий. Преподавали в ней ученые люди из Армении и других мест. Подолгу жили и творили в Сурб-Хаче известные деятели армянской культуры – поэт Степанос Тохатеци, миниатюристы и писцы Григор Сукиасанц, Натер с сыновьями и многие другие.

На протяжении ряда столетий здесь трудились архитекторы, поэты, миниатюристы, художники. Остатки средневековых фресок до сих пор сохраняются на стенах храма и гавита, а рукописи, украшенные миниатюрами, в большинстве своем хранятся в настоящее время в Ереване в институте древних рукописей имени Маштоца Матенадаран.

Во второй половине XIX века в монастыре часто бывал знаменитый художник-маринист Иван Константинович Айвазовский, приезжавший сюда из Феодосии. В армянской газете «Нор Дар» («Новый Век») № 27 за 1890 год содержится описание одного из праздников крымских армян в Сурб Хаче с участием художника: «Во время обеда достойным настоятелем был поднят бокал за вечное процветание Св. Эчмиадзина и объяснено его неопределимое значение для армян. Профессор Н. Нерсесян говорил о значении монастырей [...] Был предложен также тост в честь знаменитого живописца Ованеса Айвазовского, что было передано его семье, обедавшей напротив монастыря, в лесу, радостными восклицаниями».

В 1889 году И. К. Айвазовский написал портрет управляющего делами монастыря, архимандрита Степане Хорена (хранится в Феодосийской картинной галерее). Несколько видов монастыря Сурб Хач в начале XX столетия создал известный художник Виктор Иванович Зарубин, ученик Архипа Ивановича Куинджи. В своих ранних стихах монастырь воспел поэт

Максимилиан Александрович Волошин. Многократно изображал монастырь художник Константин Федорович Богаевский.

Монастырь Сурб Хач был закрыт в 1920-е годы. До Великой Отечественной войны здесь располагались санаторий и пионерской лагерь. Монастырь являлся также экскурсионным объектом, о чем свидетельствует, в частности, фотография с участниками экскурсии из старокрымского санатория ВЦСПС, датированная 19 июля 1938 года. В годы войны постройки монастыря серьезно пострадали от боевых действий и разграбления. Длительное время послеэтого монастырь находился в заброшенном состоянии. В 1993 году в храме Сурб Ншан возобновились богослужения. В 1990-2000-е годы здесь были проведены обширные восстановительные работы. 23 июля 2002 года постановлением Совета Министров Автономной Республики Крым монастырь Сурб-Хач возвращен Армянской Апостольской Церкви.

В 2008 году широко отмечался юбилей – 650 лет со дня основания монастыря Сурб Хач. К этой дате были проведены обширные реставрационные работы, восстановлена дорога из Старого Крыма. 25-26 июля 2008 года в стенах монастыря прошла первая международная научно-практическая конференция «Армяне Крыма: вчера, сегодня, завтра». 29 июля состоялся незабываемый праздник единения крымских армян, в котором приняли участие католикос всех армян Гарегин II и президент Армении Серж Саркисян.

Фото 1

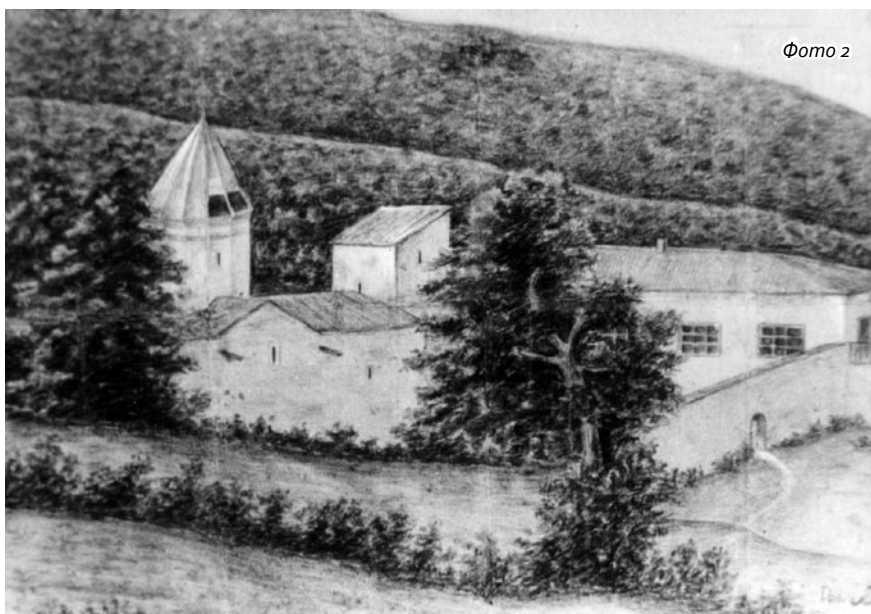

Фото 2

Фото 3

Фото 1. М. В. Шемплинская
Монастырь Сурб Хач. 1918 г.

Фото 2. Л. И. Каржевский.
Монастырь Сурб Хач. 1935 г.

Фото 3. В. И. Зарубин.
Монастырь Сурб Хач.
Вид на трапезную с юго-запада.
Начало XX в

Фото 4. Атриум монастыря Сурб Хач. Фрагмент лапидария

Фото 5. Деталь ручного жернова. Конец позднего средневековья

Фото 6. Лескер. Первая половина XX века

Фото 7. Прялка вертикальная

В южном зале монастырской трапезной к юбилею была создана постоянно действующая музейная экспозиция, посвященная истории крымских армян. Экспонаты для нового музея собирались более десяти лет. В отдельных витринах представлены материалы археологических раскопок и разведок античных и средневековых поселений, которые убедительно доказывают, что окрестности города Старый Крым и монастыря Сурб Хач были заселены, как минимум, с IV века от Рождества Христова.

Экспозиция музея рассказывает о материальной и духовной истории и культуре монастыря Сурб Хач с момента его основания в XIV веке и до закрытия в первой четверти XX столетия. В экспозиции представлены предметы культа и быта (керамические, стеклянные и металлические изделия), копии образцов миниатюрного и рукописного искусства. Подробно представлена строительная история и система водоснабжения монастыря Сурб Хач.

В процессе создания музейной экспозиции были проведены систематические поиски архивных материалов в Государственном архиве Автономной Республики Крым (город Симферополь). Выявленные документы по истории монастыря Сурб Хач частично были воспроизведены в издании «Указатель материалов по истории крымских армян, хранящихся в Государственном архиве Автономной Республики Крым» (Симферополь, 2007). Наиболее интересными оказались обнаруженные в архиве межевые планы и книги, на которых по-

Фото 8

Фото 9

Фото 10

Фото 8. Макет монастыря Сурб Хач в экспозиции музея

Фото 9. Фрагмент лапидария

Фото 10. Фрагмент этнографической экспозиции. четырехколесная телега и бочки под вино. Первая половина XX века

Фото 11. Директор Института древних рукописей Матенадаран имени М. Маштоца Грачья Тамразян (справа) вручает музею монастыря Сурб Хач копии созданных в монастыре миниатюр»

художников В. И. Зарубина и К. Ф. Богаевского, а также подлинный рисунок с изображением монастыря Сурб Хач, выполненный старокрымским учителем рисования Леонидом Иосифовичем Харжевским в 1935 году. Бесспорно, главным украшением экспозиции является макет монастыря Сурб Хач, изготовленный Иваном Аршалуйсовичем Карапетяном (1925-2007). Более 35 лет мастер из Харькова создавал каменные миниатюры исторических памятников, гербов, хачкаров. Макет Сурб Хача И. Карапетян изготовил в последний год своей жизни.

Интересен этнографический раздел музея. Здесь представлены различные предметы быта, которыми пользовались жители Крыма сто лет назад. Это изделия из металла (утюги, замки, орудия труда), самовары, плетеный сундук, прялка вертикальная, виноградный пресс, коврики, трейхи, механические подвесные весы, уличный фонарь, разнообразная старинная посуда, а также куклы в национальных армянских костюмах, привезенные из Армении.

Значительную часть экспозиции занимает собранный на протяжении ряда лет лапидарный материал. Большая часть лапидария выставлена в атриуме монастыря Сурб Хач. Это плиты с надписями и рельефами, хачкары (каменные кресты), надгробные памятники, детали архитектурно-декоративного оформления зданий.

В процессе разработки проекта художественного оформления экспозиции учитывалось, что южный зал трапезной является памятником культурного наследия, который имеет сложную строительную историю и подлежит самостоятельному осмотру, поэтому знакомство с экспозицией гармонично сочетается с осмотром архитектурных форм интерьера и конструктивных форм сооружения.

После нескольких десятилетий забвения монастырь Сурб Хач

казаны земельные владения монастыря Сурб Хач в XIX веке, уже после присоединения Крыма к России. В российский период своей истории монастырь носил название «Георгиевский». Копии межевых планов «Армянский Георгиевский монастырь, всемилостивейше пожалованной земли братии того монастыря. 1793 год» и «Старокрымского Армяно-Георгиевского монастыря, всемилостивейше пожалованная земля этому монастырю» представлены в экспозиции. Среди других изобразительных материалов в музее Сурб Хача можно увидеть репродукции с картин известных

снова становится религиозным и культурным центром крымских армян. Сегодня здесь регулярно проводятся богослужения, крещения, венчания. Летом и осенью здесь всегда много туристов, паломников, исследователей, просто любопытствующих. Особенно увеличился поток посетителей после того, как к юбилейным торжествам 2008 года была восстановлена дорога к монастырю. Посещение древней святыни дает очередную возможность человеку любой национальности вспомнить о своих корнях и истоках.

Памятники армянской культуры Белогорского района Автономной Республики Крым

На территории Белогорского района АР Крым состоят на учете и находятся под охранной государства следующие памятники армянской культуры:

1. Церковь св. Параскевы (Урпата) – объект культурного наследия национального значения (учетный № 302-Н, порядковый № 54 по «Списку памятников местного и национального значения, расположенных на территории АРК», Симферополь 2004), памятник архитектуры и градостроительства до VII в. (X-XVIII вв.), принятый под охрану государства Постановлением СМ УССР от 24.08.1963 г. № 970 (уч. № 302). Охранная зона памятника утверждена Решением Крымского облисполкома от 22.05.1979 г. № 284 в радиусе 50 м от памятника [16, с. 412].

Церковь св. Параскевы (Урпата) находится восточной окраине села Тополевка (б. Топлы), Курского сельсовета, Белогорского района АРК, на возвышенности, справа от автотрассы Симферополь-Феодосия. Первые письменные упоминания о данной церкви, мы находим в «Книге путешествия» знаменитого турецкого путешественника XVII в. (1666-1667гг.) Эвлии Челеби, который пишет; «...стоянка Тойлу-кёй (Топлу-кёй). Это деревня армянских неверных, расположенная в холмистой долине, со 100 домами. Все дома здесь похожи на дома из Эрзурумской страны, построены из сосновых бревен, подобных крыльям ласточки. На одном из холмов есть их церковь – место прогулок» [9, с. 75]. Слева, в верхнем углу от входа в храм, расположенного с западной стороны ближе к южному фасаду, находится закладная каменная плита с десятистрочной надписью на армянском языке:

Сей божественный славный храм
Он – подобие армянской нации
Вторично возобновлен с основ
Данью милостью Крымской земли
Во имя святой Богородицы
Под начальством Акопа – мудрого учителя
И надзирательством Магдеси Иоанесса
и Магдеси Айгына из Кафы
Руками каменщиков Григора и Тонакана
В лета 1151 (т. е. 1702 г. от Р. Х.)

Эта надпись приоткрывает всего лишь одну из страниц истории храма. Неизвестно, когда храм был построен первоначально и какова его история до и после 1702 года. На этот вопрос могут дать ответ не только иконография и письменные источники, но и

проведение охранных, реставрационных и археологических работ.

Служба в храме, вероятнее всего, прекратилась в 1778 году после вывода из Крыма христианского населения, в том числе армян. Архиепископ Гавриил в 1841 году писал, что «в деревне Топлу остались две церкви и обе во имя «святой Преподобной мученицы Параскевы». От одной, видны следы фундаментов (?), в другой с надписью на западном фасаде, «богослужение прекратилось по случаю войн с турками» [5, с.]. На рисунке из альбома Вильнева (Париж, 1853) дан архитектурный обмер армянской церкви [1] и видно, что в середине XIX в. церковь была цела.

Из протокола заседания Таврической ученой архивной комиссии от 9 февраля 1907 года явствует, что в 1899 году А. И. Маркевич видел храм «во имя св. Урпат» в состоянии, не «угрожающем падением», что церковь эта «в ограде Топловского женского монастыря св. Параскевы и что вокруг церкви кладбище с плитами без надписей» [12, с. 109]. Церковь святой Параскевы (Урпат) – один из уникальных памятников крымско-армянской культуры. Она представляет из себя прямоугольное в плане сооружение с ориентированной строго на восток полукруглой апсидой. Наружные габариты храма в плане: длина – 12,19 м без апсиды и 14,2 м с апсидой; ширина – 6,64 м. Внутренний диаметр апсиды – 1,6 м. Высота здания от порога дверного проема – 6,25 м; ширина зала – 4,77 м; длина – 10,32 м. Между стеной и апсидой – вима шириной 1,0 м. Толщина стен – 0,9-0,92 м. Кладка стен выполнена из бута среднего размера, местами со вставками крупных камней с подтеской с лицевой поверхности. Углы здания сложены в перевязь, как и вся кладка, на известковом растворе. На стены опираются стрельчатое перекрытие, которое поддерживается посредством четырех подпружных арок. Кровля церкви – двухскатная, перекрыта радиально расположенными каменными плитами, которые по периметру здания опираются на карнизные тесаные балки. В интерьере устроены 5 ниш в стенах, три из них – в зале, две – в виме. Здание имеет два небольших оконных проема в апсиде и в щипце западной стены. Вход устроен в западной стене, ближе к южному фасаду, слева от которого установлена вышеуказанная закладная плита. Перемычка над входом – полукруглая, выполненная из цельного блока. Над ней устроен люнет без проема, со стрельчатой аркой.

2. Армянская церковь (руины), XIV-XV вв. (церковь Сурб Саргис) – объект культурного наследия нацио-

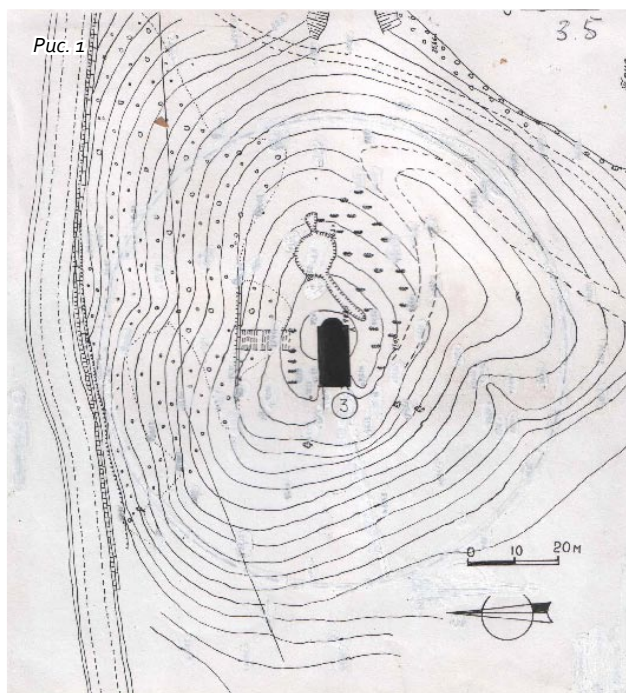

Рис. 1

нального значения (учетный №1239-Н, порядковый № 53 по «Списку памятников местного и национального значения, расположенных на территории АРК», Симферополь 2004), памятник архитектуры и градостроительства XIV-XV вв., принятый под охрану государства Постановлением СМ УССР от 06.09.1979 г. № 442, уч. №1239, Решением Крымского облисполкома от 22.05.1979 г. № 284, установлена охранный зона, которая ограничена окружностью с радиусом 50 м [16, с. 412].

Церковь Сурб Саргис (св. Сергия) XIV-XV вв. находится в небольшой низине при въезде в село Топлевка Курского сельсовета, Белогорского района АРК, слева от трассы Симферополь-Феодосия. Архиепископ Гавриил, упоминая в 1841 году, что в «деревне Топлу» остались две церкви и обе во имя св. Преподобной мученицы Параскевы», и что «от одной видны следы фундаментов» [5, с.] (?), вероятнее всего имел в виду церковь Сурб Саргис (св. Сергия), которая, значит, уже к середине XIX века находилась в развалинах. На рисунке из альбома Вильнева (Париж, 1853, архив ГАИМК, инв. № 2542, 339-113) она именовалась армянским храмом Урпата (А. И. Маркевич отмечал: «У армян св. Урпат нет, слово Урпат значит по армянски «пятница» [12, с. 109]).

Рис. 2

Наиболее вероятным стоит считать сообщение Минаса Медици (М. Бжшкянц), который локализует в деревне Топле, кроме церкви св. Параскевы, также церковь св. Сергия (Сурб Саргис) [2, с. 257]. Ю. Кулаковский, касаясь в своем кратком историческом очерке «Прошлое Тавриды» переселения христианского населения из Крыма, пишет: «Покинутые церкви стали приходить в разрушение... До недавнего времени существовали две армянские церкви в селении Топлах, которые были разобраны на камень местным землевладельцем» [11, с. 207]. Церковь никогда не исследовалась. Известны только несколько упоминаний о здании в специальной литературе, топосъемка участка памятника 1954 года, а также рисунок и схематический архитектурный обмер памятника, выполненные в 1958 году архитекторами

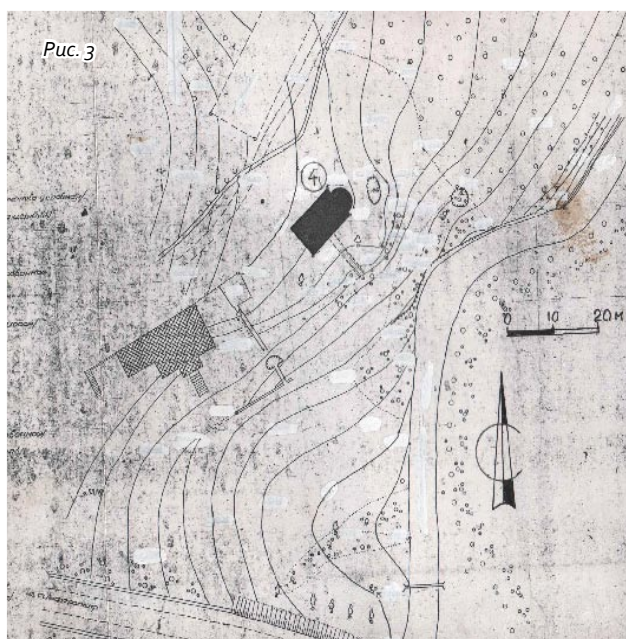

Рис. 3

Рис. 4. Храм Св.Саргиса. Рисунок из альбома Вильнёва (?)

Рис. 1. План церкви Св.Параскевы (Урпат) на местности

Рис. 2. Храм Св.Параскевы (Урпат). Рисунок из альбома Вильнёва (?)

Рис. 3. План церкви Св.Саргиса на местности

Рис. 4. Храм Св.Саргиса. Рисунок из альбома Вильнёва (?)

Рис. 5. План монастыря Св.Ильи на местности

Александровой и Быковой. Более тщательно, в разное время, храм осматривался О. Х. Халпахьяном и Ю. С. Ворониным, но, к сожалению, результаты обследований этих ученых в полной мере еще не опубликованы.

Здание храма св. Сергия (Сурб Саргиса) представляет собой однефную базилику с полукруглой изнутри и снаружи апсидой ориентированной на северо-восток. Длина здания по наружному контуру – 11,8 м без апсиды и 14,7 м с апсидой. Ширина – 7,0 м. От уровня порога дверного проема, высота сохранившихся стен – 4,2-4,25 м. Длина зала – 12,05 м, ширина – 5,05 м. Внутренний радиус апсиды – 1,8 м. Стены сложены из обработанных блоков известняка и песчаника на известковом растворе. Углы выложены крупными камнями вперевязь. Более чем на две трети обрушенный стрельчатый свод опирался на три подпружные арки, которые опирались на резные кронштейны. Свод зала из радиально расположенных тесанных плит известняка, а свод конхи апсиды – из бутового плитового камня. В интерьере устроены пять ниш в стенах, две из них – в виме, три – в зале. Одна из двух ниш, в северо-западной стороне, вырезана под купель. Дверной проем по конструкции аналогичен дверному проему церкви св. Параскевы и устроен посередине южной стены храма. Дата постройки церкви неизвестна, лапидарный материал храма не изучен.

3. Ильинская церковь (монастырь), X-XIV вв. (XIV в.) – объект культурного наследия национального значения (учетный № 303-Н, порядковый № 52 по «Списку памятников местного и национального значения, расположенных на территории АРК», Симферополь 2004), памятник архитектуры и градостроительства X-XIV вв. (XIV в.), принятый под охрану государства Постановлением СМ УССР от 24.08.1963 г. № 970, уч. №303,

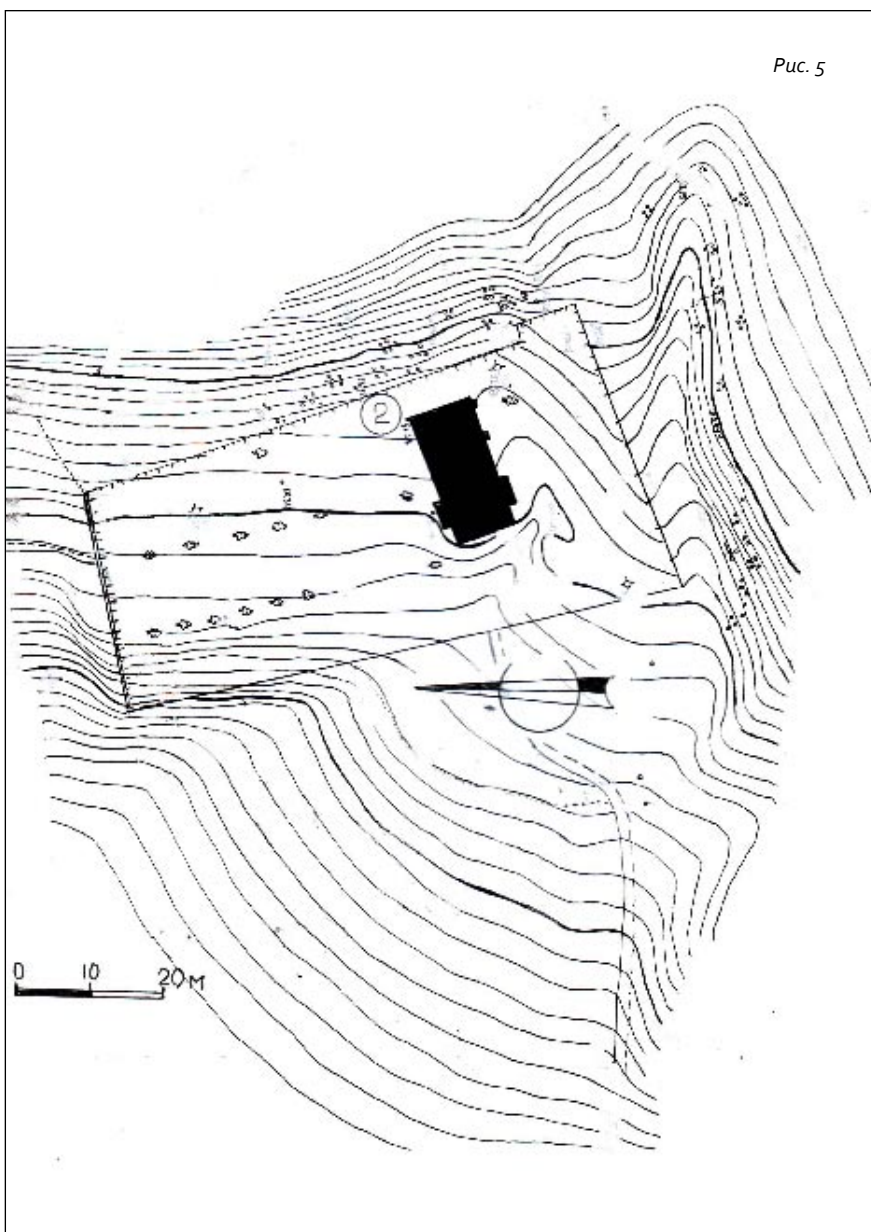

Рис. 6. Монастырь
Св.Ильи. Фото начала XX века

Решением Крымского облисполкома от 22.05.1979 г. № 284, установлена охранная зона, которая ограничена окружностью с радиусом 50 м [16, с. 412].

Этот памятник армянской культуры, более известный как монастырь св. Ильи (Аменапркич, Спаса-Преображения, Всеспасителя), находится к юго-западу от села Богатое (б. Бахчи-Эли, Бахчели) на территории Богатовского сельсовета, Белогорского района, АР Крым, в километре от трассы Симферополь-Феодосия. Монастырь св. Ильи расположен на естественной террасе склона холма. Контуры ограды и строений, обнаруженные в 1979 году при проведении археологических работ В. А. Сидоренко [14], повторяют конфигурацию вышеуказанной террасы и отлично вписываются в ландшафт долины речки Кучук-Карасу (совр. Малая Карасевка). В состав памятника входят:

Монастырь Спаса Преображения (св. Ильи), XIV-XV вв., перестройки до XIX в.

а) Церковь Спаса Преображения, Всеспасителя, XIV-XV вв., до XIX в.

б) Кельи и хозяйственные постройки (задернованные руины) XIV-XV вв., до XIX в.

в) Фонтан XV-XVIII вв. (сохранился лишь фундамент).

От армянского монастыря св. Ильи в крайне руинированном состоянии остался только храм Спасителя. Одно из первых упоминаний о монастыре принадлежит Минасу Бжшикяну (Минас Медици), где он именуется храм – храмом Спаса Преображения Господня: «церковь небольшая, окружена множеством келий для монахов и богомольцев» [2, с. 260]. Минас Бжшикян сообщает также и о находившемся в монастыре святыне – хачкаре (крест-камень), вывезенном из города Ани, с вырезанным на нем священным крестом, который, по преданию, был освящен самим апостолом Тадеосом (Фаддеем), проповедовавшим христианство в Армении, и что ныне этот хачкар находится в нахичеванском монастыре Сурб-Хач (район современного города Ростова). Действительно, после переселения армян в 1778 году в Приазовье, «хачкар из монастыря Спасителя первое время хранился в нор-нахиджеванском монас-

тыре Сурб-Хач... Впоследствии хачкар привезенный из монастыря Спасителя, был увезен в Императорский музей Санкт-Петербурга» [13, с. 28].

В 1883 году о бахчи-элинском монастыре св. Ильи упоминает Г. Караулов, а в 1886 году В. Смирнов пишет, что «к югу от Бахчи-Эли находится армяно-григорианский монастырь Спаса, все постройки которого новые, но на развалинах древнего сооружения. Сам храм древний, но обновлен и достроен, как это можно заметить по треугольному очертанию в верхней части фасада, а все что выше этого треугольника нанесено позже на древнюю базилику...» [15, с. 287]. В 1898 году окрестности Карасубазара (совр. Белогорск) объездил А. И. Маркевич, который называет церковь именем св. Ильи. В отчете о поездке он отмечает, что «в трех верстах от монастыря, среди развалин, на земле Осман бея Ширинского был найден камень с изображением креста и армянской надписью с не вполне разборчивой, но ясной датой – 1031 год армянской эры (1582 г. от Р.Х.)» [12, с. 108].

В путеводителях начала XX века, также упоминается монастырь в Бахчи-Эли, но лишь в связи со старинным источником с целебной водой. В путеводителе И. Бумбера (1914 г.) указано, что вода источника «...по данным Харьковской и Петербургской лабораторий стоит выше Контрексевилля» [3, с. 32]. При этом отмечалось, что при монастыре есть до 20 удобных номеров для дачников.

Ю.С. Воронин в своей работе «Армянские памятники Крыма. Архитектура» так характеризует данный памятник: « а) Церковь Спаса Преображения не имеет аналогов в Крыму. Здание представляет собой однонефную прямоугольную в плане постройку базиликального типа размером 8,30х17,90 м, ориентированную апсидой на восток-северо-восток. Апсида наружу не выступает, скрыта в восточной прямоугольной части храма. С основным залом апсиды сообщается через довольно глубокую виму. Особенностью апсидной части церкви является также и то, что между наружным закруглением апсиды и восточной стеной храма имеется проход-коридор с выходом в него через проем в восточ-

ной стене апсиды помещениями 1,30x1,90 м по сторонам апсиды. Ранее в эти помещения-хораны (приделы) – жертвенник и дьяконник – можно было пройти, вероятнее всего, из зала через дверные проемы, превращенные позднее в две прямоугольные ниши. А. Л. Якобсон считал такое устройство апсидной части особенностью романской архитектуры. Над северным хораном имеется небольшое помещение – келья с разрушенной лестницей, ведущей из хорана в келью и на крышу. Центральная часть нефа перекрыта, что также необычно для армянской архитектуры, крестовым сводом с нервюрами. В восточной и западной частях храма свод стрельчатый на подпружных арках.

Входов в храм было три: один – в западной стене по продольной оси храма, и по входу в северной и южной стенах. Все входы имели богато декорированные резьбой по камню порталы.

Разнообразна резная пластика интерьера: пяты арок, нервюр, «Агнцы Божии» в замковом камне крестового свода и в апсиде, хачкар, сталактитовые ниши и, наконец каменный рельеф «Распятие» в правой от апсиды нише, рельефы-иконы перед апсидой, утраченный рельеф «Воскресение» и т. д. Предположительно, первоначальная крыша была стропильной четырехскатной, о чем свидетельствуют скошенные наружу кронштейны по периметру здания, особенно угловые диагональные. Покрытие могло быть только из керамической черепицы. В дальнейшем можно предположить такую строительную историю здания: над западным фасадом надстраивается фронто́н. При этом крыша могла остаться стропильной, но уже двухскатной. В этот период мог быть устроен и свод на подпружных арках, а несколько позднее над центральной частью наоса (основного зала) крестовый свод на нервюрах. На стропильной двухскатной крыше

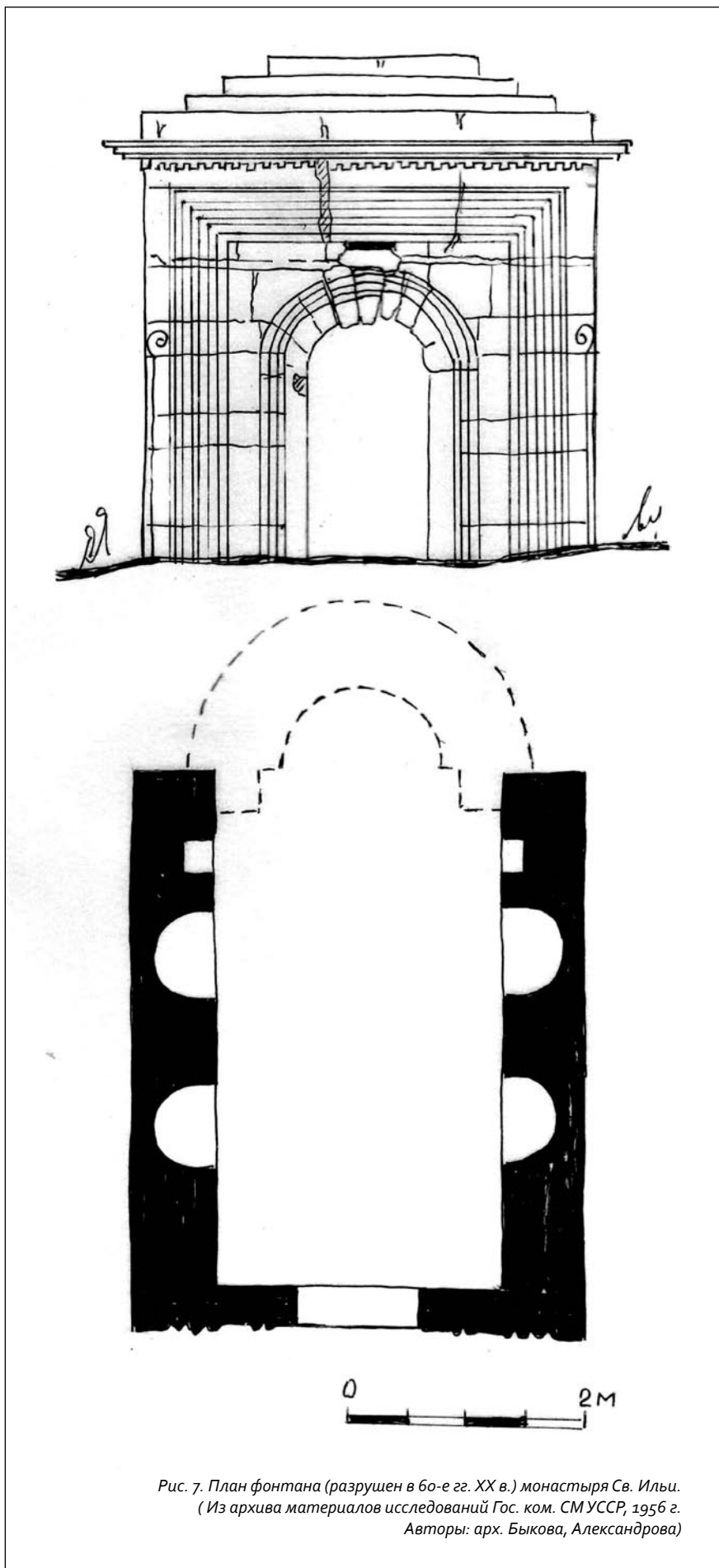

Рис. 7. План фонтана (разрушен в 60-е гг. XX в.) монастыря Св. Ильи.
(Из архива материалов исследований Гос. ком. СМУСР, 1956 г.
Авторы: арх. Быкова, Александрова)

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 8. Армянские бани (Эрмени Хамам).
Репродукция из коллекции
А.Л. Бертье-Делагарда.
Фото 1947 г.

Рис. 9. Армяно-католический собор. Рисунок. Автор профессор П. И. Голландский. 1927 г.

Рис. 10. Руины армянской церкви в с. Ени-Сала. Репродукция рисунка из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда

Рис. 11. План уничтоженной армянской церкви в с. Ортолан (Земляничное)

Рис. 12. Приложение 1. Решение Исполкома Белогорского района...

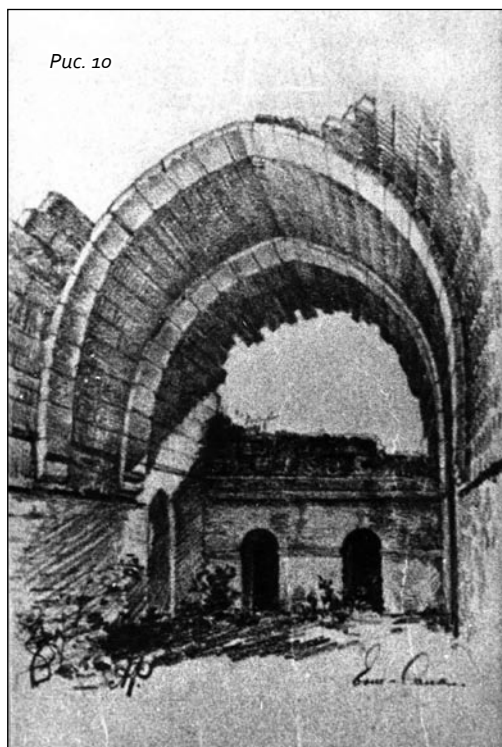

Рис. 10

и даже после устройства сводов можно предположить сначала черепичную кровлю, затем кровлю из каменных черепиц с заполнением пазух. Далее – предполагаем устройство периметрального парапета и вмонтированных в парапет водометов. Судя по фотографии второй половины XIX века, над парапетом вновь была устроена стропильная четырехскатная крыша, крытая черепицей, и декоративный (несветовой) барабан по центру конька с фонарем, шатровой маковкой и крестом на яблоке.

б). Кельи и хозяйственные постройки. Раскопками 1979 года (В. А. Сидоренко) обнаружены стены ограды монастыря, фундаменты келий и других строений, которые просматриваются к северу от храма.

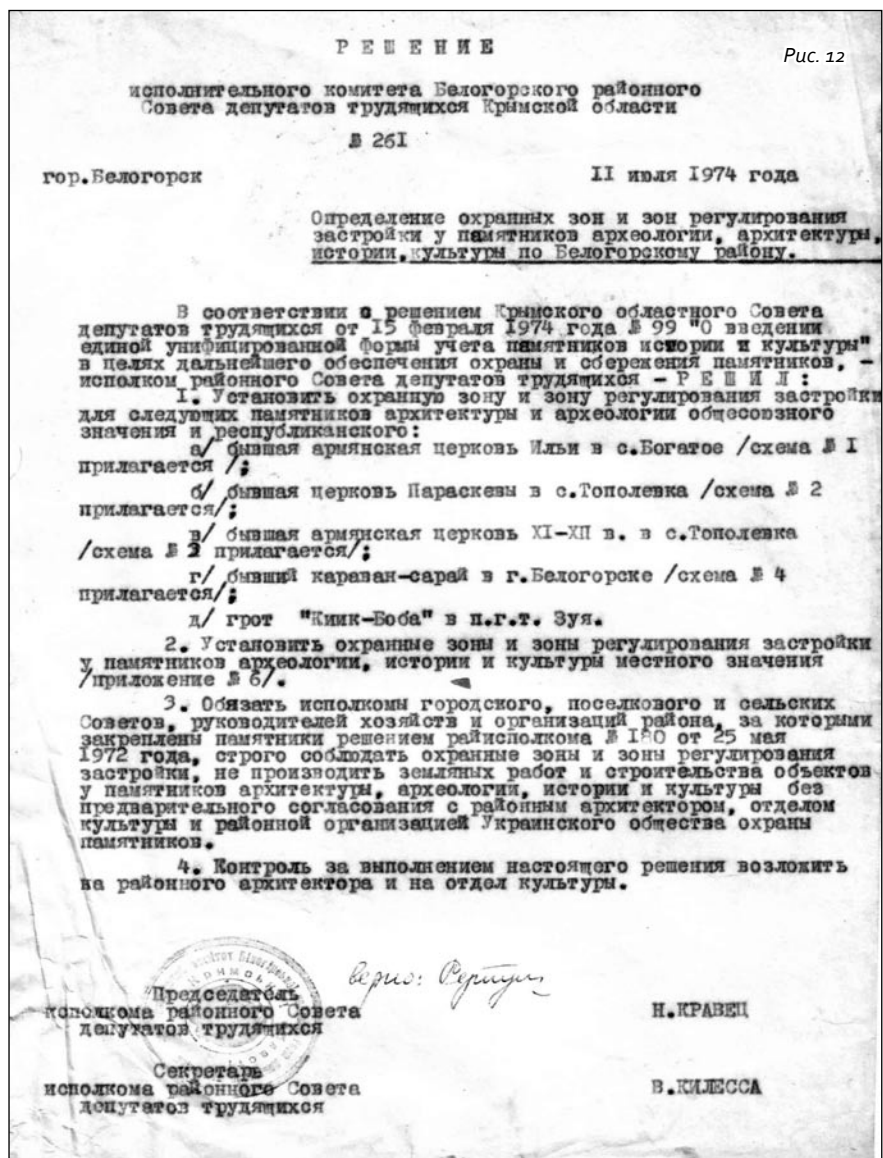
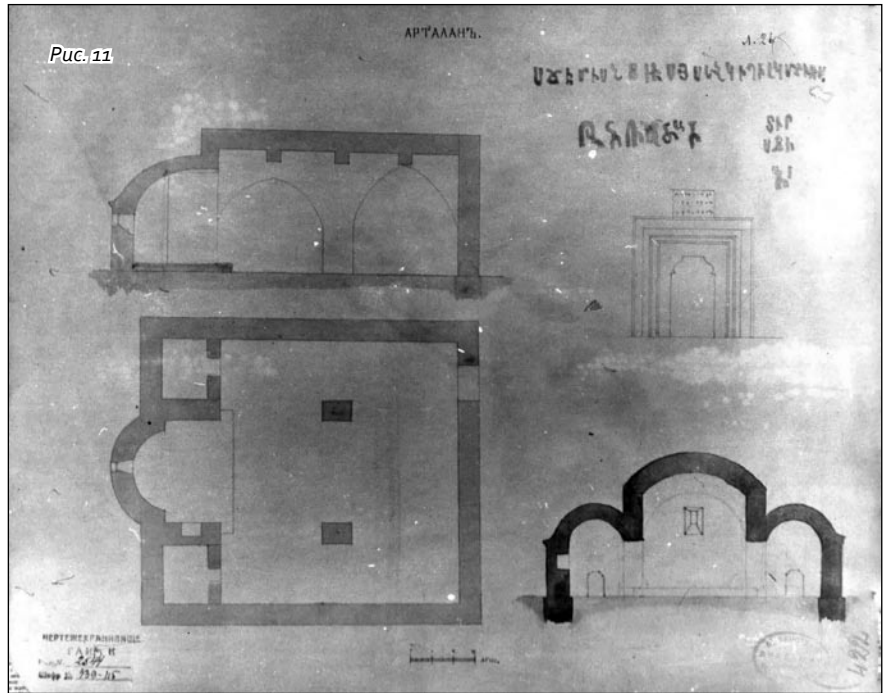
в). Фонтан (точнее монастырский родник). Разобран в 60-х годах XX в. В 1956 году был выполнен схематический обмер памятника. Родник расположен в 60 м к западу от храма. Архитектурные сооружения над водным источником были традицией армянской архитектуры. Родникам в армянской культуре уделялось особое место в соответствии с тем, какое значение имело в древнем мире и средние века водоснабжение. Родники представляли собой обычно более или менее вытянутые прямоугольные в плане помещения, перекрытые полуциркульными сводами. Родник на указанном памятнике был именно таким. Его размеры в плане были 3,8х6,15 м, высота – 4,15 м. Площадь помещения была более 10 м². Вход был устроен с полуциркульной профилированной аркой в восточной торцевой стене и имел в свету габариты 1,х1,9 м. Основной объём завершался многоступенчатым карнизом со значительным выносом. О характере интерьера и конструкции перекрытия родника точных данных нет. Источник функционирует до сих пор» [4, с. 16].

Ю. С. Воронин в своём исследовании отмечает также, что

известны два проекта реставрации памятника, выполнявшиеся в 1955 году (Симферопольский филиал института «Гипроград») и в 1983-86 гг. (институт «Укрпроектреставрация»). Однако и сейчас, в начале XXI века, проекты остались на «бумаге», памятник разрушается и ждет своего спасения.

Как было отмечено выше, уже в XV веке на территории Карасубазара (совр. Белогорск) помимо армянских кварталов с лавками купцов и мастерскими ремесленников, было девять армянских церквей. После турецко-османского вторжения на полуостров в 1475 году и выселения христианского населения из Крыма в 1778 году пострадала большая часть культовых и гражданских армянских зданий и сооружений, которые вынужденно оставались без хозяев. Но, по мере возвращения армянского населения в Карасубазар, восстанавливались старые и строились новые храмы и общественные здания. Наибольшим ударом по памятникам армянской культуры Белогорья послужил разгул «борьбы с поповством» и самодурство на местах под лозунгом «борьбы с религией» в 20-30 годы XX века. В сводке о работе церковного отдела НКВД за период с 17 декабря 1923 г. по 13 декабря 1924 г., указывалось, что в Карасубазаре зарегистрировано три армянских церкви и монастырь в Бахчи-Эли [8]. В этот же период ведется переписка между ЦАУ Крым АССР и Карасубазарским РИКом о ликвидации храмов [7]. Монастырь в Бахчи-Эли был закрыт в 1927 году, а в 1931 году закрыт армяно-католический храм в Карасубазаре, который по праву считался красивейшим зданием города. Культовые и общественные здания подвергались ломке на камень и уничтожению, а те, которых не постигла эта участь, подвергались осквернению и обветшанию.

В приложении № 5 к «Спис-

ку памятников 1936 года города Карасубазара» находим: (орфография соблюдена – авт.)

«... 4. Армянские бани (Ермени Хамам) XVII в., на краю города, возле реки Карасу, сохранились купольные крыши, внутри каменные плиты, здание в лучшей сохранности, чем турецкие бани. В 1936 г. ломалось на камень.

...9. Армяно-григорианская церковь XVI в. небольшая интересная постройка, где находилась резная дверь XV в., взята Феодосийским музеем и находится теперь (1936 г.) на иранской выставке. Постройка ныне разрушена, сохранились стены, на одной памятник армянскому святому, на мраморной плите барельеф изображающий повешенного человека и дьявола держащего во рту конец веревки. Надпись на древне-армянском языке хорошо сохранилась. Надгробный камень по легенде считается целебным, края его стерты.

10. Армяно-католическая церковь XVI в. Ценная постройка со многими надгробными камнями, внутри интересная старинная резная дверь из алтаря в ризницу, вывезенная из города Ани. Интересно рождение Христа, восковая кукла в ящике из черного дерева, вывезенная из Венеции, плащаница, в раме барельеф из 4-х фигур, статуя Мадонны /Леонардо да Винчи/ – мрамор. Перечисленное не сохранилось. Храм продан Рай-Фо артели Аркадаш в 1934 г. Сохранилось и находится в артели Аркадаш следующее:

- мемориальная доска патера Тер-Гамоника Варте-носовича, I-го священника Армяно-Католической церкви, похороненного в стене церкви в 1799 г. – мрамор;

- две статуи работы итальянского мастера являются надгробными памятниками, установленными на могиле Серебрякова в 1797 г....» [6].

Еще до полного освобождения Крыма от нацистов и их союзников, 20 апреля 1944 г., Совнаркомом Крымской АССР была образована «Республиканская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и установлению причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крыма» [10, с. 158]. Была проведена ревизия и составлен «Список памятников архитектуры по Крымской области в 1944-45 гг.», в котором мы уже не находим нескольких памятников, а по городу Белогорску в «Списке ...» указаны:

«...121. Эрмени-хамам – развалины древней бани XVII в.;

...123. Армянская церковь (древняя дверь)» [6].

В июне 1944 года армянскую общину Крыма постиг новый удар. По распоряжению сталинского режима армяне были депортированы в Среднюю Азию. И вновь большая часть гражданских и культовых армянских зданий, покинутых хозяевами, подверглась осквернению и разрушению. Всплеск строительной деятельности, в 1950-60 гг. также принес ощутимые беды. Описанная в 1898 году А. И. Маркевичем [12, с. 107] армянская церковь в бывшей деревне Ени-Сала (совр. Красноселька) полностью утрачена для потомков.

Зачастую даже сохранившиеся здания не попада-

ли в число памятников. В результате была уничтожена базиликальная армянская церковь в б. селе Орталан (совр. Земляничное). Решением № 261 от 11 июля 1974 года, исполком Белогорского районного Совета депутатов трудящихся установил охранную зону и зону регулирования застройки для памятников архитектуры и археологии республиканского и общесоюзного значения, в число которых вошли: «а) бывшая армянская церковь Ильи в с. Богатое, б). бывшая церковь Параскевы в с.Тополевка, в). бывшая армянская церковь XI-XII вв. в с. Тополевка...» (Приложение № 1). О наличии армянских памятников в самом городе Белогорске уже не упоминается. Таким образом, памятники армянской культуры в границах города были безвозвратно потеряны в 30-60-х гг. XX-го столетия.

Историческая справедливость была восстановлена в конце минувшего столетия. Сегодня, в новейшее время для армянской общины Белогорья, КАО, актуально стоят вопросы популяризации, охраны, сохранения и восстановления памятников армянской культуры на территории района. Необходимо на основании письменных и архивных данных установить границы армянского квартала в пределах города, выявить и взять на учет сохранившиеся здания с элементами армянской культуры, здания, связанные с именами деятелей культуры и искусства армянского народа. В селах Белогорского района, где проживало армянское население, собрать этнографический материал, предметы быта и истории, связанные с армянской общиной Белогорья. Мы в ответе перед потомками, которые не простят утраченного по нашей вине культурного наследия.

Список литературы

1. Архив ГАИМК, инв. № 2540, 339-111.
2. Бжжкянц М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. – Венеция, 1830. – с. 257.
3. Бумбер (Блумберг) И. Крым: Путеводитель. – Симферополь, 1914. – с. 32.
4. Воронин Ю. С. Армянские памятники Крыма. Архитектура // Каталог-справочник. (машинопись). – Симферополь, 1999. – с. 16.
5. Гавриил. Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский // ЗООИД, 1844. Т. 1.
6. ГААРК. ф.Р-20, оп. 2, д. 7.
7. ГААРК. ф.Р-663, оп. 10, д. 398.
8. ГААРК. ф.Р-663, оп. 10, д. 415.
9. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666-1667 гг.). Перевод и комментарий Е. В. Бахревского. – Симферополь: ДАР, 1999. – с. 75.
10. Кондратов И. П. Крым. 1941-1945. Хроника. – Симферополь: КАГН, 2000. – с. 158.
11. Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. – К.: Стилос, 2001. – с. 207.
12. Маркевич А. И. Памятники христианства в окрестностях Бахчисарая и Карасубазара // ИТУАК, 1898, № 29. – с. 109.
13. Саргсян Т. Э., Петросян М. В. Крым: Монастырь Сурб-Хач. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2008. – с. 28.
14. Сидоренко В. А. Отчет о раскопках памятников архитектуры монастыря Сурб-Хач и церкви в селе Богатом в Юго-Восточном Крыму в 1979 г. // Архив КФ ИА НАН Украины.
15. Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // ЗВОИРАО, Т. 1. Вып. 4. – СПб., 1887. – с. 287.
16. Список памятников местного и национального значения расположенных на территории АРК. – Симферополь, 2004. – с. 412.

Список сокращений

<i>авт.</i>	<i>автор</i>
<i>АН</i>	<i>Архитектурное наследие.</i>
<i>ГААРК</i>	<i>Государственный Архив Автономной Республики Крым.</i>
<i>ГАГС</i>	<i>Государственный архив города Севастополя.</i>
<i>ГАИМК</i>	<i>Государственная Академия Истории Материальной Культуры.</i>
<i>ЗВОИРАО</i>	<i>Записки Восточного отдела Императорского русского археологического общества.</i>
<i>ЗООИД</i>	<i>Записки Одесского Общества Истории и Древностей.</i>
<i>ИИМК РАН</i>	<i>Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.</i>
<i>ИТУАК</i>	<i>Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии.</i>
<i>КАО</i>	<i>Крымское Армянское Общество.</i>
<i>КРУБИКЗ</i>	<i>Крымское республиканское учреждение Бахчисарайский историко-культурный заповедник.</i>
<i>МАИАСК</i>	<i>Материалы по истории и археологии античного и средневекового Крыма, вып. 1, Симферополь, 2008.</i>
<i>НКВД</i>	<i>Народный Комиссариат Внутренних Дел.</i>
<i>РайФо</i>	<i>Районный Финансовый отдел.</i>
<i>РГАДА</i>	<i>Российский Государственный архив древних актов.</i>
<i>РИК</i>	<i>Районный Исполнительный Комитет.</i>
<i>СНК КрымАССР</i>	<i>Совет Народных Комиссаров Крымской Автономной Советской Социалистичой Республики.</i>
<i>ЦАУ КрымАССР</i>	<i>Центральное Архитектурное Управление Крымской Автономной Советской Социалистической Республики.</i>

Содержание

<i>Предисловие</i>	3	<i>Томаш Марцинек. Рождение и смерть армянской католической церкви в галиции куты на черемоше 1717-1947</i>	50
Материалы научной конференции			
Раздел I. Крымские армяне в средние века			
<i>М. Ю. Арсенян. Типологічні особливості планувально- просторової організації вірменських храмових споруд на теренах України в період з X – початок XIX ст.</i>	7	<i>А. Д. Тимиргазин. Два юбилея Ивана Константиновича Айвазовского. По материалам газеты «Крымский вестник», 1897 год</i>	54
<i>Н. В. Днепровский. К вопросу о количестве армянских религиозных центров в г. Бахчисарае и их локализации</i>	14	<i>В. Г. Тур. Армяно-католическая община Карасубазара в конце XVIII века. По архивным материалам</i>	67
<i>В. В. Майко. Армянская версия жития Стефана Сурожского как исторический источник</i>	24	Раздел III. Вопросы сохранения и использования культурного наследия армян Украины	
Материалы научной конференции			
Раздел II. Крымские армяне в Новое время			
<i>Л. В. Арутюнян. История армянской церкви во имя Св. Анны в городе Севастополе. По архивным материалам</i>	31	<i>Самвел Азізян. Вірменський музей Львова. Питання повернення національних культурних цінностей, що історично належали вірменським національним і релігійним громадам України</i>	72
<i>Е. Барашьян. Исторический взгляд на судьбу халибовского армянского училища в Феодосии</i>	36	<i>Р. В. Атоян, С. Б. Абрамян. Вопросы картографического отображения армянских колоний Крыма и Подолии</i>	77
<i>К. А. Геворгян. Вірмени у Великій Вітчизняній війні на території Донецької області</i>	41	<i>А. М. Байбуртский, А. Д. Тимиргазин. Музей монастыря Сурб Хач в восточном Крыму</i>	80
<i>Л. П. Даниленко. Три года в Ереване. Из истории национальной картинной галереи им. И. К. Айвазовского</i>	44	<i>В. А. Захаров. Памятники армянской культуры Белогорского района Автономной Республики Крым</i>	85
<i>Л. П. Даниленко. Ереванский период творчества Николая Степановича Барсамова</i>	48	<i>Список сокращений</i>	93
		<i>Содержание</i>	94

Издание подготовлено при поддержке Республиканского комитета АРК по делам межнациональных отношений и депортированных граждан

Издательство ЧП «Предприятие Феникс»
г. Симферополь, ул. Краснознаменная, 26
Тел./факс: +38 (0652) 51-21-23

Формат 84x90 1/8. Бумага офсетная 80 г/м².
Гарнитура «Corbel». Печать офсетная.
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в Печатном салоне «PrintPix»
г. Симферополь, пр. Победы, 38
Тел./факс: +38 (0652) 54-61-51
2008 г.